

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

КУРЛОВА Екатерина Андреевна

**ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ
АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ *ОТДЫХ***

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Г.М. Васильева

Санкт-Петербург
2014

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I Содержание и структура ассоциативно-семантического поля «отдых» в лексикографическом представлении	14
1.1. Антропоцентрический подход к исследованию лексической семантики в современной отечественной лингвистике	14
1.1.1. Системно-структурный и когнитивный аспекты лексической семантики	14
1.1.2. Лингвокультурологический аспект лексической семантики в составе интегративного подхода к анализу слова	20
1.1.3. Понятие ассоциативно-семантического поля в рамках интегративного подхода к исследованию лексики	24
1.2. Ассоциативно-семантическое поле <i>отдых</i> по данным лексикографических источников	30
1.2.1. Ядерные лексемы лексико-семантического поля <i>отдых</i>	30
1.2.1.1. Лексемы <i>отдых</i> и <i>отдыхать</i> по данным толковых словарей	30
1.2.1.2. Семантический объем лексем <i>отдых/отдыхать</i> в различных лингвистических исследованиях	33
1.2.2. Основные параметры лексико-семантического поля <i>отдых</i> в современном русском языке	36
1.2.2.1. Представление семантики отдыха в идеографических словарях	36
1.2.2.2. Содержание и структура лексико-семантического поля <i>отдых</i> (по данным лексикографических источников)	41
1.2.2.3. Ассоциативно-вербальное поле <i>отдых</i> (по данным свободных ассоциативных экспериментов)	49
1.3. Проблема сегментации семантики отдыха в современном русском языке	57
1.4. <i>Отпуск</i> как основной сегмент ассоциативно-семантического поля <i>отдых</i>	62

Выводы	73
ГЛАВА II Динамика типовой ситуации «отдых-отпуск» в русской языковой картине мира	78
2.1. Общая типовая (денотативная) ситуация «отдых-отпуск» по данным лексикографических источников	78
2.1.1. Наименования субъектов ситуации «отдых-отпуск» по данным толковых словарей	78
2.1.2. Наименования субъектов ситуации «отдых-отпуск» в идеографических словарях	83
2.2. Типовая ситуация курортного отдыха в русской языковой картине мира	85
2.2.1. Исторические и культурологические особенности курортного отдыха в России	85
2.2.2. Ситуация курортного отдыха в ассоциативно-вербальной сети	90
2.2.3. Контекстный потенциал типовой ситуации курортного отдыха (по данным «Национального корпуса русского языка»)	95
2.3. Ситуация туристского отдыха в русской языковой картине мира	107
2.3.1. Возникновение и развитие туристского отдыха в России	107
2.3.2. Ассоциативно-вербальный потенциал лексемы <i>турист</i> в русской языковой картине мира	113
2.3.3. Контекстный потенциал лексем <i>туризм</i> и <i>турист</i> (по данным «Национального корпуса русского языка»)	117
2.4. Основные характеристики типовой ситуации дачного отдыха в русской языковой картине мира	123
2.4.1. Исторические и культурологические особенности дачного отдыха в России	123
2.4.2. Ситуация дачного отдыха в толковых словарях и ассоциативно-	130

вербальной сети	
2.4.3. Контекстный потенциал типовой ситуации дачного отдыха (по данным «Национального корпуса русского языка»	137
2.5. Наименования субъектов отдыха, не закрепленные за частной ситуацией отпуска	144
Выводы	150
Заключение	154
Список литературы	160
Список литературы на иностранных языках	177
Список словарей и справочников	177
Интернет-ресурсы	181
Приложение	182

ВВЕДЕНИЕ

Понятие отдыха организует широкое семантическое и концептуальное пространство, в самом широком обобщении подразумевающее *восстановление сил* и этимологически восходящее к вышедшему из употребления значению «преодолеть состояние задыхания, восстановить нормальное дыхание, отдышаться» [Пеньковский 2005: 80]. Широта современного концептуального пространства отдыха реализуется в различных направлениях: это восстановление и физических сил человека (*Устанешь коль бежать, сколь ни был бы охоч, / Почий, и отдых вновь твою восставит мочь* (В. П. Петров. 1772) и его духовных, душевных сил (*Ни сна, ни отдыха измученной душе* (А.П. Бородин). В художественном осмыслении с отдыхом связана широкая палитра образов, не только вводящих его в область человеческих чувств (*отдых сердца, любви, страсти* и др.), но и включающих его в ряд категорий экзистенциального порядка (*вечный отдых, последний отдых, нескончаемый отдых забвения, сладостный отдых во тьме гробовой, отдых, к которому мы все идем* и др. (о смерти).

Ценностно-философское осмысление отдыха позволяет рассматривать его как необходимое условие существования не только человека, но и всего живого и жизни вообще: *Человек отдыхает, зверь отдыхает, паишня отдыхает. Всем отдыхать положено не для удовольствия, а для скопления сил* (Б. Васильев).

Компонент «отсутствие трудовой активности» превращает отдых в глубоко социальный феномен, который попадает в сферу интереса широкого круга гуманитарных и естественных дисциплин: культурологии, экономики, социологии, медицины, физиологии, психологии и др., акцентирующих различные аспекты отдыха и связывающих его с понятиями жизненного уклада, стиля, качества, уровня жизни, социальной стратификации, социальной престижности и др.: «характер отдыха является для человека индикатором его

социального положения и качества жизни, а для общества – показателем развития экономики страны в целом и ее социально-культурной сферы в частности» [Матющенко 2010: 11].

Социальный аспект отдыха проявился в возникновении у глаголов *отдыхать/отдохнуть* в середине XX в. значения «проводить отпуск/выходные дни; не работать» [Зализняк 2012: 343], что связано с учреждением отпусков для трудящихся (приказ «Об отпусках» 1918 г.) и введением понятия отпуска в трудовые отношения.

В связи с противопоставленностью труду и работе, заложенной в его семантике, *отдых* попадает и в область идеологических интерпретаций: *Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать* (В.И. Ленин).

Вполне закономерно, что представления об отдыхе находят отражение в значительном фрагменте языковой картины мира и вербализированы многочисленными лексическими средствами: в различных лексикографических источниках зафиксировано более 300 лексических единиц. Его основные номинанты (лексемы *отдых* и *отдыхать*) характеризуются широтой и диффузностью семантического объема, а синтагматические и парадигматические связи различного уровня, организующие основное содержание соответствующего лексико-семантического поля, свидетельствуют о значительной неоднородности представлений об отдыхе, кодифицированных лексикографическими источниками. Эти представления, являясь индикатором экономических, политических и социальных изменений в обществе, обуславливают чрезвычайную подвижность корпуса вербализирующих их лексических средств, а также стоящих за ними ассоциативно-вербальных полей и концептов. Таким образом, социальная сущность феномена отдыха и многообразие его форм, включенность представлений об отдыхе в ценностно-оценочную и художественную сферу обусловили существование значительного по объему, сложного по содержанию, чрезвычайно мобильного фрагмента

языковой картины мира, который требует направленного исследования и обоснованного сегментирования с учетом диахронических процессов, происходящих в соответствующем концептуальном пространстве.

Актуальность исследования обусловлена обращением к значительному фрагменту языковой картины мира, отражающему важнейшие экономические, политические, культурные изменения в обществе, которые затронули жизнь и сознание каждого человека. Хронологические границы материала исследования (лексикографические источники и контексты употребления середины XIX – начала XXI вв.) совпадают с эпохальными изменениями в жизни российского общества и позволяют проследить характер влияния этих преобразований на сознание носителей русского языка.

Объективный анализ столь сложного концептуального пространства возможно осуществить в рамках актуальных направлений лингвистической науки, манифестирующих значимость «человеческого фактора» в языке: когнитивной семантики (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Е. Сулименко, В.Д. Черняк и др.) и лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, О.А. Леонтович, В.Н. Телия и др.), позволяющих объединить в интегративном анализе семантический, когнитивный и лингвокультурологический потенциал слова. Антропоцентрический подход позволяет затронуть актуальные для современной лингвистики проблемы: вопрос о дискретности и диффузности семантики слов и концептов, об их диахронических и субкультурных трансформациях; о возможности сегментирования сложного семантического пространства с опорой на ассоциативно-вербальное и контекстное «расширение» содержания слова; об условиях возникновения амбивалентности концепта, причинах его понятийного и оценочного «двоения» и др.

Объектом исследования является ассоциативно-семантическое поле *отдых*, сегментирование и описание которого осуществляется на основе

корпуса лексикографических источников, свободных ассоциативных экспериментов и контекстов употребления.

Предмет исследования составляют динамические процессы в содержании основного сегмента исследуемого поля, обусловленного типовой ситуацией «отдых-отпуск».

Цель работы - вычленение основных сегментов ассоциативно-семантического поля *отдых*; выявление динамических процессов в его содержании; определение наиболее значимых направлений семантических и концептуальных преобразований в содержании его основного сегмента – «отдых-отпуск».

Поставленной цели соответствуют следующие задачи:

- определить состав лексико-семантического поля *отдых* по данным различных словарей, выявить основные синтагматические и парадигматические связи основных номинантов поля;
- дополнить его содержание за счет данных «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова и свободных ассоциативных экспериментов, расширив таким образом объект изучения до интегрированного ассоциативно-семантического поля;
- определить и обосновать критерии, на основании которых возможно осуществить сегментирование поля и вычленить его основные содержательные компоненты;
- выявить особенности динамических процессов в содержании основного сегмента поля, обусловленного общей типовой ситуацией «отдых-отпуск», путем ее дифференциации и выделения более частных ситуаций;
- выделить и описать лексико-семантическую группу наименований субъектов отдыха, которые являются индикаторами частных ситуаций продолжительного отдыха (по материалам лексикографических источников);

- проследить динамику семантических и концептуальных изменений в данной группе на основании свободных ассоциативных экспериментов и контекстов употребления с учетом политических и социокультурных преобразований в обществе с конца XIX по начало XXI вв.

Материалом диссертации послужили лингвистические словари различных типов (толковые, этимологические, идеографические, синонимические, словарь сочетаемости, словарь эпитетов, словообразовательный словарь, словарь ассоциативных норм), лексикографические источники энциклопедического характера (энциклопедии и словари различных лет издания), результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в 2013-2014 годах, а также контексты употребления основных номинантов поля и наименований субъектов типовой ситуации «отдых-отпуск», отобранные из Национально корпуса русского языка (всего было рассмотрено около 2000 контекстов).

Гипотеза исследования: использование когнитивного и лингвокультурологического аспектов лексического анализа позволяет сегментировать многоаспектное, неоднородное содержание ассоциативно-семантического поля *отдых*, вычленить его ключевые сегменты, уточнив их содержание, обусловленное особенностями типовых ситуаций отдыха, а также проследить основные направления динамических преобразований объективированного в них концептуального пространства.

В диссертации были использованы **методы и приемы** дефиниционного и компонентного анализа ключевых лексем семантического поля *отдых*, а также лексико-семантической группы наименований субъектов отдыха; приемы концептуального и лингвокультурологического анализа, а также контекстуального анализа.

Положения, выносимые на защиту:

- семантика отдыха, чрезвычайно широко представленная в русской языковой картине мира, зафиксирована в лексикографических источниках как недифференцированный (толковые словари), диффузный (идеографические словари) комплекс разноуровневых смыслов (которые передают как внутреннее состояние человека, так и социальные формы организации свободного от работы времени);

- в качестве возможного основания для исследовательского сегментирования поля (в первую очередь, той части его содержания, которая репрезентирует представления об отдыхе как о социальном феномене) может быть использована *типовая (денотативная) ситуация отдыха* и прежде всего ее пространственно-временные координаты, а именно - критерий *продолжительности отдыха* с учетом дополнительного критерия *смены привычной локализации его субъекта*;

- использование критерия *продолжительности* позволяет выделить ряд сегментов поля, которые условно можно обозначить как *краткий отдых* (передышка, перекур); *непродолжительный отдых* (выходные дни), *продолжительный отдых* (отпуск/каникулы), *бессрочный отдых* (пенсия, смерть (поэтич.)), *отдых, не связанный с параметром времени*, относящийся к внутреннему состоянию человека (отдохновение, чувство отдыха); наложение дополнительного критерия *смены постоянной локализации* позволяет вычленить отдельный сегмент поля – *продолжительный отдых со сменой постоянной локализации его субъекта*, мотивированный типовой ситуацией «отдых-отпуск»;

- сегмент «отдых-отпуск» составляет основную содержательную часть поля, что подтверждается значительным совпадением основных направлений ассоциирования лексем *отдых* и *отпуск*, а также близостью их ассоциативно-вербального потенциала (более 70% содержательных и оценочных совпадений);

- среди компонентов типовой ситуации продолжительного отдыха (время, продолжительность, место и формы организации, характер отдыха) центральное место принадлежит субъекту отдыха, номинанты которого, выделенные на основании общего компонента «человек, находящийся на отдыхе», могут быть объединены в особую лексико-семантическую группу наименований субъектов отдыха (отдыхающий, дачник, курортник, отпускник, турист и др.), которые являются маркерами конкретных ситуаций продолжительного отдыха;

- ассоциативно-вербальный и контекстный потенциал наименований субъектов отдыха выявляет динамику изменений частных ситуаций продолжительного отдыха (дачного, курортного, туристского), отражающую смену идеологических установок и экономических условий жизни в дореволюционной, советской и постсоветской России, а также динамику соответствующих концептов;

- основные направления изменения концептов проявляются в процессах актуализации одних смысловых компонентов и редукции других, в перераспределении их содержательных и оценочных составляющих, приводящих к конкуренции, поляризации, амбивалентности концептов в текстах различных периодов, что в целом свидетельствует о чрезвычайной динамичности «концептосферы отдыха»;

- концептуальное пространство отдыха, несмотря на его чрезвычайную мобильность, включает константную оценочную составляющую, которая проявляется в общей направленности метафорических переосмыслений, обусловленной ироническим восприятием беззаботной, праздной жизни в условиях отдыха (жить как на курорте, как на даче), а также устойчивой невысокой оценкой праздного, незанятого трудом человека, получающей созвучные социальные и идеологические интерпретации в художественных текстах различных исторических периодов.

Научная новизна проведенного исследования состоит в выявлении по данным различных лексикографических источников общего корпуса лексических средств, вербализирующих семантическое пространство отдыха в современном русском языке; в попытке сегментирования ассоциативно-семантического поля «отдых» на основе соответствующей типовой ситуации и ее пространственно-временных координат; в вычленении важнейшего сегмента поля, мотивированного типовой ситуацией «отдых-отпуск»; в выделении и описании особой группы наименований субъектов отдыха, не зафиксированной ни в одном из идеографических словарей; в выявлении концептуального содержания номинантов субъектов отдыха на основе комплексных данных системной лексикографии, свободных ассоциативных экспериментов и контекстного потенциала; в выявлении направленности динамических процессов, происходящих в концептуальном пространстве конкретных ситуаций продолжительного отдыха.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем осуществлен комплексный анализ и сегментирование ассоциативно-семантического поля *отдых* с использованием лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов, позволяющих объединить семантические, когнитивные и лингвокультурологические свойства слова; на основании предложенных критериев вычленен и подробно описан основной сегмент поля; выявлена группа номинантов субъектов отдыха, а также основные направления концептуализации представлений о типовых ситуациях отдыха; прослежены важнейшие динамические процессы в «концептосфере отдыха», обусловленные политическими и экономическими преобразованиями в обществе. Результаты данной работы могут быть использованы при исследовании сложных, недифференцированных семантических и концептуальных пространств, при выработке критериев их сегментирования; при описании тематически близких концептуальных явлений.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования результатов работы в содержании вузовских курсов по лексикологии, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, когнитивной лингвистике, в учебниках и учебных пособиях по названным дисциплинам, а также в дальнейших исследованиях в области когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

Апробация работы. Основные положения данного исследования излагались в виде научных докладов на международных научных, научно-методических и научно-практических конференциях «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе» (СГГУ, 2011), «Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М.В.Ломоносова)» (РГПУ им. А.И.Герцена, 2012), «Проблемы когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации» (ПГУ, 2012), «Риторика в новом образовательном пространстве» (СГГУ, 2012), «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (ГПА, 2012), «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» (РОПРЯЛ, 2012), «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе» (СГГУ, 2013). По теме диссертации опубликовано 13 работ.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование, объемом 181 страница, состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Глава I. Содержание и структура ассоциативно-семантического поля «отдых» в лексикографическом представлении

1.1. Антропоцентрический подход к исследованию лексической семантики в современной отечественной лингвистике

1.1.1. Системно-структурный и когнитивный аспекты лексической семантики

Как известно, в настоящее время в лингвистике общепризнанной, ключевой идеей является антропоцентричность языка (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, Н.Е. Сулименко, В.Н. Телия, В.Д. Черняк и др.), в связи с чем современная лингвистика ориентируется «на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8]. Широко известно утверждение Ю.Н. Караулова о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987: 7]. При таком подходе язык создает возможность для проникновения в имплицитную сферу человеческого сознания, знания, чувства. Являясь когнитивной структурой, язык участвует во всех мыслительных процессах, в предметно-познавательной деятельности человека, обеспечивает его миропонимание и мировидение. Концептуализируя внеязыковую действительность, язык предоставляет возможность ее интерпретации с опорой на различные языковые сущности и, прежде всего, на слово как основную единицу языка.

Слово как «носитель определенного кванта информации» [Кубрякова и др. 1991: 103], «сгущение мысли» [Потебня 1993: 118] дает «наиболее очевидный и естественный доступ к человеческому мышлению и поведению, к возникновению, хранению, переработке и извлечению информации»

[Сулименко 2004: 11]. Семантика слова при таком подходе рассматривается как отражение внеязыковой действительности в сознании человека, «отражение определенных пластов знаний и опыта, зафиксированных в языке» [Гафарова, Кильдибекова 1998: 92] и предопределяется психофизической деятельностью человека, культурной средой, материальным и духовным опытом [Лапшина 1998: 18]. В широком понимании значение слова представляет собой комплекс знаний об обозначаемом, включающий наряду с основными содержательными признаками, необходимыми для идентификации той или иной реалии, совокупность лингвистической и экстралингвистической (энциклопедической) информации, «потенциальные и ассоциативные компоненты» [Беляевская 1994: 5], весь культурный и исторический фон. Лексическая семантика является подвижной категорией, на содержание которой влияют определенные изменения в политической, экономической, социальной, культурной сферах жизни общества.

Как известно, одним из продуктивных способов постижения лексической семантики, ее многоаспектности и динамики является компонентный анализ языковых единиц, который «обнаруживает связь как с классическим методом изучения лексики, так и с методом семантических полей» [Зиновьева 2003: 54]. Целью этого анализа является многоаспектное описание слова и выделение в структуре значения лексемы различных компонентов: архисем, дифференциальных и интегральных сем. Такой анализ традиционно опирается на данные лексикографических источников различной хронологической отмеченности: «чем шире по лексическому охвату и протяженнее по историческому периоду оказывается совокупность привлеченных словарей, тем точнее можно представить специфику трансформаций не только ... лексем, но и того или иного фрагмента концептосферы ими представленного» [Ефремов 2010]. На основе анализа совокупности словарных дефиниций и иллюстративного материала, представленных в различных толковых словарях,

производится обобщение толкований слова, что позволяет расширить список образующих значение семантических компонентов. На основании полученных данных формулируется обобщающая дефиниция значения лексемы или лексем [Стернин 2013: 10-11]. В дальнейшем моделируется упорядоченная совокупность сем на основе полевого подхода от ядра к периферии в зависимости от выраженности тех или иных семантических признаков. К ядерным семам относят наиболее постоянные и ярко выраженные признаки предмета, а к периферийным – «менее существенные, чаще непостоянные или вероятностные признаки, не являющиеся для объекта наименования основными», однако создающие «образность и экспрессивность словоупотребления», выступающие «основой образования переносных значений», расширяющие «номинативные возможности слова» и часто оказывающиеся национально-специфическими [Маклакова, Стернин 2013: 68].

В работах последних лет (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Е. Сулименко, В.Д. Черняк, Н.В. Акованцева, А.Ф. Гнездилова, З.Д. Попова и др.) исследование семантики слова не ограничивается лингвистическим системно-структурным анализом фиксируемых в различных словарях содержательных признаков лексемы. Это обусловлено тем, что в лексикографических источниках толкование слова представлено на основе принципов минимизации семантических признаков, которые являются «недостаточными для описания реального функционирования слова в речи» [Попова, Стернин 2007: 96]. В связи с этим, лингвисты подчеркивают актуальность выхода за рамки лексикографически зафиксированного семантического объема слова на уровень психолингвистического и когнитивного анализа, способствующего «овнешнению» языкового сознания и проникновению в «сверхглубинную семантику». Исследователи подчеркивают тот факт, что при когнитивном анализе слова число его семантических компонентов, «получающих актуализацию в речи, значительно превосходит число компонентов,

выделенных в описании значения в толковых словарях» [Гафарова, Кильдибекова 1998: 42]. Таким образом, интегративное исследование лексического значения с последовательной опорой на традиционный компонентный, а также когнитивный анализ позволяет увидеть содержательный потенциал слова через призму человеческого мышления, переводя анализ содержания слова в область когнитивной семантики. Изучение когнитивных аспектов семантики является одним из актуальных направлений в современной лингвистике (Е.Г. Беляевская, А. Вежбицкая, А. Зализняк, И.Б. Левонтина, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина, Л.Н. Чурилина и др.), позволяющим исследовать всю совокупность знаний и представлений об обозначаемом, во всей сложности, многоаспектности и динамичности его значения.

Как известно, когнитивный подход к описанию семантики лексических единиц предполагает обращение к понятию концепта, в котором «потенциально «свернуты» все семантические и когнитивные измерения, аккумулирующие информацию о мире» [Белякова 2011: 35]. Концепты, как единицы хранения знания, «единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*)» [Кубрякова и др. 1996: 90], позволяют представить семантику языка не только как набор ограниченных признаков, достаточных для определения того или иного объекта, но и проникнуть в глубинные структуры семантики языковых единиц.

Лингвистами широко исследуется структура концепта, подчеркивается ее сложность и многокомпонентность. Исследователи нередко не сходятся в общем мнении относительно числа его содержательных параметров. В структуре концепта обычно выделяются основные компоненты или слои, по-разному именующиеся в работах (понятийные, этимологические, образные, ценностные, метафорические, ассоциативные), но имеющие общую природу – это основные понятийные и дополнительные признаки концепта. Последние

отражают «представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [Чернейко 1995: 75]. Так, например, З. Д. Попова и И.А. Стернин выделяют три базовых элемента когнитивной природы в структуре концепта – образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Образный компонент представляет собой комбинацию перцептивного и когнитивного образов, информационный компонент содержит характерные и «отличительные черты концептуализированного предмета или явления», а в составе интерпретационного поля исследователи выделяют оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социокультурную зоны [Попова, Стернин 2007: 106-115]. В известной концепции Ю.С. Степанова структура концепта также трехкомпонентна: в ней выделяется основной (актуальный) признак; дополнительный (пассивный, исторический) признак; внутренняя форма (обычно не осознаваемая) [Степанов 2004: 23]. Существенным представляется указание на то, что концепты не только мыслятся, но и переживаются, ввиду чего концепт предстает как «предмет эмоций, симпатий и антипатий, иногда и столкновений» [там же: 43]. О трехкомпонентной структуре концепта говорит и В.И. Карасик, выделяя предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие [Карасик 2004: 3].

В процессе исследования когнитивной семантики анализу подвергается совокупность лексических единиц, составляющих номинативное поле концепта [З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.В. Пименова, О.Л. Чоудхури и др.], включающее различные лексические группировки: лексико-семантические поля и группы, ассоциативные поля, синонимические ряды, а также окказиональные, индивидуально-авторские номинативные средства и пр.

Проникновение в глубинные структуры семантики осуществляется на основе семантико-когнитивного анализа (З.Д. Попова, И.А. Стернин),

позволяющего соединить принципы традиционного лингвистического подхода к описанию семантики языковых средств (зафиксированной в словарях) с когнитивными методами исследования.

Исследователи, работающие в области когнитивной семантики, одним из важнейших свойств слова считают его ассоциативность, поскольку все слова в языке связаны на основе множества «прямых и опосредованных ассоциативных переключек», что соответствует основному принципу человеческого мышления [Бабенко 2004: 26]. Именно ассоциативный потенциал слова формирует существенный сегмент в содержательной структуре соответствующего концепта.

Когнитивный подход предполагает обращение к различным методам психолингвистического анализа и, прежде всего, к свободным и направленным ассоциативным экспериментам с целью моделирования языкового сознания. Метод свободных ассоциативных экспериментов заключается в массовом опросе респондентов с целью получения свободных вербальных реакций на определенные слова-стимулы. Направленный ассоциативный эксперимент отличается тем, что предполагает наличие уточняющих вопросов, позволяющих «получить большее количество ассоциаций, отражающих различные дифференциальные и оценочные признаки семантики исследуемого слова» [Виноградова 2013: 67]. Результаты исследований интерпретируются в виде совокупности когнитивных признаков концепта и представляются в форме ассоциативного поля, включающего ядро (частотные ассоциации) и периферию (единичные). Анализ полученных данных позволяет «увидеть, какое содержание вкладывают носители языка в те или иные понятия, выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания признаков концепта» [Крючкова 2005: 23]. На основании анализа результатов свободных ассоциативных экспериментов в диахроническом аспекте, позволяющего сравнить языковые единицы во времени, например, с данными

«Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю.Н. Караулова, возможно проследить динамику семантики концепта, «процессы актуализации и деактуализации концептов» [Попова, Стернин 2007: 153], объяснить причины семантического развития исследуемых лексических единиц.

1.1.2. Лингвокультурологический аспект лексической семантики в составе интегративного подхода к анализу слова

Выход на глубинный уровень лексической семантики предполагает обращение к проблеме взаимодействия языка и культуры, поскольку язык является хранилищем национального культурного опыта, а языковые единицы «представляют собой бесценный инструмент изучения культуры» [Нуртазина 2003: 57]. Связь языка и культуры наиболее полно проявляется на уровне концепта. Многие исследователи, определяя концепт, подчеркивают его культурную обусловленность. Так, Р.М. Фрумкина определяет концепт как «вербализованное понятие, отрефлектированное в категориях культуры» [Фрумкина 1995], а А. Вежбицкая говорит о том, что концепт представляет собой «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [Вежбицкая 1996: 11]. Принципиальным для понимания культурной сущности концепта является определение Ю.С. Степанова, который подчеркивает, что концепт неразрывно связан с миром культуры: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001: 40]. Ср. также: «Концепт – это микромодель культуры, а культура – это макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [Зусман 2001: 41].

О культурной обусловленности концепта свидетельствует и выделение в его содержании ценностной составляющей (см. работы В.И. Карасика, Г.М. Васильевой, А.Е. Александровой, О.Л. Чоудхури и др.). Как известно, именно ценности составляют основу любой культуры: «культура – это ценности, и определяют все именно они, а не «знания и умения» [Пассов 2000: 9]. Являясь своего рода «входом» в содержание концепта, слово в свернутом виде заключает в себе этот культурно обусловленный потенциал. В связи с этим лингвокультурологический подход как один из методов исследования семантики языка позволяет проникнуть в «национально-культурную специфику языковых единиц с целью понимания их во всей полноте содержания, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры» [Некора 2007: 15].

Описание глубинной семантики в рамках лингвокультурологического подхода, прежде всего, предполагает исследование не изолированного слова, а слова как единицы текста, который является, с одной стороны, моделью речемыслительной деятельности субъекта, внешне представляющей языковое сознание [Филиппович 2012: 66], с другой стороны, хранителем и источником культуры. Ввиду этого текст рассматривается в современных лингвистических исследованиях не только как форма коммуникации, но и как единица культуры. В качестве единицы культуры текст стал предметом многих исследований (см. работы М.М. Бахтина, Н.С. Болотновой, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой, Л.Н. Мурзина и др.); на материале поэтических и прозаических текстов изучается семантика языковых единиц, строятся текстовые ассоциативные поля (Н. С. Болотнова, Е. М. Залогина, Д. А. Щукина, Е. А. Ковалева, Л. Н. Чурилина, Л. Ю. Толстошеева, К. В. Томашевская и др.). Говоря о лингвокультурологическом потенциале текста, исследователи отмечают, что «в содержательно-концептуальном плане художественный текст несет на себе печать как неповторимого эстетического осмысления окружающего мира

конкретной авторской личностью с ее особыми целями и мотивами, культурологическим тезаурусом и выражающими их ассоциациями, так и связи с культурными константами, с поэтической картиной мира народа в ее текстовом воплощении» [Болотнова 2010: 65].

В данном исследовании под понятием «текст» понимается не только законченный текст, но и его фрагмент, представляющий собой необходимый и достаточный контекст употребления исследуемой лексики. Анализ контекста является неотъемлемой частью многоаспектного описания слова, которое, в свою очередь, является «полной и всесторонней конденсацией и препарацией его (слова) отношений к другим единицам класса, его разнообразных и полифункциональных окружений и тех экстралингвистических ситуативных условий, в которых это слово функционирует» [Шведова 1982: 154]. Лингвокультурологический потенциал текста (контекста) позволяет выйти за пределы лексикографически фиксируемой семантики и выявить те содержательные признаки лексических единиц, которые не фиксируются в словарных дефинициях, но «регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д.» [Попова, Стернин 2007: 96].

По мнению лингвокультурологов, именно текст дает возможность увидеть культурный фон, стоящий за определенной языковой единицей, соотнести «поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью» [Маслова 2004: 4]. Исследователи, занимающиеся лингвокультурологическим потенциалом текста, подчеркивают его хронологическую отмеченность: «текст является носителем «культуры определенного этапа в истории общества» [Болотнова 2010: 65] и значительную познавательную ценность в отражении исторической или современной социальной, культурной, этнической действительности [Кручинкина 2010: 210]. Таким образом, именно диахроническая направленность лингвокультурологических исследований позволяет соотнести

исторические преобразования культуры и общества с изменениями в языковой картине мира его носителей.

Согласно принципу антропоцентричности языка, «текст как культурное явление существует только при условии его интерпретации человеком», что, по сути, является когнитивным процессом, связанным «с переработкой поступающей исходной информации в контексте знаний, опыта, ценностей интерпретатора, его картины мира» [Сулименко 2009: 26-27]. Интерпретация текста, по мнению исследователей, предполагает расшифровку его лингвокультурологических кодов. Под лингвокультурологическими кодами текста Н.С. Болотнова понимает «исторически обусловленные, коммуникативно - ориентированные, выраженные в языковой форме сигналы культурно значимой информации, отражающие духовный мир автора, требующие соответствующих культурологических знаний адресата и его включенности в интерпретационную деятельность» [Болотнова 2010: 70]. Исследователь говорит о том, что коды текста отражают различные уровни текстового содержания: информативно-смысловой, прагматический (эмотивный, образный, идейный, эстетический) [Болотнова 2010: 67].

Лингвокультурологические коды текста отражают лингвокультурологический потенциал слова (обнаруживающийся в его контекстно-обусловленной валентности, ассоциативности и метафоричности), а также стоящего за ним концепта (содержательные слои которого проявляются именно в текстовых реализациях), ввиду чего контекст употребления слова является важнейшим материалом исследования «сверхязыковой» семантики. Представляется, что в антропоцентрически ориентированных исследованиях семантики слова целесообразной является интеграция традиционного системно-структурного, когнитивного и лингвокультурологического подходов, поскольку уже «сама процедура культурной интерпретации языковых сущностей является когнитивной по своему характеру» [Телия 1999: 23].

Исследователями подчеркивается, что взаимосвязь когнитивного и лингвокультурологического подходов к описанию языковых фактов «дает возможность проникнуть в глубинные свойства семантики языка и текста», раскрыть богатые возможности многомерных связей языковых единиц [Алефиренко 2010: 28-29]. В связи с этим наиболее продуктивным становится интегральный анализ слова, включающий «его системно-структурные характеристики, обусловленные и когнитивно, и лингвокультурологически» [Сулименко 2012: 37], поскольку оба подхода «представляют две стороны одного и того же явления, отражающие две фазы одного психо-ментального процесса: сложение слова и его значения и включение слова в культурный контекст» [Нуртазина 2003: 56]. Именно такой подход выводит описание семантического пространства за рамки чисто лингвистического изучения (описания лексики как системы) и включает его в когнитивную и лингвокультурологическую сферы исследования.

1.1.3. Понятие ассоциативно-семантического поля в рамках интегративного подхода к исследованию лексики

Как известно, лексико-семантический уровень языка наиболее очевидно фиксирует знания носителей определенной культуры об окружающей действительности, т.е. именно лексический состав играет особую роль в создании и отображении языковой картины мира. При этом лексике любого языка свойственна системная организация на основе существующих семантических связей между языковыми единицами. Системность лексических единиц проявляется в виде объединений различных уровней (полей, классов, пластов, множеств, групп, блоков, гнезд, цепочек, рядов и т.д.): «Принцип поля представляет собой одну из сторон системного (в частности, структурно-функционального) анализа языковых фактов» [Бондарко 2005: 172].

Системному анализу лексики русского языка посвящены работы многих отечественных лингвистов: Ю.Д. Апресяна, Л.М. Васильева, В.Г. Гака, В.Н. Денисенко, П.Н. Денисова, М.Н. Заметалиной, Ю.Н. Караулова, С.В. Кезиной, И.М. Кобозевой и мн. др.

Выделение и описание полей в структуре языка имеет давнюю традицию: лингвистами разработаны семантические, грамматические, деривационные, ассоциативные, фоносемантические, текстовые и пр. поля. Однако при исследовании лексической семантики речь идет, прежде всего, о лексико-семантических полях (ЛСП), которые нередко понимаются как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева 2000: 99]. Другими словами, ЛСП объединяет языковые единицы на основе общности выражаемого ими значения.

Лексико-семантическое поле является емким понятием, в котором «перекрещиваются главные проблемы лексикологии - проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия. Решение задач, связанных с семантическими полями в лексике, позволяет по-новому освещать перечисленные проблемы» [Караулов 1972: 67].

При исследовании лексико-семантического поля, прежде всего, необходимо определить его границы, выявив, из каких элементов (слов, словосочетаний) оно состоит, а также их место и роль в структурной организации данного поля [Тихонов 1994: 3]. Выделение лексико-семантических полей происходит на понятийной и/или на языковой основе, т.е. на основании ономаσιологического или семасиологического подхода. Объединение этих двух подходов является целесообразным, поскольку «основная особенность лексико-семантического поля заключается в адекватном языковом отображении определенного участка действительности, очерченного его понятийным содержанием» [Гафарова, Кильдибекова 1998: 101].

Структура лексико-семантического поля основана на иерархической организации его составляющих. В лингвистических исследованиях, посвященных системности лексики, обозначена структура лексико-семантического поля, в составе которой выделяют центр, представленный ядерной лексемой (ядерными лексемами), вокруг которой на разных удалениях группируются единицы, составляющие околядерную часть и периферию данного поля. Для лексико-семантического поля обязательно «наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением» [Моисеева 2005: 10]. Доминанта, формирующая содержательные контуры того или иного поля и концентрирующая его основные семантические признаки, по мнению Ю.Н. Караулова, не должна быть многозначной, эмоционально-окрашенной, экспрессивной, метафорической и, кроме того, должна обладать наибольшей частотностью в группе близких по значению слов [Караулов 1972: 60]. Кроме того, в зависимости от характера доминанты, детерминирующей состав и структуру поля, строится типология лексико-семантических полей, которые в своей основе могут быть процессуальными, признаковыми и предметными [Абрамов 2003: 12]. В пределах лексико-семантического поля языковые единицы, реализующие свои первичные семантические функции в определенных типах контекстов, входят в околядерную часть поля, а единицы, требующие дополнительного контекста, находятся на периферии соответствующего поля.

Поскольку «структура лексико-семантического поля создается путем многоступенчатого и последовательного деления», в его составе предполагается «вхождение менее сложных единиц в более сложные» [Киферова 1994: 93-94]. Таким образом, в структуре того или иного поля можно выделить лексико-семантические группы (ЛСГ), являющиеся микрополями семантического поля и включающие немногочисленные лексические единицы одной части речи со

своей «архисемой» [Абрамов 2003: 28]. Выделение ЛСГ происходит на основе семантического признака, однако в состав ЛСГ лексемы могут входить «не всем объемом своей семантики, а лишь одним из своих значений» [Зиновьева 2003: 40]. В структуре ЛСГ выделяется ядерная зона (базовая лексема, заключающая в своей семантике интегральную сему) и периферия (лексемы с наибольшим количеством дифференциальных сем). Лексико-семантические группы в системе поля взаимодействуют друг с другом, что свидетельствует о сложных иерархических отношениях между всеми компонентами поля.

В настоящее время лексико-семантическое поле рассматривается лингвистами в трех измерениях: парадигматическом, синтагматическом и эпидигматическом. В состав ЛСП входят слова разных частей речи, объединенные различными типами отношений: синонимическими, антонимическими, гиперогипонимическими, словообразовательными, синтагматическими и др. Существенной представляется позиция Ю.Н. Караулова, который полагает, что лексико-семантическое поле включает в себя некоторые свойства ассоциативного поля, тематического класса, а на периферии могут быть представлены идиоматические, афористические и метафорические явления [Караулов 1999].

Таким образом, лексико-семантическое поле позволяет систематизировать лексический состав языка и описать семантику языковых единиц, однако для задач «овнешнения языкового сознания» [Уфимцева 2009: 107] необходимо выйти за пределы зафиксированной в словарях семантики. Одним из способов проникновения в сознание носителя языка является психолингвистический эксперимент, на основе которого выстраиваются ассоциативные поля.

Ассоциативные поля позволяют описать «знания, на которые опираются в своем речевом и неречевом поведении носители той или иной культуры», представить «системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого» и показать «уникальность и неповторимость образа мира

каждой культуры» [Уфимцева 2009: 107, 108]. Ассоциативные поля строятся на основании результатов психолингвистических экспериментов и позволяют описывать вербальные реакции, отражающие фрагменты вербальной памяти носителей языка, их образы, хранящиеся в сознании, экспрессивные оценки, значительную экстралингвистическую информацию. Как пишет Ю.Н. Караулов, «когнитивная структура ассоциативного поля как бы воссоздает структуру мысли и репрезентирует тем самым отношение «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя, как и не существует «картины мира» без воспринимающего ее» [Караулов 1999: 158].

Ассоциативное поле, строящееся по тому же принципу, что и лексико-семантическое поле, включает в себя ядро и периферию. По мнению исследователей, ассоциативное поле не имеет четко очерченных границ, однако, несмотря на это, оно обладает определенной структурой, включающей неизменное по составу ядро (ассоциации, повторяющиеся независимо от условий эксперимента) и неустойчивую периферию. Частотные реакции, данные респондентами на слово-стимул в ходе ассоциативного эксперимента, составляют центральную часть поля и отражают значимые «объективно существующие в сознании испытуемых и в языке связи между словами» [Леонтьев 2001: 220]. В то же время менее частотные, единичные реакции располагаются на периферии ассоциативного поля и свидетельствуют об индивидуальных представлениях и наличии индивидуального жизненного опыта у определенного испытуемого [Абрамов 2003: 221]. Однако такие реакции являются не менее значимыми для понимания и выявления особенностей сознания носителя языка, поскольку отражают субъективные, оценочные семантические связи. Другими словами, «ассоциативное поле включает не только типовые парадигматические и синтагматические реакции (привычные, автоматические), но и те, которые предусмотрены общими

нормами, индивидуализированы, раскрывают закономерности «сложения смыслов слов» [Степанова 2006: 93].

Поскольку «семантический анализ и ассоциативный соотносятся друг с другом по принципу дополнительности» [Ильина, Черняк 2011: 22], в ряде современных лингвистических исследований идет речь об актуальном объединении лексико-семантического и ассоциативного полей в понятие «ассоциативно-семантическое поле», представляющее собой комбинацию строго системных отношений в лексике и «вторичных, сильно ослабленных связей», основанных на индивидуальном, личностном опыте [Ильина 2013: 8].

Поскольку «существование языка можно репрезентировать материально как очень большую совокупность разнообразных текстов», идея «о возможности связать в одном исследовании ассоциативную лингвистику с проблемами анализа художественного текста» [Караулов 1999: 152] воплотилась в таком объединении, как текстовое ассоциативно-семантическое поле. Данные поля представляют собой объединение языковых единиц на смысловой, концептуальной основе, обусловленной авторским замыслом, вокруг опорного слова в пределах текста. Текстовые ассоциативно-семантические поля образуют единое ассоциативное пространство текста на основе «структурированных ассоциативных реакций субъекта на текст и его элементы, соотносящихся с тематическим, предметно-логическим, сюжетно-композиционным, идейным, эмоционально-оценочным уровнями» [Болотнова 2009: 10] и позволяют наиболее полно исследовать языковую картину мира носителей языка. Таким образом, текстовое пространство можно «рассматривать как один из возможных способов фиксации, объективации сознания носителей языка или индивидуальной картины мира его автора» [Чурилина 2002: 10].

Представляется, что анализ лексики в рамках ассоциативно-семантического поля с проекцией на лексическую организацию текстов

позволяет рассмотреть в интегративной последовательности системный, когнитивный и лингвокультурологический потенциал слова.

1.2. Ассоциативно-семантическое поле *отдых* по данным лексикографических источников

1.2.1. Ядерные лексемы лексико-семантического поля *отдых*

1.2.1.1. Лексемы *отдых* и *отдыхать* по данным толковых словарей

Основными репрезентантами семантики отдыха в русском языке являются лексемы *отдых*, *отдыхать/отдохнуть*. Данный ряд лексем имеет высокую степень употребительности в современном русском языке, что фиксируется различными словарями русского языка. Так, например, по данным «Системы лексических минимумов современного русского языка» под ред. В.В.Морковкина, лексемы *отдыхать/отдохнуть* входят в список 1000 самых употребительных слов русского языка, а лексема *отдых* - в список 2000 самых употребительных слов. Кроме того, в новом частотном словаре русской лексики О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, созданном на основе материалов Национального корпуса русского языка (НРКЯ), лексемы *отдохнуть* и *отдых* входят в список 1000 самых употребительных глаголов и имен существительных соответственно.

Рассматриваемые лексемы прошли «долгий путь» в русском языке. В соответствии с данными «Этимологического словаря современного русского языка» (сост. А.К. Шапошников), данные слова появились в русском языке в XI в. и фиксировались в словарях с XVIII в. Ср.: *отдых* (проведение некоторого времени без обычных занятий, работы для восстановления сил) в русском языке в XI – XII вв. *отъдѣхъ*, *отъдохъ*; в словарях как *отдых* отмечено с 1731 года. *Отдыхать* (отдыхом восстанавливать силы; проводить свой отдых где-либо; восстанавливать свои силы сном (прост) в русском языке в XI-XVII вв.

отмечено как *отдыхати*; *отдыхаю* отмечено в словарях с 1701 года, *отдыхать* с 1771 года. Ср. *отдохнуть, дыхание, дышать, отдышаться. Отдохнуть* – в русском языке отмечено в XI-XVII вв. как *отдѣхнути, поотдѣхнути*, отмечено в словарях как *отдохнуть* с 1731 года. Из праславянского языка *отдѣхнѣти*, однократного глагола на –нѣти, соотносительного с имперфектом **отдыхати*.

Лексема *отдых*, по данным толковых словарей современного русского языка, является однозначной и толкуется как *перерыв в работе, свободное от работы время для восстановления сил* [Словарь русского языка С.И. Ожегова]; *проведение некоторого времени без обычных занятий, работы для восстановления сил* [Словарь современного русского литературного языка (БАС)]; *перерыв в занятиях, в работе и т.п. для восстановления физических и умственных сил* [Словарь русского языка в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой] (МАС); *восстановление сил после утомления* [Толковый словарь современного русского языка под ред. Д.Н. Ушакова]; *перерыв в обычных занятиях, в работе и т.п. для восстановления сил* [Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова]. Сравнение данных толкований, имеющих значительную универсальную часть, выявляет и некоторые различия. Так, если в МАС и словаре С.И. Ожегова делается акцент на том, что *отдых* - это *перерыв в работе, в занятиях*, то в БАС понятие *перерыв* не используется и данная лексема толкуется как *некоторое время, проведенное без занятий, работы*. Принципиально отличным выглядит представление лексемы *отдых* в словаре под ред. Д.Н. Ушакова, где в основном толковании не используется лексема *работа*, т.е. оппозиция *отдых/работа* не является ведущим семантическим признаком лексемы. Этот признак указывается в качестве оттенка значения: *свободное от работы время*, в то время как в БАС в качестве оттенка значения выделено следующее: *перерыв в работе, передышка*.

Глаголы *отдыхать/отдохнуть* также являются однозначными и толкуются следующим образом: *провести свое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом* [МАС], *восстановить силы после утомления* [словарь под ред. Д.Н. Ушакова], *отдыхом восстановить силы, проводить свой отдых где-нибудь* [словарь С.И. Ожегова]; *сделать перерыв в занятиях, в работе и т.п. для восстановления физических и умственных сил; провести где-либо время этого перерыва* [Комплексный словарь русского языка под ред. А.Н. Тихонова]. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова выделен оттенок значения глагола *отдохнуть*: *пробыть где-нибудь, ничем не занимаясь, для восстановления сил*.

Самое широкое толкование лексема *отдых* получила в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором она представлена в словарной статье к глаголу *отдыхать* - *покоиться после трудов, дать себе роздых, ничего не делать, уставши сидеть, лежать или стоять, собираясь с силами*. В этом словаре у данного глагола выделен оттенок значения, утраченный в толкованиях более поздних словарей: *покоиться, спать, почивать*.

Несмотря на то, что семантический объем лексем *отдых, отдыхать/отдохнуть* в толковых словарях современного русского языка ограничен одним значением, анализ их толкований позволяет выделить значительный ряд денотативных характеристик, к которым, в первую очередь, относятся следующие:

- перерыв в работе или привычных занятиях;
- восстановление умственных, душевных сил;
- устранение физической усталости;
- состояние покоя/ сна.

Набор денотативных характеристик находит отражение в иллюстративном материале, использованном составителями толковых словарей: *Мы сели отдохнуть на поваленную ветром иву; Работа их ... продолжалась от*

зари до зари с двухчасовым отдыхом в обеде; Я занят делом весь день и только вечером имею немного свободного времени, чтобы отдохнуть; Однажды, после дневного отдыха ..., он хотел встать с диван и не мог; Я уже отдохнул, спал днем; Видите ли ... временно я на отдыхе и др. Однако иллюстративный материал несколько расширяет этот набор ср.: *Бурлаков ушёл на заслуженный отдых* и позволяет говорить о еще одном содержательном признаке в значении лексемы *отдых*: пенсия.

1.2.1.2. Семантический объем лексем *отдых/отдыхать* в различных лингвистических исследованиях

Сложность, многокомпонентность семантики лексемы *отдых* обусловили интерес исследователей к ее эволюции. Названной проблематике посвящен ряд современных исследований лексикологов.

В статье «Константы и переменные семантики глагола *отдыхать*» А. А. Зализняк (опираясь на статью А.Б. Пеньковского, посвященную анализу глагола *вздохнуть*, и на статью М.Фасмера «дóхнуть, дохну́ть, вздох»), анализирует этимологию и словообразовательную семантику глагола *отдохнуть* (на основании этимологических словарей славянских языков с учетом значения приставки *от-* и суффикса *-ну-*). Исследователь отмечает, что первоначально глагол *отдохнуть* имел значение: *перестать задыхаться, восстановить нормальное дыхание*, которое утрачено в современном русском языке. В результате последовательного анализа семантики данного глагола А. А. Зализняк выделяет еще шесть его значений.

Три значения рассматриваемого глагола: *не умереть, остаться живым; успокоиться, убедившись в том, что опасность миновала; избавившись от эффекта, произведенного каким-то внешним воздействием, вернуться к состоянию покоя или полноты душевных и/или физических сил* не сохранились в

современном русском языке, однако последнее из названных значений глагола *отдыхать/отдохнуть* подверглось эффекту ближней семантической эволюции, в результате чего конструкция *отдохнуть от чего* сохранилась в русском языке и чрезвычайно распространена. Данная конструкция имеет смысловой компонент *восстановление состояния полноты сил в связи с усталостью*, что сближает ее со следующим значением глагола: *восстановить физические и/или душевные силы (прервав или прекратив вызывающую утомление деятельность)*; *избыть усталость (предельный процесс)* [Зализняк 2012: 342].

Как отмечает А. А. Зализняк, в середине XX века у глагола *отдыхать/отдохнуть* появилось значение *проводить отпуск/выходные; не работать*, а на рубеже XX-XXI веков – значение *быть превзойденным в релевантном отношении (например: А уж так жесток был – инквизиция отдыхает)*, которое, по мнению А. А. Зализняк, «появилось в результате семантического развития идеи *не работать* и развилось из словоупотребления, характерного для языка спорта: тренер, удаляя игрока, может сказать «Такой-то отдыхает» [Зализняк 2012: 353].

Исследование лексемы *отдых* на основании публицистических и рекламных текстов было осуществлено Н. В. Акованцевой в статье «Семантическое варьирование лексемы «отдых» в публицистическом тексте» [Акованцева 2011]. Анализ публицистических текстов позволил исследователю выделить ряд значений анализируемой лексемы, выходящих за пределы словарных толкований.

Так, помимо общих словарных значений: *перерыв в работе, свободное время, покой, сон*, материалы публицистических текстов позволяют говорить о том, что лексема *отдых* может получать такие значения, как: *расслабление, смена рода деятельности, привал, ничегонеделание, бездействие, смена обстановки, укрепление здоровья, получение удовольствия, выходной*.

Несмотря на то, что автор замечает, что «некоторые из выделяемых значений могут оказаться разными актуализациями одного значения, и количество значений будет сокращено» [Акованцева 2011: 273], общее количество значений, их оттенков, употреблений лекси́мы *отдых*, зафиксированных как в различных толковых словарях, так и в специальных исследованиях, свидетельствует о чрезвычайно широком семантическом спектре лекси́мы *отдых* в современном русском языке.

Диссертационное исследование Т.А. Чубур «Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации: На материале языковых наименований “незанятости трудовой деятельностью” в русском и английском языках», основанное на сравнительном анализе национальной специфики семантики слова в русском и английском языках, выполнено на материале лексической группы наименований «незанятости трудовой деятельностью». Уже в самом названии исследования отражена «широта» анализируемой семантической области. Ключевым словом для данной группы наименований явилась лексе́ма *отдых*, объединившая вокруг себя лексические и фразеологические единицы, номинирующие в русском языке понятие «незанятости трудовой деятельностью». Полученный набор лексических и фразеологических единиц, включающий 103 единицы: как стилистически нейтральные (*бездействовать, вздохнуть, выходной, отдыхать, отдыхающий, перевести дух, передохнуть, праздник, привал и пр.*), так и разговорные (*балдежник, вырубаться, гудеж, гулянка, кутить, лежебока, развешаться, расслабон, расслабляться, сачковать, и пр.*) и безэквивалентные (*бить баклуши, валять дурака (Ваньку) и пр.*), был соотнесен с соответствующими единицами в английском языке для выявления национальной специфики важного фрагмента лексико-фразеологической системы русского и английского языков. Лексика, вербализующая понятие «незанятости трудовой деятельностью», в работе Т.А.

Чубур является материалом для разработки и апробации методики контрастивного описания [Чубур 2005: 8].

Таким образом, в исследованиях, посвященных анализу семантики отдыха, происходит «расширение» ее лексикографической фиксации, а также прослеживается заметная диахроническая динамика, свидетельствующая об актуализации/деактуализации ее существенных компонентов.

1.2.2. Основные параметры лексико-семантического поля *отдых* в современном русском языке

1.2.2.1. Представление семантики отдыха в идеографических словарях

Выявление корпуса лексических средств, вербализирующих семантику отдыха в современном русском языке и формирующих соответствующее семантическое поле, прежде всего, опирается на данные идеографических словарей. Общий объем лексики, отражающей семантику отдыха, выявлялся на основе ряда толково-идеографических словарей: «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой (РСС), «Большого толкового словаря русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко (БТСРС) и «Идеографического словаря русского языка» О.С. Баранова (ИСРЯ). В данных словарях лексика группируется на понятийной основе, отображающей ее идеографическую организацию, включающую семантические классы, которые представлены «в дифференцированном виде в составе различных идеографических групп с учетом их семантических функций в формировании типовой ситуации, отображающей определенный фрагмент мира» [Бабенко 2005: 17].

В РСС (построенном по принципу систематизации лексики по классам слов и значений на основе выделения лексико-семантических множеств, подмножеств и рядов, которые в совокупности образуют лексические классы и

их условные объединения), лексика, вербализирующая семантику отдыха, прежде всего, сосредоточена в третьем томе, включающем имена существительные с абстрактным значением. Имена существительные, вербализующие представления об отдыхе, включены в обширный лексико-семантический класс *Время: его ход, периоды и моменты его течения*; далее - в один из лексико-семантических рядов класса, имеющий название *Отрезки, периоды времени, соотносимые с определенным занятием, действием или их отсутствием, перерывом в них*. В данном ряду с понятием отдыха связано лексико-семантическое подмножество *Перерыв в течение какой-нибудь деятельности, в занятии*, которое содержит следующие лексемы: *антракт, декрет, днёвка, каникулы, ночёвка, ночлег, обед, окно, остановка, отгул, отдохновение, отдых, отпуск, передышка, перекур, перемена, перерыв, пересмена, привал, продох, простой, роздых*, которые объединяются на основании общего семантического признака *незанятости какой-либо деятельностью на какой-либо период времени* и далее не дифференцируются по содержанию. Следует отметить, что в данной группе объединяются лексемы, содержащие различные денотативные характеристики: *перерыв в работе, занятиях для длительного отдыха* (каникулы, отпуск); *короткий перерыв в какой-либо деятельности* (передышка, перерыв, перемена); *перерыв для принятия пищи* (обед); *остановка во время похода/ путешествия* (днёвка, ночёвка, ночлег); *перерыв во время какого-либо представления* (антракт), а также некоторые другие.

Показательно, что семантику отдыха перечисленные лексемы эксплицируют не только в своем исходном значении (*антракт, днёвка, каникулы, ночёвка, ночлег, отдохновение, отдых, отпуск, передышка, переменка, перемена, простой, роздых*), но и в переносном (*декрет, обед, окно, остановка, отгул, перекур, перемена, перерыв, привал*).

Глаголы, передающие семантику отдыха, сосредоточены в данном словаре в лексико-семантической группе *Отдых, передышка* (входящей в состав лексического подмножества *Отдых, прогулка, развлечение, празднование* и лексического множества *Спорт, физкультура, игры. Отдых, развлечения, забавы*), которая состоит из следующих лексем: *вздохнуть, гулять, обедать, освежиться, отгулять, отдыхать, передохнуть, перекурить, поотдыхать, проветриться, проотдыхать, прохладиться* и идиом *дух перевести*. По мнению авторов словаря, ограниченность количества глагольной лексики, передающей семантику отдыха, можно объяснить тем, что глаголы данной группы обладают более широким значением в сравнении с именами существительными, имеющими в своем лексическом составе большее количество дифференцированных названий разнообразных видов отдыха [Шведова 2003: 747]. Показательно, что в данную группу попало незначительное количество глаголов в своих исходных значениях: *отдыхать* (1. прерывать или заканчивать работу, занятие для восстановления сил, работоспособности; 2. проводить где-нибудь свободное от работы время, быть в отпуске), *передохнуть* (сделать короткий перерыв для отдыха, передышки), *поотдыхать, проотдыхать* (провести какое-то время, отдыхая) *прохладиться* (освежиться, выйдя на воздух или выпив чего-нибудь холодного). Однако представляется, что последняя лексема объективно попадает в группу, вербализирующую понятие отдыха и в переносном значении, которое можно сформулировать как *не заниматься делом, простаивать в работе*. Все другие глаголы данной группы зафиксированы не в исходном значении и, нередко, имеют помету «разговорное»: *вздохнуть* (2. немного отдохнуть, передохнуть, прийти в нормальное состояние после чего-нибудь (разг.)); *гулять* (4. быть свободным от обязательной работы, службы, иметь выходные дни, отпуск (разг.)); *обедать* (2. прерывать работу, занятия для еды, отдыха, на время дневного перерыва (разг.)); *освежиться* (2. восстановить свои силы, бодрость,

почувствовать себя лучше, выйдя на свежий воздух, искупавшись, утолив жажду (разг.); *отгулять* (2. кончить отдых, отпуск); *перекурить* (4. прервав работу, какое-нибудь занятие, немного передохнуть (разг.), дух *перевести* (2. передохнуть, сделать передышку). Все вышеперечисленные лексемы объединены в группу на основании общих денотативных признаков: *короткий перерыв для отдыха, длительный перерыв для отдыха, восстановление сил отдыхом*.

В БТСРС, соединяющем принципы идеографических, толковых, объяснительных, учебных словарей, а также словарей-справочников, представлена 41 денотативная сфера, каждая из которых подразделяется на идеографические группы и подгруппы. Понятие *отдых* включено в денотативную сферу *Время* и далее - в идеографическую группу *Существительные, обозначающие время по отношению к какому-либо процессу, действию*, а затем – в подгруппу *Существительные, обозначающие период времени, в который происходят какие-либо события*, состоящую из следующих лексем: *время, год, декада, досуг, жизнь, интервал, каникулы, канун, межсезонье, навигация, обед, окно, отгул, отпуск, пауза, передышка, перекур, перерыв, период, пора, промежуток, расстановка, разгар, расстановка, регламент, сезон, смена, стаж*. В данной подгруппе лексика объединена на основе типовой семантики: *период времени, в который протекают или прекращаются какие-либо события*, ввиду чего в ней объединены такие семантически разные лексемы, как *навигация, обед, отпуск, расстановка, регламент* и т.д. Несмотря на семантическую неоднородность, этот набор лексем в словаре далее никак не сегментируется.

В ИСРЯ лексика, вербализирующая общую семантику отдыха, включена в сложную иерархическую систему групп, подгрупп, отделов и подразделов, а именно *Работоспособность → Усталость → Отдых*. В подразделе *отдых* все лексемы объединены на основании семантического признака *устранение*

усталости. Следует отметить, что в данный подраздел включены группы лексики, характеризующиеся дифференциальными признаками: абстрактные имена существительные, вербализующие явление отдыха без всяких временных границ (отдохновение, кайф, нирвана), имена существительные, называющие непродолжительный отдых (передышка, перекур, роздых, сон), лексемы, называющие продолжительный отдых (отпуск, каникулы). Здесь же зафиксированы наименования субъекта отдыха (отпускник, отдыхающий, пансионер), а также форм организации отдыха (дом отдыха, пансионат, здравница).

В ИСРЯ наряду с именами существительными зафиксированы глаголы и многочисленные словосочетания: *отдохнуть, вздохнуть, передохнуть, сделать паузу, переводить/перевести дух/дыхание, отдышаться, кейфовать, освежиться, восстановить силы, проветриться, полеживать*, объединенные на основании общих семантических признаков: *устранение усталости, восстановление жизнеспособности организма*.

Таким образом, согласно данным различных идеографических словарей, семантика отдыха включена в разные семантические классы, в зависимости от того, какой принцип классификации был избран авторами конкретного словаря. Представляется существенным, что наиболее общие идеографические классы (или сферы), к которым, в конечном счете, относится лексика, транслирующая семантику отдыха, связаны с понятием *времени* (РСС и БТСРС), реже с понятием *работоспособности/усталости* (ИСРЯ). В рассматриваемых словарях понятие отдыха семантически связывается с широким набором лексем, обозначающих различные по длительности и содержанию отрезки времени: *короткий перерыв, длительный перерыв, перерыв для принятия пищи, устранение усталости, период времени, подходящий/ не подходящий для каких-либо событий, сон* и т.д. Все вышесказанное свидетельствует о сложности и

многокомпонентности данного понятия, что обуславливает актуальность поиска путей его уточнения и сегментирования в исследовательских целях.

1.2.2.2. Содержание и структура лексико-семантического поля *отдых* (по данным лексикографических источников)

Как известно, наличие различных семантических отношений между лексическими единицами и делает язык системой, поскольку языковые единицы хранятся в нашем сознании как взаимосвязанные элементы, а их употребление в речи «определяется внутренними свойствами, тем, какое место занимает та или иная единица среди других сходных единиц класса» [Абрамов 2003: 140]. Таким образом, практически невозможно описать семантику отдельного слова вне ее связи с семантикой других языковых единиц, ввиду этого структурирование содержания понятия *отдых* целесообразно осуществить с помощью полевого подхода. В данной работе на первом этапе исследования будет использовано понятие лексико-семантического поля (ЛСП), понимаемое как объединение слов на основе хотя бы одной общей семы. В качестве единиц, образующих ЛСП, рассматриваются лексемы, их лексико-семантические варианты и словосочетания, зафиксированные лексикографическими источниками, а также учитываются его основные характеристики, отмеченные многими исследователями (Л.М. Васильевым, Е.И. Зиновьевой, С.В. Кезиной, И. М. Кобозевой и др.):

- взаимозависимость и взаимоопределяемость единиц поля;
- системный характер отношений между единицами поля: в поле возможно выделить микросистемы (синонимы, антонимы, гиперо-гипонимические гнезда);

- открытость ЛСП: в связи с тем, что лексико-семантическое поле как система характеризуется динамичностью и гибкостью, оно открыто для проникновения в него новых элементов;

- относительная автономность поля;

- взаимосвязь полей в пределах всей лексической системы.

Формирование содержания ЛСП *отдых* осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе было определено ядро исследуемого ЛСП – это лексема *отдых*, а также глаголы *отдыхать/отдохнуть*, наиболее полно транслирующие общую семантику поля.

Далее формировалась околядерная зона, состоящая из лексических единиц, реализующих «свою первичную функцию в определенных типах контекстов» [Абрамов 2003: 27], т.е. имеющих общую интегральную сему «отдых». В околядерной зоне, состоящей из ряда «обволакивающих ядро слоев» [Новиков 1997: 3-6], ближайшим к ядру фрагментом поля является синонимический ряд, распространяющий семантику ядерных единиц. Как известно, синонимические отношения, выражающиеся в выделении соответствующих лексических объединений (рядов) на основе того или иного общего семантического признака, являются одним из способов лексической систематизации. Традиционно синонимический ряд ядерных лексем поля входит в состав его околядерной зоны. Фиксация центральных единиц рассматриваемого ЛСП была осуществлена по данным словарей синонимов русского языка: «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Словарь синонимов русского языка» К.С. Горбачевича, «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова, «Словарь фразеологических синонимов русского языка» А.К. Бирих, В.М. Мокиенко Л.И. Степановой, «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» под ред. Л.Г. Бабенко.

Синонимические ряды, зафиксированные в перечисленных словарях, не совпадают как по составу, так и количественно:

Отдых – передышка, роздых прост., *отдохновение* устар. [«Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой].

Отдых – передышка, отдохновение, роздых, передых, отдышка, дневка [«Словарь синонимов русского языка» К.С.Горбачевича].

Отдых – отдохновение, отдышка, передышка, роздых, покой, спокойствие, успокоение, рекреация; тишина, угомон. Ср.: Остановка, антракт [«Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова].

Отдых – сиеста, отдохновение устар., *передышка* разг., *передых* разг.-сниж., *роздых* разг.-сниж., *путешествие, развлечение, празднество* [«Словарь-тезаурус синонимов русской речи» под ред. Л.Г. Бабенко].

В результате сводный синонимический ряд с доминантой *отдых* насчитывает 12 единиц: *передышка* (1. непродолжительная остановка, короткий перерыв для отдыха, 2. перерыв в какой-нибудь деятельности, в борьбе, позволяющей собраться с силами), *отдохновение* (устар. книжн.) (то же, что *отдых*), *роздых* (прост.) (кратковременный отдых, передышка), *передых* (разг.-сниж.) (то же, что передышка), *покой* (состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствия беспокойства), *сиеста* (разг.) (полуденный, послеобеденный отдых), *дневка* (однодневная остановка на отдых во время похода, длительного марша), *прогулка* (увеселительное мероприятие – хождение, отдых на открытом воздухе с целью развлечения), *путешествие* (мероприятие – поездка или передвижение пешком куда-либо за пределы постоянного места жительства с познавательной, спортивной и другими целями или для отдыха), *развлечение* (мероприятие, зрелище, которые доставляют удовольствие, радость, заставляют забыть, рассеяться), *празднество/праздник* (увеселительное мероприятие, день отдыха и веселья, устраиваемые кем-либо по какому-либо поводу). Обилие ограничительных помет, сопровождающих

перечисленные синонимы, отражает природу синонимии, которая «чрезвычайно активно включает в свой состав лексику, различающуюся стилистическими, эмоционально-оценочными компонентами», представляя «живую разговорную речь во всем ее многообразии» [Бабенко 2007: 14-15].

Синонимический ряд с доминантой *отдыхать/отдохнуть* в различных словарях представлен следующим образом:

Отдохнуть/отдыхать – *передохнуть/передыхать*, *вздохнуть* разг., *перевести/переводить дух* (дыхание) [«Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой].

Отдыхать – *покоиться, успокаиваться, почивать. Почивать на лаврах. Переводить дух, собираться с силами* [«Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова].

Отдыхать/отдохнуть – *переводить/перевести дыхание* (дух), *устраивать/устроить передышку, устраивать/устроить перекур*. Прост. *делать/сделать паузу. Проветривать/проветрить мозги* [«Словарь фразеологических синонимов русского языка» А.К. Бирих, В.Н. Мокиенко, Л.И. Степановой].

Отдыхать – *передыхать/передохнуть, вздохнуть* разг., *загорать* разг., *перекуривать/перекурить* разг., *расслабляться/расслабиться* [«Словарь-тезаурус синонимов русской речи» под ред. Л.Г. Бабенко].

Сводный синонимический ряд с доминантой *отдыхать/отдохнуть* (по данным рассмотренных словарей) выглядит следующим образом: *передохнуть/передыхать, вздохнуть* (разг.), *загорать, перекуривать/перекурить, расслабляться/расслабиться* (разг.), *покоиться, успокаиваться, почивать, устраивать/устроить передышку, устраивать/устроить перекур* (прост.), *перевести/переводить дух* (дыхание), *почивать на лаврах, собираться с силами, делать паузу, проветривать/проветрить мозги*.

Зафиксированные словарями группы лексики, объединенные семантикой отдыха, отражают сложную структуру общего понятия и дополняют данные идеографических словарей рядом единиц, например: *сиеста*, *загорать*, *расслабляться/расслабиться* и др.

Существенным представляется учитывать сложные и неоднозначные отношения, в которых находятся лексемы *отдых* и *досуг*. Ни в одном из рассмотренных выше словарей синонимов в синонимическом ряду с доминантой *отдых* лексема *досуг* не фиксируется. Однако в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» под ред. Л.Г. Бабенко лексема *досуг* является доминантой синонимического ряда, включающего следующие имена существительные: *время*, *отдых*, *отдохновение* (устар.), *передых* (разг.-сниж.), *передышка* (разг.-сниж.), *роздых* (разг.-сниж.), который практически полностью повторяет содержание синонимического ряда с доминантой *отдых* в словарях синонимов.

Сопоставление значений лексемы *досуг*: *свободное от работы, от дела время* [МАС, словарь С.И. Ожегова, словарь А.Н. Тихонова, словарь под ред. Д.Н. Ушакова] и лексемы *отдых*: *перерыв в работе, свободное от работы время для восстановления сил* [Словарь С.И. Ожегова]; *проведение некоторого времени без обычных занятий, работы для восстановления сил* [БАС]; *перерыв в занятиях, в работе и т.п. для восстановления физических и умственных сил* (МАС) позволяет отметить их частичную синонимичность, поскольку обе лексемы содержат семантический компонент *свободное от работы время*. Однако, в отличие от лексемы *отдых*, в содержании лексемы *досуг* толковыми словарями не фиксируется денотативный компонент, указывающий на *восстановление сил*. Показательно, что в «Большом толковом словаре русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко лексема *досуг* имеет следующее толкование: *то же, что отдых*, а *отдых*, в свою очередь, толкуется как *промежуток времени, свободный от работы, перерыв в обычных занятиях*,

предназначенный для восстановления сил, а соответствующий синонимический ряд включает лексику *досуг*. В содержании рассматриваемых лексем центральной является четкая оппозиция *работа-труд*, поскольку досуг, как и отдых, «рассматривается как деятельность человека, направленная на рекреацию его способностей, необходимая для последующей трудовой деятельности» [Игнатьева 2013: 113].

Таким образом, околядерную зону ЛСП *отдых* составляют сводные ряды синонимов, насчитывающие 13 единиц с доминантой *отдых* и 15 единиц с доминантой *отдыхать*.

Далее в околядерной зоне поля располагаются лексические единицы, отбор которых производился на основе тематического принципа, т.е. с использованием семантических и толково-идеографических словарей, перечисленных в предыдущем параграфе диссертации. Лексика, отобранная из идеографических словарей по тематическому принципу, была проанализирована с использованием словарей различных типов: толковых словарей, словарей синонимов, словарей сочетаемости, словарей эпитетов, словообразовательных словарей, которые в совокупности фиксируют синтагматическую и парадигматическую валентность единиц ЛСП.

В околядерной зоне возможно условно выделить два основных блока языковых единиц. Это слова, называющие *периоды, свободные от деятельности* (социальный аспект семантики отдыха): перерыв, отпуск, пенсия и т.д. и лексика, называющая *внутреннее состояние человека* (психологический аспект): отдохновение, покой, отдохнуть душой и т.д.

При дальнейшей дифференциации семантики социального аспекта отдыха на основании параметра времени можно выделить различные по продолжительности виды отдыха: краткий перерыв в какой-либо деятельности (передышка, перемена, перекур, пауза), перерыв для принятия пищи (обед), остановка во время похода/путешествия (дневка, ночевка, ночлег), перерыв во

время представления (антракт), перерыв в работе для длительного/продолжительного отдыха (каникулы, отпуск). Анализ семантики продолжительного отдыха позволяет выделить две группы лексем, содержащих в своем значении сему *отдых*: это место и формы организации отдыха (дом отдыха, пансионат, здравница, санаторий) и субъекты отдыха (отпускник, отдыхающий, пенсионер).

Традиционно к периферийной зоне поля относятся лексические единицы, реализующие значения определенной лексико-семантической группы только в определенных контекстах (поскольку толковые словари в их значениях не фиксируют сему «отдых»). Периферия ЛСП *отдых* формировалась на основе синтагматических связей ядерных лексем поля, зафиксированных «Словарем сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина, который дает объективное представление о разветвленной валентности основных единиц, транслирующих семантику рассматриваемого поля. Ср. материалы данного словаря:

Отдых – хороший, продолжительный, прекрасный, заслуженный, короткий, пятиминутный, двухчасовой, еженедельный, активный, летний, зимний

Отдых трудящихся, рабочих, колхозников, отца

Отдых в горах, в лесу, в городе, в деревне, в лагере, в санатории, в доме отдыха, в Крыму; на море, на курорте, на даче, на Кавказе; там, здесь

Время, час, минута, состояние, место *отдыха*/ Время, место *для отдыха*

Право, время *на отдых*

Дать кому-либо, получить, заслужить *отдых*

Ждать *отдыха*

Работать *без отдыха*

Нуждаться *в отдыхе*

Подготовить что-либо *для отдыха*.

Отправляться *на отдых*

Быть, находиться *на отдыхе*

Думать *об отдыхе*

Отдыхать от детей, от соседей, от посетителей, от работы, от дел, от забот, от шума, от впечатлений

Отдыхать в деревне, в горах, в Сочи; на даче, на курорте, на юге, на море, на Кавказе; за городом, за границей; под Москвой, под Киевом; там, здесь

Отдыхать в каком-либо году, в каком-либо месяце, после работы, после рабочего дня, после обеда, днем, зимой

Отдыхать хорошо, прекрасно, плохо

Хотеть, решить, предложить кому-либо *отдыхать*

Данные словаря сочетаемости позволяют при дальнейшей дифференциации социального аспекта семантики отдыха выделить три группы лексики на периферии исследуемого поля: локализация отдыха (на море, в горах, на курорте, на даче, в Крыму, на Кавказе), время отдыха (летом, зимой), отдых как избавление от усталости (от работы, от дел, от забот и мн. др.).

Кроме того, интересно, что в «Словаре эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевича содержится информация о желанности отдыха, о позитивной оценке любой его формы (блаженный, отрадный, прекрасный, долгожданный, приятный, сладкий, сладостный, упоительный, хороший и др.).

На основании материалов различных лексикографических источников была предпринята попытка моделирования ЛСП *отдых*, включающего обширную околождерную зону, которая характеризуется многоаспектностью содержания (репрезентирует психологический и социальный аспекты отдыха, последний из которых представлен различными по продолжительности перерывами в работе). Базовый социальный компонент отдыха может быть описан с опорой на денотативную ситуацию, включающую субъекта отдыха и места и форм его организации. Формирование ЛСП *отдых* осуществлялось исключительно по данным лексикографических источников, фиксирующих

семантику слова и позволяют учитывать в его центральном содержании только те единицы, которые содержат интегральную сему поля. Однако, как уже отмечалось выше, когнитивный подход к анализу семантики позволяет выйти за пределы зафиксированного словарями лексического содержания и дополнить его за счет ассоциативного потенциала лексики.

1.2.2.3. Ассоциативно-вербальное поле *отдых* (по данным свободных ассоциативных экспериментов)

Как известно, ассоциативно-вербальные поля (АВП), представляющие собой сеть ассоциируемых слов, охватывают «с определенной полнотой весь лексикон современного среднестатистического носителя русского языка...» [Тарасов 2000: 31]. В содержании АВП проявляются семантические особенности тех или иных языковых единиц, актуальные для сознания носителей языка и обнаруживаются «не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете и явлении» [Попова, Стернин 2007: 99-100]. Поскольку АВП «служат «зеркалом» [...] ментально-эмоционального состояния его (языка) среднего носителя в определенный исторический момент его жизни, а значит, жизни общества» [Караулов 2002: 4], они дают возможность выйти за пределы лексикографически зафиксированной семантики и проникнуть в языковое сознание носителей языка.

В качестве эффективного метода исследования языкового сознания широкое распространение получил ассоциативный эксперимент, в связи с тем, что «экспериментальное исследование лексической семантики позволяет говорить о возможности углубленного описания значений слов» [Маклакова, Стернин 2013: 26]. Ассоциативный словарь, построенный по результатам

массового психолингвистического эксперимента с носителями языка, предлагает обширный материал для описания вербальных ассоциаций, относящихся к тому или иному понятию, и позволяет «выявить в значении слова такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа» [там же: 27]. В отличие от традиционных словарей, представляющих «описание «индивидуального лингвистического» языкового сознания» [Уфимцева 2011: 234], ассоциативный словарь более адекватно отражает сознание именно усредненного носителя языка.

«Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова (РАС) уже прочно вошел в исследовательский и практический арсенал психологов, лингвистов, психолингвистов, лингвокультурологов и т.д. РАС, располагающий «двумя входами», состоит из прямого словаря, позволяющего «сделать доступным наблюдению системность знаний, стоящих за телами знаков данного языка» [Уфимцева 2012: 131], и обратного словаря, материалы которого дают «возможность наблюдать системность образа мира данной культуры (усредненного ее носителя) через анализ ядра ассоциативно-вербальной сети, называемого ядром лексикона (А.А. Залевская, Н.О. Золотова) или ядром языкового сознания» [там же]. Материалы, представленные в РАС, отражают как различные лексико-системные связи (парадигматические, синтагматические, деривационные), так и индивидуальные, основанные личностном характере ассоциаций.

В данной работе были использованы ассоциативные ресурсы исследуемой семантики, помещенные в РАС. В соответствии с этим были проанализированы ассоциативно-вербальные поля *отдых* (112 реакций), *отдыхать* (541 реакций) и *отдохнуть* (106 реакций).

Прямой словарь. От стимула к реакции:

Отдохнуть: хорошо 10; на море 8; расслабиться 4; на пляже, поспать, спать, у моря 3; в лесу, дома, море, на природе, на славу, немного, острова 2; быстро, великолепно, в кресле-качалке, выспаться, выходной, деревня, драка, за пивом, Канарские острова, круиз, Крым, курорт, летом, лечь, много, на кушетке, на постели, на юге, немножко, ночь, от всех, от дел, от дел житейских, от души, отдыхай, от занятий, от института, оторваться, отпуск, от работы, от родителей, от трудов, оттянуться, от учебы, от экзаменов, палатка, пляж, под кустом, полностью, после ночи, после работы, потом, поход, приятно, работа, редко, сообща, Сочи, труд, у костра, уснуть, устала, устать, четко, шезлонг, week-end 1.

Отдых: море, на природе 8; на море 7; в лесу, на юге 4; работа 3; воскресенье, долгожданный, каникулы, на траве, после работы, сон, хороший, чудесный 2; активный, без пользы, в выходные дни, веселиться, веселый, вечерний, в кайф, в Крыму, в санатории, длинный, для души, долгий, зимой, комфортабельный, кончился, купаться, лежать, летний, лето, летом, личное время, лодка, любовь, мечта, на взморье; на воле, на свободе, на воздухе; на Гавайях, на даче, на лужайке, на месте, на реке, наслаждение, неплохой, ночной, обеспечен, отвлечение, от жизни, отпуск, покой, полный, после боя, праздник, прекрасный, привал, природа, продолжительный, развалиться на кровати, развлечение, расслабление, семейный, смысл жизни, солнце, состояние, спать, среда, станция, удачный, у моря, relaxation, rest 1.

Отдыхать: на море 63; на юге 33; дома 19; летом 16; море, работать, хорошо 15; весело, у моря 12; вместе 11; в лесу, на природе 10; активно, лето 8; юг 7; на пляже 6; лес, природа 5; балдеть, бездельничать, долго, душой, загорать, озеро, отпуск, спокойно, читать 4; веселиться, в Крыму, в саду, в Сочи, дача, диван, дом отдыха, Крым, лежа, не работать, приятно, спать 3; в горах, вечером, в отпуск, в тени, горы, гулять, дикарем, дом, думать, ехать, за городом, каникулы, кровать, культурно, лежать, на базе, на воздухе, на даче, на курорте, на озере, на реке, нельзя, пляж, полно, полностью, после работы, прекрасно,

развлекаться, расслабиться, расслабляться, солнце, Сочи, тепло, трава, уставать, хочется 2; балдеж, бар, блаженство, в Альпах, валять дурака, валяться, вдвоем, в деревне, вовне, вовремя, воздух, вокзал, в отпуске, во Франции, в пансионате, в Пицунде, в покое, время, всей семьей, в Ялте, гармония, где, где-нибудь в тишине, где-то, грусть, давно, дела, днем, до утра, ждать, женщина, заповедник, зимняя Ялта, зимой, зона, играть, из болота, кайф, кино, кресло, кресло-качалка, курорт, лагерь, легко, лежа в кровати, лежать на траве, лесная поляна, лихо, ловко, лужайка, люблю, мать, на базе отдыха, на берегу Крыма, на Волге, на каникулах, на лоне природы, на лужайке, на океане, на пруду, независимость, необходимо, Ницца, ночью, остров, от дел, от жизни, от забот, отлично, от мучений, от работы, от родителей, от себя, палатка в лесу, панама, под деревом, поедом в Феодосию, после дел, после еды, после труда, поспать, праздник, праздновать, прелесть, приехать, прогулка, разумно, расслабление, река, сачковать, с другом, семьей, с женой, сидеть, снег, сон, с подругой, с пользой, с семьей, телом, тишина, трудиться, турбаза, у дороги, у озера, упорно, физически, халява, часто, Черное море, шампанское, шезлонг 1.

Значительный ассоциативный материал, представленный в РАС, позволяет выделить основные направления ассоциирования, связанные с понятием отдыха в сознании носителей русского языка конца XX века. Наиболее частотные реакции, объективно существующие в языковом сознании, были объединены в группы на основании того или иного общего признака и представлены ниже:

- место отдыха (на юге, на море, на пляже, острова, на реке, на природе, дома, за городом, на траве, на воздухе, на лужайке, на пруду, на берегу и т.д.), его определенная географическая локализация (в Сочи, Черное море, в Ялте, в Крыму, а также единичные ассоциации, во Франции, Ницца, Альпы, Канарские острова, на Гавайях), формы организации отдыха (на курорте, дом отдыха, в санатории, на даче);

- закономерные, запланированные перерывы в работе или учебе (отпуск, каникулы, выходной, вечером, ночной);
- определенная продолжительность отдыха (немного, быстро, долгий, долго, продолжительный);
- определенное время года, а именно лето (лето, летом, тепло), реже зима (зимой, зимняя Ялта, снег);
- действия субъекта отдыха (расслабиться, спать, выспаться, не работать, бездельничать, загорать, веселиться, гулять, прогулка, лежать, развлекаться, веселиться, купаться);
- хорошее настроение, душевный подъем, создающий позитивную оценку отдыха (хорошо, от души, приятно, в кайф, балдеж, веселиться, веселый, чудесный, прекрасный, долгожданный, великолепно, на славу);
- прекращение какой-либо деятельности в связи с определенной усталостью (отдых от всех, от дел, от дел житейских, от занятий, от института, от работы, от родителей, от трудов, от учебы, от экзаменов, после боя, после труда, от мучений);
- отдых часто в том или ином окружении (вдвоем, семейный, с семьей, с другом, с подругой, вместе).

К периферии АВП относятся единичные ассоциативные реакции, которые отражают субъективные семантические связи, индивидуальные представления и жизненный опыт отдельных респондентов, ср. реакции: халява, трудиться, сачковать, упорно, станция и мн. др.

Существенным представляется тот факт, что при устойчивой трансляции в ассоциативно-вербальной сети основных компонентов лексико-семантического поля (различные по длительности перерывы в работе, формы организации отдыха и др.), значительная часть ассоциативного поля актуализирует периферийные зоны лексико-семантического поля (географическая локализация, время года, настроение и действия субъекта

отдыха и др.). Показательным является перераспределение некоторых компонентов поля. Наиболее ярким проявлением этого процесса является ядерное положение реакций *море, на море* в ассоциативно-вербальной сети и периферийное положение соответствующих лексем в структуре ЛСП.

Содержание рассматриваемого АВП свидетельствует о представлениях носителей русского языка конца XX в. (время составления РАС). С целью выявления динамических процессов в содержании семантики отдыха в сознании носителей языка в мае 2013 года был проведен свободный ассоциативный эксперимент по общепринятой в международной практике методике проведения подобных экспериментов. В эксперименте приняли участие студенты филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, Национального минерально-сырьевого университета «Горный» и НИУИТМО Института холода и биотехнологий (всего 150 человек), которые дали свободные ассоциации (всего 900) на стимулы: *отдых, отдыхать – отдохнуть*. Полученные реакции приведены ниже:

Отдых: море 83, летом 61, Турция, солнце, на пляже, пляж, жара 38, Египет, Тунис, Израиль, Тайланд, Лазурный берег, природа, тепло 27, Красное море, загорать, на реке, в горах, каникулы, на озере, путешествовать, океан, в Крыму 15, отпуск, от учебы, после занятий, круиз, дача, путешествие, сон, тур, весело 13, комфортный 12, вечером 9, валяться на пляже, гулять, пятизвездочный отель 8, общаться с друзьями, плавать, кататься, блаженство, все включено, отдых по высшему разряду, коктейли, в выходные, дома, на диване, друзья, читать, Кипр, экскурсия, Болгария, престижный курорт, в санатории, активно, горные лыжи, сноуборд, рафтинг, самолет, спать, с семьей, балдею 7, кайфовать, долгожданный, от работы, на даче, отлично, горящий тур, приятно, с друзьями 6; заниматься тем, что нравится, а не тем, что нужно 3; только снится, белые штаны, любовь, песок, мечтаю, белый песок, Средиземноморье, Индийский океан 2, дискотека, бизнес класс, Геленджик,

устал, из зимы в лето, билеты, поеду, яхта, загар, круглый год, Халкидики, лень, лениться, панاما, свободное время, безделье, смотреть фильмы, вино, до утра, это замечательно, это очень хорошо, хобби, ловить рыбу, деревня, качели, когда?, кофе, мало, река, провести день дома в постели с книжкой, рисовать, слушать музыку, поле, культурно, расслабляться, рукодельничать, скорее бы!, смеяться, в приятной компании, уют, чай со смородиновым листом, шезлонг 1.

Полученные в результате эксперимента результаты свидетельствуют о том, что в сознании носителей языка последней четверти XX века и в сознании современных студентов представления об отдыхе несколько отличаются:

- географическая локализация отдыха носителям русского языка в конце XX века и современным студентам представляется по-разному. Так, если в конце XX века отдых большей частью связывался с югом СССР, то в начале XXI века географическая локализация отдыха представляется гораздо шире (Турция, Египет, Тунис, Кипр, Болгария, Израиль, Тайланд, Лазурный берег, Красное море, Средиземное море, Индийский океан), а названия курортов Крыма и Кавказа студентами практически не упоминались;

- для студентов в конце XX века отдых очень часто ассоциируется с природой; в настоящее время природа как место отдыха указывается значительно реже и сводится в основном к различного рода водоемам и возвышенностям (реакции: *море, на реке, в горах, на озере*) в то время как ассоциации *лес, поляна, лужайка* у студентов не возникли;

- отдых, так или иначе, связан со специально организованными для этого местами, но если в XX веке это были: *лагерь, пансионат, дом отдыха, санаторий, турбаза*, то в XXI веке формы организации отдыха выглядят иначе: *круиз, тур, пятизвездочный отель, все включено, отдых по высшему разряду, престижный курорт*, а реакции *лагерь, дом отдыха, турбаза* вообще отсутствуют. Надо отметить, что отдых в сознании современных студентов связан со значительными денежными затратами, престижем и комфортом;

- в представлениях современных студентов отдых связан, прежде всего, с активной формой проведения времени (*активно, горные лыжи, сноуборд, рафтинг* и т.д.).

Таким образом, проведенный эксперимент позволяет проследить динамику ассоциативного потенциала отдыха и дополнить содержание АВП, представленного в РАС, за счет ряда направлений ассоциирования. Особенно показательным являются несовпадения ядерных реакций при устойчивой центральной позиции ассоциаций *море, на юге* и др. Так, можно отметить отсутствие в частотных реакциях современных студентов представлений, связанных с отдыхом на природе (*на лужайке, у костра, на поляне*), но в то же время появление реакций, связанных с отдыхом за границей, с комфортом и престижностью отдыха, с активными формами проведения времени.

Ассоциативный потенциал содержания понятия отдыха расширяет исследование Н. В. Федотовой «Концепт отдых в языковом сознании русских детей» [Федотова 2010]. Результаты эксперимента, обработанные и обобщенные в когнитивные признаки, позволили автору выделить ядро концепта в детском сознании, включающее ярко выраженные позитивно-оценочные ассоциации (классный, весело, с друзьями), периферию, характеризующуюся не менее позитивным отношением респондентов к понятию отдых (на море, дома, расслабиться, с противоположным полом, гулять, смотреть телевизор и др.), а также дальнюю (интересный, играть в компьютер, беззаботный, долгий, приятный, развлекаться, долгожданный, скучный, танцевать, в кинотеатре, лежать на песке и др.) и крайнюю периферию (в горах, в Италии, в Париже, разнообразный, зажигательный, плохой и др.). По мнению автора статьи, результаты проведенного эксперимента «свидетельствуют о высокой когнитивной ценности и коммуникативной релевантности данного концепта в сознании испытуемых», а само понятие *отдых* в сознании русских школьников

«имеет ярко выраженную позитивно-оценочную акцентуацию» [Федотова 2010: 106, 112].

Сопоставление состава и структуры ЛСП *отдых* (см. параграф 1.2.2.2) и АВП *отдых* обнаруживает не только несовпадение содержательных характеристик, но и структурную динамику. Так, в околоядерной зоне АВП *отдых* располагаются группы реакций, связанные с формой организации и локализацией отдыха, его временной (сезонной) отнесенностью, оценочным восприятием. Названные тематические блоки в структуре ЛСП *отдых* относятся к периферии, поскольку составляющие их единицы обнаруживают интегративную сему поля только в определенных контекстах. Показательно и то, что некоторые группы лексики, составляющие околоядерную зону ЛСП *отдых* (синонимический ряд: перерыв, перекур, роздых, досуг, отдохновение; наименования субъектов отдыха), в составе АВП *отдых* не были зафиксированы. В то же время к частотным реакциям относятся наименования действий субъекта отдыха, которые не были включены в состав ЛСП *отдых*.

Наиболее ярким подтверждением структурного несовпадения ЛСП и АВП *отдых* является «перемещение» отдельных представлений с периферии в ядерную зону. Ср., например, ядерное положение реакций, связанных с морем, во всех ассоциативных экспериментах и их периферийное положение в составе соответствующего ЛСП.

Таким образом, для целей данного исследования, предполагающего интегративный подход к анализу семантики слова, представляется актуальным дополнение содержания ЛСП за счет ассоциативно-вербального потенциала лексики, что возможно осуществить путем объединения ЛСП и АВП в общее понятие ассоциативно-семантического поля (АСП), что позволит значительно расширить его содержание и выйти за пределы лексикографически фиксируемой семантики в сознание носителей языка.

1.3. Проблема сегментации семантики отдыха в современном русском языке

В связи с содержательной многокомпонентностью АСП *отдых*, одной из задач нашей работы является сегментирование его содержания, актуальное в исследовательских целях, поскольку динамику семантических процессов возможно проследить только при наблюдении за конкретными явлениями, имеющими достаточно четкие границы.

Материалы словарей, отражающих синтагматические связи лексики, позволяют говорить о том, что в них фиксируются ситуативно-обусловленные представления об отдыхе. Так, словари фиксируют представления о типовых ситуациях отдыха, включающих различные компоненты (субъект, формы организации отдыха, место, время, продолжительность, характер отдыха). Типовые (денотативные) ситуации рассматриваются исследователями как элементы объективного мира (Л.Г. Бабенко, В.С. Зубарева, В.С. Храковский, А.С. Петров и др.), которые, по мнению исследователей, следует отличать от ситуаций, мотивированных глаголом, ср.: «ситуацию, мотивированную глаголом, следует отличать от денотативной ситуации (события) в объективной действительности» [Храковский 1974: 9]. Именно потому, что денотативные ситуации проявляются, прежде всего, на уровне текста, их компоненты обнаруживаются в словарях, фиксирующих синтагматические связи лексики. Актуальность опоры на типовые ситуации при описании лексической семантики и сегментации ее содержания основана на том, что в свете когнитивности лексическое значение рассматривается как отражение определенных пластов знаний об объективном мире, «в котором ведущую роль играют события, а объекты выступают в качестве составных компонентов событий. События рассматриваются как основа наших знаний о внешнем мире, поскольку предметы, реалии существуют не сами по себе, а получают

ценностные качества, функционируя в соответствующих ситуациях» [Гафарова, Кильдибекова 1998: 92]. Для целей нашей работы существенным является то, что, по мнению лексикологов и лексикографов, именно типовая ситуация может рассматриваться как основа тематической классификации лексики: «использование понятия типовой ситуации» позволяет представить объемные классы слов «в дифференцированном виде в составе различных идеографических групп слов с учетом их семантических функций в формировании типовой ситуации, отображающей определенный фрагмент мира» [Бабенко 2005: 17]. Таким образом, компоненты типовой денотативной ситуации могут являться основой структурирования тематического многообразия центрального содержания поля и, прежде всего, его фрагмента, связанного с социальным аспектом отдыха, т.е. с лексикой, называющей свободное от деятельности время.

Ввиду детерминированности представлений об отдыхе конкретными ситуациями, его сегментирование может осуществляться с опорой на основные компоненты ситуации отдыха, к которым, в первую очередь, относятся *временные координаты*. Приоритетность параметра времени можно объяснить рядом причин: во-первых, лексика, передающая представления об отдыхе, в идеографических словарях объединяется в группы, выделенные на основании параметра времени, т.е. продолжительности отдыха (ср.: «Время: Отрезки, периоды времени, соотносимые с определенным занятием, действием или их отсутствием, перерывом в них» (РСС); «Время: существительные, обозначающие период времени, в который происходят какие-либо события» (БТСРС). Во-вторых, в лексических значениях слов ядерной и околядерной зон поля, присутствует компонент, так или иначе указывающий на продолжительность отдыха, что позволяет наиболее объективно сегментировать содержание рассматриваемого поля.

Анализ репрезентаций лексем *отдых, отдыхать/отдохнуть* в различных лексикографических источниках с использованием *временного* параметра (а именно – *продолжительности*) позволил выделить четыре основные ситуации отдыха, мотивированные определенной продолжительностью: *кратковременный отдых, непродолжительный отдых, продолжительный отдых, бессрочный отдых*. В таблице № 1 приведен иллюстративный материал, содержащийся в словарных статьях к лексемам *отдых, отдыхать/отдохнуть* (весь материал взят из проанализированных выше словарей).

Таблица №1

Основные ситуации отдыха, мотивированные его продолжительностью

Кратковременный отдых	Непродолжительный отдых	Продолжительный отдых	Бессрочный отдых
Передышка Перекур Перемена Роздых Сон Обед	Отдых в выходной день Отгул Дневка	Отпуск Каникулы Путешествие	Пенсия Смерть (поэтич.)
Пятиминутный отдых Дневной отдых Ночной отдых Короткий Вечерний Ночной Обеденный	Воскресный отдых Субботний Еженедельный	Продолжительный отдых Летний/зимний отдых Быть на отдыхе Отправляться на Отдых	Находиться на заслуженном отдыхе (на пенсии) Уйти на заслуженный отдых

Послеобеденный Пятиминутный Отдохнуть часок Отдых после работы			
--	--	--	--

Следует отметить, что и при таком подходе к дифференциации семантики отдыха за пределами классификации остаются те употребления лексемы *отдых*, в которых реализуется не типовая ситуация отдыха, а субъективные, внутренние ощущения человека, не связанные с параметром времени и не всегда зависящие от внешних обстоятельств (отдохновение, чувство отдыха, отдых от... и пр.).

Опора на компоненты типовой ситуации отдыха позволяет выделить группы лексики, называющие субъекта отдыха, формы организации отдыха. На основе типовой ситуации отдыха выделяются и такие блоки лексики, которые в содержании АСП занимают центральное место, в то время как в составе ЛСП оказались на периферии (место отдыха, действия субъекта отдыха).

С временным параметром ситуации отдыха коррелирует и использование пространственных координат. Привлечение параметра *пространства* (локализации в пространстве) позволяет представить содержание социального аспекта отдыха в двух основных измерениях: *отдых, не предполагающий изменения постоянной локализации субъекта (дома, на кровати, в кресле-качалке, на траве и др.)* и *отдых, осуществляющийся преимущественно с изменением постоянной локализации субъекта (у моря, в Ялте, в Крыму, на курорте, в санатории, в доме отдыха и т.д.)*. Совмещение временных и пространственных координат позволяет отметить, что именно продолжительный отдых (отпуск, каникулы), как правило, с большой

вероятностью предполагает изменение постоянной локализации субъекта, в то время как кратковременные и бессрочные ситуации отдыха не предполагают изменения пространственной локализации субъекта (хотя оно является возможным, например, в выходные дни).

Таким образом, использование основных параметров ситуации отдыха, к которым относятся временной параметр, параметр локализации его субъекта, а также наименования самого субъекта ситуации (отдыхающий, отпускник, курортник и др.), позволяют говорить о существовании устойчивой воспроизводимой типовой (денотативной) ситуации: это *продолжительный отдых с изменением постоянной локализации субъекта*, т.е. о сегменте *отдых-отпуск* или *каникулы*, которая в дальнейшем в исследовании будет обозначаться как ситуация «отдых-отпуск».

1.4. Отпуск как основной сегмент ассоциативно-семантического поля *отдых*

Выделенный в результате структурирования АСП *отдых* его сегмент *продолжительный отдых с изменением постоянной/привычной локализации* отражает типовую ситуацию «отдых-отпуск», имеющую также контекстуальные корреляты *каникулы* и *летний отдых*.

Понятие отпуска, согласно энциклопедической информации, возникло в XIX веке, и первоначально данная лексема означала *временное увольнение от дел, занятий и службы* [Словарь В.И. Даля] и большей частью была связана с отпуском для военнослужащих: *Военные увольняются в бессрочный отпуск до призыва; [Владимир Николаевич] был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне* (Пушкин. Метель).

Однако с приходом советской власти и подписанием приказа «Об отпусках» 14 июня 1918 года понятие *отпуск*, продолжительность которого в

настоящее время варьируется от 3-4 дней до нескольких недель, стало частью трудовых отношений и было закреплено статьей в Конституции СССР [Франциян 1973].

Именно оппозиция с трудом/работой (освобождение от работы) является одним из главных денотативных признаков лексемы *отпуск*, зафиксированных в толковых словарях: *временное, на определенный срок, освобождение от службы, работы* [словарь под ред. Д.Н. Ушакова]; *освобождение от работы, от службы на определенный срок для отдыха, лечения и т.п.* [МАС]; *временное освобождение для отдыха* [словарь С.И. Ожегова]; *Период времени, официально предоставляемый работнику для отдыха и других целей* [Толковый словарь под ред. Л.Г.Бабенко]. Во всех словарях, за исключением словаря под ред. Д.Н. Ушакова, лексема *отпуск* толкуется через понятие *отдых* (*отпуск с целью отдыха*). Кроме того, в Советской энциклопедии *отпуск* определяется через лексему *отдых*: *в СССР ежегодный отдых, предоставляемый всем рабочим и служащим (кроме временных и сезонных) с сохранением заработка*. Однако *назначение отпуска* может предполагать и другие цели освобождения от работы/от той или иной деятельности (не только отдых): *академический отпуск, декретный отпуск, творческий отпуск*.

Фактор времени, зафиксированный в толкованиях лексемы *отпуск*, а также в словосочетаниях из «Словаря сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, позволяет говорить о регулярности отпуска (*ежегодный, очередной отпуск, график отпусков*), его продолжительности (*месячный, двухнедельный отпуск, на сколько-либо недель*) и связи с временем года (*время отпусков, зимний, летний отпуск*). Наряду с фактором времени в «Словаре сочетаемости слов русского языка» зафиксировано указание на локализацию отдыха-отпуска, а точнее на смену привычной локализации субъекта отдыха, отмеченную в следующих словосочетаниях: *поехать, уехать, собираться в отпуск; быть где-либо, отдыхать где-либо во время отпуска; провести где-*

либо отпуск; приехать, вернуться из отпуска. Кроме того, в данном словаре, а также в Советской энциклопедии отмечен содержательный компонент *наличие/отсутствие материальной компенсации за отпуск: отпуск с сохранением заработка, оплачиваемый, отпуск без сохранения содержания, отпуск за свой счет, получить деньги за отпуск.*

Материалы рассмотренных словарей позволили выделить основные денотативные характеристики лексемы *отпуск*. Однако материалы РАС позволяют выйти за пределы кодифицированного значения и проследить динамику развития содержания анализируемой лексемы.

Лексема *отпуск* представлена в прямом и обратном словарях РАС обширным набором ассоциативных реакций, приводимых ниже:

Прямой словарь. От стимула к реакции:

Отпуск: за свой счет 56, отдых 43, летом 38, летний 33, лето 32, море 21, короткий 18, юг 14, каникулы 12, долгожданный 9, на море 8, домой 7, длинный, кончился, прошел 6, маленький, очередной 5, без содержания, большой, в сентябре, краткосрочный, работа, сокро 4, на юге, отгул, провести, проводить, свобода, солнце, у моря, ура 3, академический, в горах, весело, взять, выходной, гулять., декретный, деревня, долгий, долгосрочный, дорога, ехать, жду, желанный, зимой, месяц, на месяц, на неделю, поездка, получить, природа, провел, прогул, продолжительный, товаров, хорошо 2, без родителей, безумие, бессрочный, быстрый, в августе, в Гаграх, в горы, вдвоем, в деревню, в дорогу, великолепно, веселый, весной, вечный, в зимнее время, взял, в июле, в Крым, в Крыму, в летнее время, вне очереди, внеочередной, вовремя, воля, впереди, время, вспышка, грустный, гуляем, далеко, деньги, десятидневный, длительный, дождь, дома, до осени, загород, за городом, закалка, закончен, замечательное время, заслуженный, зимний, из тюрьмы, Индия, интерес, интересный, календарный, к морю, кончается, краток, Крым, крымский пляж, лето и море, лишний, любовь, мало, малый, медная, металла, мой, Молдавия,

мужа, навечно, надолго, надпись, на природе, на родину, на 2 месяца, на 3 дня, неделя, недолгий, необходим, не предвидится, не радуется, не скоро, не состоялся, нет, новое, окончен, отдыхать, отпускной день, пепси, по болезни, поезд, по ранению, послать, прекрасно, прелесть, припуск, пришел, пропал, путевка, радость, раздолье, рай, ремонт, родители, свободной время, свой, свой счет, скорей бы, скоротечный, смотря какой, с мужем, сон, сорвался, Сочи, срок, увольнение, увольнительная, удачный, ура!, учителя, хорош, хороший, хочется, Черное море, 30 дней 1.

Обратный словарь. От реакции к стимулу.

Отпуск: предоставлять 29, провести 8, брать, вынужденный 5, отдыхать, увольнение 4, долгожданный, короткий, поехать, проводить 3, взял, заявление, кончиться, летний, нам только снится, совместный 2, бесполезный, блаженный, болезнь, взять, вспоминать, деньги, деревням, для двоих, домой, ехать, железная дорога, использовать, испортить, летом, месяц, миф, молить, находка, начинается, начинать, небольшой, несанкционированный, неудачный, оплатить, отдел, отдохнуть, отдых, отменяться, отправиться, отъезд, плыть, поездка, поспать, прошлый, путешествие, свободный, слайды, суббота, с юга, тот, требовать, уезжать 1.

Богатый ассоциативный потенциал (539 реакций в прямом словаре и 121 стимул в обратном словаре), зафиксированный в РАС, свидетельствует, в первую очередь, об актуальности данного понятия в сознании носителей языка и позволяет сформировать ассоциативное поле данной лексемы.

Данные РАС подтвердили выделенный на основании толковых словарей семантический компонент времени, зафиксированный в большом количестве ассоциаций, связанных с определенным временем года, подходящим для отпуска (*летом, лето, в сентябре, зимой, в зимнее время, в июле, в августе, в летнее время, зимний, весной*), с определенной продолжительностью отпуска, варьирующейся от нескольких дней (*отгул, отпускной день, короткий,*

краткосрочный, краток, маленький, быстрый, мало, недолгий, на 3 дня, неделя, на неделю и т.д.) до нескольких недель/месяцев (*десятидневный, 30 дней, месяц, на месяц, на 2 месяца, длинный, долгий, долгосрочный, длительный, продолжительный и т.д.)* или даже без ограничения по времени (*бессрочный, навечно, вечный*), а также с определенной регулярностью (*очередной, внеочередной*). Показательно, что на слово-стимул *отпуск* отмечена частотная реакция *каникулы* (12), что говорит о сближении двух понятий в представлении носителей языка.

Отпуск в сознании респондентов РАС ассоциируется со сменой привычной локализации (*ехать, поездка, поезд, путевка, дорога, далеко, отправиться, отъезд, в горы, в горах, в деревню, загород, Молдавия, на родину, на природе*), но наиболее частотны реакции, связанные с поездкой на юг, с отдыхом у моря (*море, юг, на море, на юге, с юга, у моря, к морю, Крым, в Крыму, крымский пляж, в Гаграх, Черное море, Сочи*), а также отмечена реакция, объединяющая место и время отпуска (*лето и море*). Кроме того, единичная реакция *дома* подтверждает то, что отпуск для носителей языка редко представляется без изменения постоянной локализации.

Несмотря на то, что компонент *освобождение от работы/ от той или иной деятельности*, выделенный по данным толковых словарей, в ассоциациях практически не зафиксирован (отмечена лишь единичная реакция *работа*), одной из наиболее частотных реакций на слово-стимул *отпуск* оказалась реакция *отдых* (43), а также лексема *отпуск* была зафиксирована в словарных статьях на слова-стимулы *отдыхать* и *отдохнуть*, что говорит о том, что в сознании носителей языка отпуск, в первую очередь, представляется связанным именно с отдыхом, а такие цели отпуска, как учеба, лечение и пр., в РАС зафиксированы лишь в единично (*академический, декретный, по болезни, болезнь, по ранению, ремонт*).

Однако, несмотря на отсутствие ассоциаций, прямо указывающих на оппозицию отпуск/работа, отмечены реакции, вербализующие данную оппозицию косвенно: *получить, не предвидится, заслуженный, увольнение*, а также следующие стимулы (зафиксированные в обратном словаре): *предоставлять, брать, взял, взять, несанкционированный, заявление*, связанные с трудовыми отношениями, закрепленными законом и требующими выполнения определенных действий и условий для получения отпуска: например, написать заявление, чтобы взять/получить отпуск. Об этом свидетельствует и самая частотная реакция, зафиксированная в РАС, *за свой счет* (56), а также единичная реакция *свой счет*, входящие в устойчивое словосочетание *отпуск за свой счет*.

В ассоциативных реакциях четко отмечается позитивная оценка отпуска (*хорошо, хороший, веселый, замечательное время, прекрасно, прелесть, радость, рай, удачный, ура!*). О такой оценке отпуска свидетельствует и его ожидание (*долгожданный, скоро, жду, желанный, впереди, скорей бы*). Однако отмечены и реакции, свидетельствующие о том, что респонденты по тем или иным причинам остались недовольны своим отпуском (*грустный, не радует, сорвался, не состоялся, пропал*). Именно то обстоятельство, что в структуре концепта могут выделяться и быть достаточно яркими противоречащие друг другу когнитивные признаки (позитивно-оценочные и негативно-оценочные), является одним «из существенных доказательств принципиального различия между концептом и значением слова» [Попова, Стернин 2007: 206].

Поскольку одной из наиболее частотных реакций на слово-стимул *отпуск* является ассоциация *отдых* (43), был использован прием наложения ассоциативных полей *отпуск* и *отдых* с целью выявления их пересечений.

Ассоциативное поле лексемы *отдых* представлено 112 реакциями (полный список реакций представлен в параграфе), 60 из которых полностью совпадают с ассоциациями, полученными на слово-стимул *отпуск*:

море, на природе 8, на море 7, на юге 4, работа 3, долгожданный, каникулы, хороший 2, выходные дни, веселый, в Крыму, длинный, долгий, зимой, кончился, летний, лето, летом, любовь, на свободе, отпуск, прекрасный, природа, продолжительный, солнце, удачный, у моря 1.

Данные совпадения позволяют говорить о том, что ассоциативные поля *отдых* и *отпуск* в сознании носителей языка имеют значительные пересечения, а сами понятия в определенных ситуациях являются синонимичными и отражают общую типовую ситуацию, связанную со свободным от работы временем, относящимся к определенному времени года (*зимний, летний отдых*) и имеющую определенную продолжительность (*длинный, долгий, каникулы и пр.*). Эта типовая ситуация связана со сменой привычной локализации субъекта отдыха (*море, на юге, в Крыму, на природе и пр.*) и передает в основном позитивную оценку его субъектом (*хороший, прекрасный*), которая зафиксирована и в его ожидании (*долгожданный*).

Более того, контекстные реализации лексем *отдых* и *отпуск*, зафиксированные в художественных и публицистических текстах последнего десятилетия, «диагностируют актуальный смысл слова в речи» [Маклакова, Стернин 2013: 70] и свидетельствуют о корреляции и смежности данных понятий и соответствующих им типовых ситуаций, ср.: *Слепота— несчастье и ужасная угроза пожилых людей — стала для неё освобождением от непрерывного труда. Наступил законный отпуск, за которым ослепшая Василиса прозревала окончательное бессрочное и бескрайнее отдохновение.* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000); *Отдыхай, Пекуля! Ты заслужила свой отдых. Потом пошлем Лидию Павловну в отпуск.* (Л. Вертинская. Синяя птица любви. 2004); *Любой из нас рано или поздно сталкивается с вопросом, как провести отпуск ... кто-то запасается тушенкой, котелком и палаткой и отдыхает «дикарем», но все больше и больше людей отдают приоритет отдыху по туристическим путевкам.*

(И. Зыкова, К. Филатов. Особенности защиты прав потребителей при оказании туристических услуг // «Адвокат», 12.01.2004); *В последний отпуск Федоровых мы вместе отдыхали на Кипре.* (Г. Шергова. ...Об известных всем. 2002-2004); *Постепенно разрушается стереотип, что отпуск должен приходиться только на лето, зимой же, как было принято при советской власти, на отдых отпускали только пьяниц и нерадивых работников.* (И. Архипов. Старая Русса, или на пути к российскому Баден-Бадену // «Петербургский Час пик», 09.17.2003).

Поскольку «значение слова есть потенция, реализующаяся в живой речи» [Выготский 1956: 370], близость понятий *отдых* и *отпуск* в представлении носителей языка подтверждают не только письменные тексты, но и спонтанная речь носителей языка (ср.: материалы опроса информантов, опубликованные в 2008 году в методической разработке по русскому языку «Русская спонтанная речь» под ред. Н.В.Богдановой). В данном сборнике представлены материалы «нового типа» - 43 текста живой неподготовленной, неофициальной речи, т.е. бытовые спонтанные монологи петербуржцев, юристов по профессиональной деятельности, которые отвечали на вопрос: «Как вы проводите свое свободное время?».

Показательно, что в своих монологах большинство респондентов рассказывали именно о том, как они отдыхают в выходные дни (20 монологов) или во время отпуска (21 монолог), некоторые из последних приведены ниже (в сокращенном виде).

Информант №3, женщина 29 лет: я провела а выезжая за границу в Турцию... в городе Алании / был чудесный санаторий а а] отель / где я отдыхала со своей подругой и коллегой по работе / был замечательный пляж / мы с моей подругой / загорали / купались в бассейне / а а ездили на экскурсии // затем моя подруга уехала / приехал мой молодой человек и мы / также очень хорошо провели остаток этого отпуска //

Информант №9, мужчина 23 года: прошлый за две тысячи шестой год отпуск был в сентябре // на южный берег Крыма в город Феодосию /я со своей девушкой / как бы поехал вдвоем / на поезде / две недели мы отдыхали / то есть смотрели достопримечательности и / купались / загорали] делали всё что душе угодно /пили вино / ели шашлыки / то есть отдых / произошел довольно сумбурно /

Информант №15, женщина 43 года: каждый год я стараюсь / использовать свой отпуск / очень насыщенно и разнообразно / при этом] мы едем или на юг или а а за границу но в общем-то в любом случае это море и солнце // обязательно купаемся но купаемся и загораем дозировано чтобы не заболеть // в целом мы на море проводим времени с каждым днем больше // а а при этом мы любим играть в теннис // ну вечером ходим на дискотеку // ну иногда до утра там танцуем / вот общаемся // ну и конечно же с удовольствием ходим в магазины // ну и потом с удовольствием возвращаемся домой где еще долго вспоминаем живем под впечатлением с хорошим зарядом положительных эмоций / вот / так что / отпуск проходит всегда хорошо //

Информант №21, женщина 28 лет: как же я / провожу отпуск? отпуск бывает у меня очень редко / конечно хотелось бы / провести его на самом деле с полной отдачей // и действительно отдохнуть душой и телом // в отпуск конечно хотелось бы куда-нибудь съездить / для того чтобы] просто разгрузиться / поменять обстановку // познакомиться с другими интересными людьми / пообщаться / качественно провести свои дни / часы / и минуты // ну и конечно хочется / каких-то новых впечатлений / ощущений // то есть побыть на самом деле в каком-то] может быть] в раю / и хочется конечно чтобы / в отпуске была хорошая погода / чтобы солнышко / постоянно светило // кататься / на лодочках / чтобы было беззаботное время//

Информант №22, женщина 22 года: значит мой отпуск / до этого я была в отпуск / я ездила а / за границу // отдыхаю я там полностью / у меня там очень

много друзей // там я чисто отдыхаю // не как здесь / если остаться здесь и если быть там / то это разные вещи //сейчас я поеду в отпуск / с мужем / вот поедем мы на юг // вот поедем мы / в Краснодар / где я тоже ни разу не была / позагораю / покупаюсь // отдохну / отдыхать я поеду] в июле / третьего июля рассчитываем отсюда уже выехать // поэтому [...] что касается моего отдыха / отдыхать я люблю / это замечательно / это хорошо / как бы] не знаю / ты приводишь себя сам себя сам в порядок // отдыхаешь //

Информант №25, мужчина 37 лет: каждый человек хочет отдохнуть / хочет отдохнуть / ждет отпуска / но каждому видится / его отпуск по-разному//

Информант №28, женщина 29 лет: отпуск и отдых это для меня в принципе одно слово что я в отпуске отдыхаю что и на отдыхе отдыхаю // отдыхаю по-разному / я отдыхаю расслабленно ни о чем не думая / еду [...] куда я еду? то есть могу отдыхать и на природе / отпуск значит это куда выезд // обязательно // обязательно выезд / поменять даже местоположение // голова у тебя отдыхает // да / вообще ты от всех отдыхать // хотя бы не на... насколько-то дней / да / хотя бы / на пять десять дней ты ы должен // куда-то выехать // не то что обязательно на юг / но на море это обязательно о // как бы (...) место это не важно] ну вот (...) отдых для меня это] можно сказать // приравнивается еще и праздник // вы сами знаете хорошее настроение // ну вот // также немаловажную роль еще играет хорошая погода // хорошая компания // провести хороший досуг // отпуск также для меня еще чувство раскрепощенности ВО ВСЁМ / ну естественно от работы // то есть отдых и отпуск для меня можно сказать / КЛАССНО! //

Информант №29, мужчина 27 лет: отпуск бывает раз в год / многие люди ... этого отпуска очень ждут / хотят отдохнуть // также и я жду/ хочется в отпуск / я езжу на юг // отдыхаю / в том году ездил в Анапу // на Черное море // мне очень понравилось / сейчас / скоро мой отпуск / также поеду на Черное море отдыхать //

Информант №33, женщина 22 года: обычно свой отпуск я провожу / у себя на даче // я очень люблю // там бывать там очень красивые места / я отдыхаю / и физически и морально // у меня там очень много друзей // мы ходим гулять купаемся загораем / гуляем обычно ночами // друзья] которые там находятся обычно приезжают отдыхать//

Анализ материалов спонтанной речи позволил подтвердить вывод о взаимосвязанности и взаимопроникновении понятий *отдых* и *отпуск* в сознании современных носителей языка, ср.: «*отпуск и отдых это для меня в принципе одно слово*». Во всех монологах лексемы *отпуск* и *отдых* (*отдыхать/отдохнуть*) вербализуют типовую ситуацию отдыха-отпуска, характеризуемую общей локализацией, временем и условиями отдыха, что в целом позволяет говорить о том, что отпуск в сознании носителей русского языка составляет основной сегмент ассоциативно-семантического поля *отдых*, отражающий общую типовую ситуацию «отдых-отпуск».

Выводы

Понятие отдыха организует широкое семантическое и концептуальное пространство, вербализированное объемным, чрезвычайно подвижным корпусом лексических средств, а его основные номинанты (лексемы *отдых* и *отдыхать*) характеризуются широтой и диффузностью семантического объема. Представления об отдыхе находят отражение в значительном фрагменте языковой картины мира и являются индикатором экономических, политических и социальных изменений в обществе.

Ввиду чрезвычайной сложности феномена отдыха и широты представлений о многообразии его форм исследование осуществлялось на основе ассоциативно-семантического поля, манифестирующего значимость принципа антропоцентризма при исследовании лексической семантики. Ориентированность на «человека в языке» позволяет объединить в одном исследовании традиционные подходы к анализу содержания слова с их когнитивной интерпретацией, позволяющей преломить лексическую систему языка через призму восприятия человека. Наиболее продуктивным при таком подходе становится включение в одно исследовательское пространство системного и ассоциативного потенциала слова, что позволяет осуществить интегральный анализ слова. Именно понятие ассоциативно-семантического поля, объединяющего характеристики лексико-семантического и ассоциативно-вербального полей, позволяет рассмотреть в интегративной последовательности системно-структурный и когнитивный потенциал слова, поскольку при исследовании семантики необходимо синтезировать различные подходы к анализу, взаимно подкрепляя и уточняя их друг через друга.

Исходным источником для описания семантики основных номинантов поля, лексем *отдых*, *отдыхать/отдохнуть*, послужили словарные дефиниции в толковых словарях современного русского языка. По данным этих источников,

семантический объем лексем *отдых*, *отдыхать* / *отдохнуть* ограничен одним значением. Однако на основании обобщения всех словарных дефиниций, а также иллюстративного материала, представленных в лексикографических источниках, был выделен значительный ряд денотативных характеристик, к которым относятся следующие: перерыв в работе или привычных занятиях; восстановление сил (физических, умственных, душевных); устранение усталости; состояние покоя/сна; отпуск/каникулы, пенсия.

По данным идеографических словарей (ИСРЯ, РСС, БТСРС, БТСРГ), семантика отдыха включена в семантические классы, связанные с понятием времени (РСС и БТСРС) и реже - с понятием работоспособности/усталости (ИСРЯ). В рассматриваемых словарях понятие отдыха семантически связывается с широким набором лексем, обозначающих различные по длительности и содержанию отрезки времени: короткий перерыв, длительный перерыв, перерыв для принятия пищи, устранение усталости, период времени, подходящий/не подходящий для каких-либо событий, сон и т.д. Все это, в свою очередь, является свидетельством сложности и многокомпонентности данного понятия, что обусловило актуальность поиска путей его уточнения и сегментирования.

Ввиду объемности и диффузности содержания понятия *отдых* было проведено его структурирование с помощью полевого подхода. На основе анализа различных лексикографических источников (толковых, идеографических словарей, словарей синонимов, эпитетов, словарей сочетаемости) было смоделировано лексико-семантическое поле, ядром которого являются лексемы *отдых*, *отдыхать/отдохнуть*. В околоядерной зоне поля расположились синонимические ряды ядерных лексем (отдых: передышка, отдохновение, роздых, передых, покой, сиеста, дневка, досуг и т.д.; отдыхать/отдохнуть: передохнуть/передыхать, вздохнуть (разг.), загорать, перекуривать/перекурить, расслабляться/расслабиться (разг.), покоиться,

успокаиваться, поживать, устраивать/устроить передышку, устраивать/устроить перекур (прост.), перевести/переводить дух (дыхание) и т.д.). Кроме того, в околоядерной зоне было условно выделено два основных блока языковых единиц, отобранных по тематическому принципу на основе идеографических словарей. Это лексика, называющая внутреннее состояние человека (психологический аспект), и слова, называющие периоды, свободные от деятельности (социальный аспект семантики отдыха). В последнюю группу на основании временного параметра были включены лексемы, называющие различные виды отдыха в зависимости от его продолжительности: краткий перерыв в какой-либо деятельности (передышка, перекур, пауза), перерыв для принятия пищи (обед), остановка во время похода/путешествия (дневка, ночлег), перерыв во время представления (антракт), а также перерыв в работе для длительного/продолжительного отдыха (каникулы, отпуск). Дифференциация семантики продолжительного отдыха позволила выделить две лексические группы в околоядерной зоне поля: это место и формы организации отдыха (дом отдыха, санаторий и др.) и субъекты отдыха (отпускник, отдыхающий и т.д.).

На периферии поля расположились лексемы, выделенные на основе анализа синтагматических связей ядерных лексем поля и объединенные в следующие группы: время отдыха (летом, зимой); его локализация (на море, в горах, на курорте, на даче и т.д.); отдых как избавление от усталости (от работы, от дел, от забот и мн. др.).

На следующем этапе исследования содержание лексико-семантического поля было расширено за счет ассоциативного потенциала ядерных лексем. На основании анализа данных РАС были определены основные направления ассоциирования, связанные с понятием *отдых*. Наиболее частотные реакции, объединенные в группы на основании того или иного общего признака, составляют центральную часть ассоциативного поля: место отдыха (море, пляж,

горы и т.д.), закономерные, запланированные перерывы в работе или учебе (отпуск, каникулы, выходной и др.), определенная продолжительность отдыха (немного, долго, продолжительный и т.д.), определенное время года (лето, зима), действия субъекта отдыха (расслабиться, спать, выспаться, не работать, бездельничать, загорать, веселиться, гулять, прогулка, лежать, развлекаться, веселиться, купаться), позитивная оценка отдыха (хорошо, от души, приятно и др.), прекращение какой-либо деятельности в связи с определенной усталостью (отдых от всех, от дел, от мучений и т.д.), отдых в том или ином окружении (вдвоем, семейный, вместе). К периферии поля относятся единичные ассоциации, свидетельствующие об индивидуальных представлениях и жизненном опыте тех или иных респондентов: халява, шампанское, праздник, сачковать, поход и мн. др.

На основании анализа данных проведенного свободного ассоциативного эксперимента и сравнении их с материалами РАС была отмечена динамика ассоциативного потенциала понятия *отдых*, что позволило расширить направления ассоциирования, представленные в РАС. Показательным является несовпадение частотных реакций при устойчивой центральной позиции ассоциаций: море, на юге и др. Можно отметить появление большого количества реакций, связанных с отдыхом за границей, с комфортом и престижностью отдыха, с активными формами проведения времени.

На основании сопоставления состава и структуры ЛСП и АВП *отдых* было отмечено несовпадение содержательных характеристик полей и их структурная динамика. Так, если в околядерной зоне АВП *отдых* располагаются группы лексики, связанные с формой организации и локализацией отдыха, его временной (сезонной) отнесенностью, оценочным восприятием, то в структуре ЛСП *отдых* данная лексика находится на периферии. Кроме того, некоторые группы лексических единиц, составляющие околядерную зону ЛСП *отдых* (например, синонимический ряд), в составе

АВП *отдых* не были зафиксированы. В то же время к частотным реакциям относятся наименования действий субъекта отдыха, которые не были включены в состав ЛСП *отдых*.

Таким образом, в данном исследовании представляется актуальным расширение содержания ЛСП *отдых* за счет ассоциативно-вербального потенциала лексики на основе объединения ЛСП и АВП в общее понятие ассоциативно-семантического поля (АСП), что позволило значительно расширить его содержание и выйти за пределы лексикографически фиксируемой семантики в сознание носителей языка.

В связи с содержательной многоаспектностью содержания ассоциативно-семантического поля *отдых*, было проведено его сегментирование на основе типовой ситуации отдыха, что позволило выделить для дальнейшего исследования компонент, имеющий конкретные пространственно-временные характеристики: это продолжительный отдых с изменением постоянной локализации субъекта, т.е. типовая ситуация *отдых-отпуск* или каникулы.

На основании анализа семантического, ассоциативного и контекстного потенциала лексем *отдых* и *отпуск* можно говорить о том, что отпуск в сознании носителей русского языка составляет основной сегмент ассоциативно-семантического поля *отдых*, отражающий общую типовую ситуацию «отдых-отпуск», характеризуемую общей локализацией, временем и условиями отдыха.

Глава II. Динамика типовой ситуации «отдых-отпуск» в русской языковой картине мира

2.1. Общая типовая (денотативная) ситуация «отдых-отпуск» по данным лексикографических источников

2.1.1. Наименования субъектов ситуации «отдых-отпуск» по данным толковых словарей

Актуальным приемом описания всех составляющих процесса отдыха является опора на соответствующую типовую или «денотативную» ситуацию, понимаемую как «определенный фрагмент окружающей действительности, актуализированный в сознании носителя языка, потенциально готовый к обработке мышлением и языковому воспроизведению» [Пахомова 2009: 8]. По мнению Л.Г. Бабенко, обращение к типовой ситуации имеет не только теоретическую значимость, но и обнаруживает «знания русского человека о связях ситуаций процессуально-событийного мира» [Бабенко 2002: 7]. Согласно концепции Ю.Д. Апресяна, «описать ситуацию исчерпывающим и избыточным образом значит назвать всех ее участников и только их, указав все свойства каждого участника и отношения между ними и только эти свойства и отношения» [Апресян 1996: 19]. Типовая ситуация отдыха может включать в себя следующие компоненты: субъект отдыха, время отдыха, продолжительность отдыха, место и формы организации отдыха, характер отдыха и др.

Важнейшим компонентом ситуации отдыха является ее субъект. Анализ семантики возможных номинаций субъектов отдыха (по материалам указанных выше толковых словарей) позволяет выделить для исследования следующий базовый ряд лексем: *дачник, курортник, отдыхающий, отпускник, турист, пляжник, санаторник, отдыхающий, дикарь* и др.

Семантика наименований субъектов отдыха свидетельствует о неоднородности общей ситуации продолжительного отдыха, многообразии ее вариантов, которые реализуются в частных, конкретных ситуациях. Попытка определить список этих ситуаций базировалась на выявлении устойчивых соотношений ее компонентов «субъект – место (форма организации отдыха)». Анализ около 2000 контекстов из «Национального корпуса русского языка» НКРЯ показал следующее: на основании устойчивой связи «субъект – формы организации отдыха» наиболее отчетливо выделяется *ситуация дачного отдыха* (дача-дачник); соотношение целого ряда коррелирующих субъектов (курортник, санаторник, отдыхающий, отпускник, пляжник и др.) с соответствующей группой наименований мест и форм организации отдыха (курорт, санаторий, дом отдыха, пляж) позволяет условно говорить о достаточно диффузной *ситуации курортного отдыха*; *ситуация туристского отдыха* характеризуется логически объяснимым отсутствием устойчивой связи субъекта туристского отдыха (турист) с конкретной формой организации отдыха (отдельные его виды могут быть связаны с турбазами, палаточными лагерями, отелями, курортами или вообще могут не предполагать формы организации).

Конкретные ситуации, составляющие общую ситуацию «отдых-отпуск», были рассмотрены большей частью на основе ассоциативно-семантических полей *курортник (курорт)*, *турист (туризм)*, *дачник (дача)*, с учетом полей *отдыхающий* и *отпускник*, ядерные лексемы которых имеют более общее, родовое значение по отношению к другим наименованиям субъектов отдыха и вербализируют ситуации отдыха менее дифференцированно.

Семантика лексемы *отдыхающий* в толковых словарях русского языка ограничена одним значением *тот, кто находится на отдыхе, проводит свой отпуск где-либо* [БАС, МАС, словарь под ред. С.А. Кузнецова, словарь С.И. Ожегова]. В содержании данной лексемы отсутствует детализация места, времени, продолжительности, видов отдыха субъекта и др. Зафиксировано

указание лишь на предполагаемое место и форму организации отдыха субъекта *где-либо*, которое конкретизируется в иллюстративном материале: *Заезд отдыхающих в дом отдыха, в пансионат, в санаторий / Отдыхающий с турбазы, из дома отдыха*. Стоит отметить, что в словаре Ушакова с пометой *новое* представлено толкование лексемы *отдыхающий*, уточняющее место отдыха субъекта: *лицо, проводящее свой отдых в доме отдыха*, что также зафиксировано в иллюстративном материале: *На юг едут больные и отдыхающие*. В «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой в толковании рассматриваемой лексемы зафиксирован денотативный компонент *восстановление сил отдыхом*, ср.: *человек, проводящий где-нибудь свой отдых, восстанавливающий отдыхом свои силы*. Интересно, что в толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова с пометой *разговорное* зафиксирован оттенок значения: *бездельник*. Таким образом, на основании данных толковых словарей содержание лексемы *отдыхающий* может быть представлено следующим образом: *человек, находящийся на отдыхе для восстановления сил, проводящий свой отпуск вне места привычной локализации (на юге, в доме отдыха, в санатории, на турбазе); бездельник/ ничем незанятый*.

Как и в толкованиях лексемы *отдыхающий*, в обобщенном варианте толкования лексемы *отпускник*: *тот, кто находится в отпуске, отправляется в отпуск* [БАС, МАС, словарь под ред. Д.Н. Ушакова, словарь С.И. Ожегова, словарь А.Н. Тихонова], отмечается недифференцированность компонентов типовой ситуации отдыха – отпуска (места, времени, продолжительности, форм организации и видов отдыха). Однако во всех толковых словарях, за исключением словаря под ред. Л.Г. Бабенко, в дефиниции лексемы *отпускник* зафиксирована сема *смена привычной локализации субъекта* (ср.: *уходит, отправляется в отпуск*), которая также отражена в иллюстративном материале соответствующих словарей: *Большинство пассажиров самолета Москва - Сочи были отпускниками; В одном купе с Иваном Петровичем ехали две девушки-*

отпускницы; Данилов не стал объяснять Супругову, что он не хочет ехать в отпуск до конца войны и что список отпускников доктор Белов составлял вместе с ним.

Несмотря на то, что лексема *курортник*, по данным различных лексикографических источников (БАС, МАС, Словарь С.И. Ожегова и др.), является однозначной, в ее толковании выделяются два основных денотативных признака: 1. больной/ нездоровый человек, который лечится на курорте; 2. человек, который отдыхает на курорте (ср.: курорт - *местность с целебными природными свойствами, используемая для лечебных целей и для отдыха* [МАС]). Показательно, что в словаре под ред. Д.Н. Ушакова лексема *курортник* имеет помету «новое».

Лексема *дачник* в толковых словарях имеет различные определения. Наиболее общие толкования представлены в словаре С.И. Ожегова: *тот, кто живет на даче (не дачевладелец)* и в словаре В.И. Даля: *участник в общей даче, совладелец*. Однако в словаре В.И. Даля у данного слова выделен оттенок значения: *Житель загородной дачи, охотник до дачной жизни*. Несколько детальнее данная лексема толкуется в словаре под ред. Д.Н. Ушакова: *приезжий, живущий на даче*. Наиболее полное толкование лексема *дачник* получила в МАС: *Городской житель, живущий в летнее время на даче* (ср.: *дача - загородный дом для летнего отдыха городских жителей* [МАС, словарь под ред. Д.Н. Ушакова]). Содержание всех вышеперечисленных толкований позволяет выявить следующие денотативные признаки лексемы *дачник*: 1. Человек, приехавший из города на время (приезжий). 2. Человек, находящийся на отдыхе. 3. Человек, отдыхающий на даче в летнее время.

Лексема *турист*, восходящая к французскому *touriste*, в словарях иностранных слов, а также в большинстве лексикографических источников [БАС, МАС, словарь под ред. Д.Н. Ушакова, словарь С.И. Ожегова, словарь под ред. С.А. Кузнецова] определяется как *человек, занимающийся туризмом*;

участник туристской поездки, похода и т.д. Лексема *туризм* в свою очередь получает следующее толкование: *вид активного отдыха – путешествия (поездки, походы), совершаемые организованно или самостоятельно для отдыха, со спортивными (горный, водный, лыжный) и познавательными (научными) целями* [Современный словарь иностранных слов]. В толкованиях лексемы *турист* в словаре под ред. Д.Н. Ушакова, а также в Большом толковом словаре под ред. Л.Г. Бабенко зафиксирована сема «отдых»: *человек... путешествующий для отдыха, развлечения и удовлетворения своей любознательности* [словарь под ред. Д.Н. Ушакова]; *человек, ... посвящающий свободное время ... организованному, активному отдыху* [словарь под ред. Л.Г. Бабенко]. Таким образом, в семантике лексем *турист* и *туризм* содержится несколько денотативных признаков, к которым, в первую очередь, относятся: «отдых», «путешествия», «спорт/элементы спорта», «познавательные цели».

В отдельных лексикографических источниках зафиксированы наименования субъектов отдыха, в содержании которых также можно выделить сему «отдых»: Так, в словаре под ред. С.А. Кузнецова лексема *пляжник* (разг.), толкуемая как *человек, проводящий время на пляже*, иллюстрируется следующим образом: *Отдыхающие пляжники. Наплыв пляжников в Сочи*. В том же словаре лексема *дикарь* (разг.) в четвертом значении толкуется следующим образом: *о человеке, отдыхающем где-либо или путешествующем неорганизованно, без путевки*. Пр.: *Поехать к морю дикарями. Пляж для дикарей*. В словаре В.И. Даля субъект отдыха представлен лексемой *отдыхатель*, которая толкуется как *тот, кто отдыхает*, в то время как лексема *отдыхающий* в словаре не зафиксирована. Лексема *санаторник* - *лицо, проходящее курс лечения в санатории* (ср.: *санаторий – лечебно-профилактическое учреждение для лечения и отдыха*) зафиксирована только в словаре под ред. Д.Н. Ушакова с пометой *новое*. Однако в связи с тем, что

лексемы *пляжник, дикарь, отдыхатель и санаторник* зафиксированы лишь отдельными источниками, они не будут включены в основной анализ.

Таким образом, для основного анализа были отобраны лексемы *дачник, курортник, отдыхающий, отпускник, турист*, в содержании которых выделена интегральная сема *человек, находящийся на отдыхе*, а дифференциальные семы указывают, в том числе, на место и форму организации отдыха (дом отдыха, курорт, дача); цели отдыха (не только отдых, но и лечение или познавательные цели); время отдыха (обычно лето); отдых как временное освобождение от работы.

2.1.2. Наименования субъектов ситуации «отдых-отпуск» в идеографических словарях

Показательно, что в основных идеографических словарях русского языка (указанных выше) не выделяется единая лексическая группа, соответствующая *субъектам отдыха*, а интересующие нас лексемы попадают в разные подгруппы на основании того или иного родового/видового признака.

Так, в БТСРС лексема *отпускник* объединяется с лексемами *совместитель, надомник, сезонник, стажер* в лексико-семантическую группу, обозначающую человека по условиям труда, где на первый план выходит общий родовой признак *человек, работающий на каких-либо условиях*. Та же лексема в РСС объединена с лексемами *отказник, невыездной, монополист, льготник* и т.д., называющими лицо по отношению к административным нормам. Однако лексема *отпускник* в этом словаре толкуется как *человек, находящийся в отпуске, пользующийся правом временного освобождения от работы для отдыха*. В ИСРЯ лексема *отпускник* относится к идеографической группе *отдых* наряду с лексемами *пансионер* и *отдыхающий*, где выделяется их общий родовой признак *человек, находящийся на отдыхе*.

В РСС на основании общего семантического признака *отдых с целью оздоровления или путешествия* объединяются в одну лексико-семантическую группу лексемы *курортник, отдыхающий и турист*, а также лексемы *гуляющий, интурист, путешественник, фланер и экскурсант*. В ИСРЯ лексемы *курортник* и *турист* отнесены к различным лексико-семантическим группам, а именно к группам *Климатотерапия* и *Путешествие* соответственно. В группе *Климатотерапия* лексема *курортник* представлена наряду с лексемой *курорт*, трактуемой как *местность, используемая для лечения*, а также *гелиотерапия, купальщик, санаторий* и т.д., объединенные на основании общесемантического признака *отдых с целью оздоровления*. В группу *Путешествие* включены лексемы *турист, путешественник, путник, странник, паломник* и т.д. на основе общей для данных слов семы *путешествие/передвижение*.

Несколько иначе представлены лексемы *курортник* и *турист* в БТСРС. Интересно, что в данном словаре лексема *курортник*, интерпретируемая как *человек, страдающий какой-либо болезнью и лечащийся или отдыхающий на курорте*, включена в идеографическую группу с общим семантическим признаком *больной человек* наряду с лексемами *алкоголик, безумец, гипертоник, неврастеник* и многими другими. В том же словаре лексема *турист* выступает в значении *человек, любящий совершать путешествия, посвящающий свободное время специально продуманному, организованному активному отдыху*, и включена в группу с общим родовым признаком *человек по его профессиональному роду занятий в сфере развлечений или по его любимому роду деятельности в свободное время*, куда также отнесены такие лексемы, как *рисовальщик, путешественник, филателист, книголюб, диск-жокей, автомобилист, игрок, собачник, частушечник* и т.д. Такие лексемы, как *отдыхающий* и *дачник*, в данном словаре не зафиксированы.

Лексема *дачник* в ИСРЯ наряду с лексемами *новосел, поселенец, горожанин, селянин, провинциал, квартирант* и т.д. репрезентирована в

лексико-семантической группе *житель*, а в РСС объединена с лексемами *переселенец, приезжий, мигрант, зимовщик, возвращенец* и прочими на основе общего признака *человек, характеризующийся по перемене места жительства*.

Несмотря на то, что лексемы *отдыхающий, курортник, дачник, турист, отпускник* нередко попадают в различные идеографические группы, все они по данным толковых словарей имеют тот или иной общий семантический признак: *человек, находящийся на отдыхе/ в отпуске; проводящий свое время где-либо отдыхая; занимающийся чем-либо для отдыха*.

Таким образом, выделение особого сегмента лексико-семантического поля *отдых*, мотивированного пространственно-временными координатами, позволяет объединить лексемы *дачник, курортник, отдыхающий, отпускник, турист* на основании общего семантического признака *человек, находящийся на продолжительном отдыхе с изменением обычного места проживания*, и в лексико-семантическом микрополе «*отдых - отпуск*» выделить отдельную лексико-семантическую группу наименований субъектов отдыха.

2.2. Типовая ситуация курортного отдыха в русской языковой картине мира

2.2.1. Исторические и культурологические особенности курортного отдыха в России

Курортология как особое научное направление, исследующее различные аспекты лечебно-оздоровительного отдыха на курортах, возникла одновременно с открытием лечебных свойств природных объектов и, прежде всего, минеральных вод. Долгое время типовая ситуация лечения на курорте вербализировалась устаревшими в настоящее время словосочетаниями: «поехать на воды», «находиться на водах», ср.: *У вас это болезнь; вам бы на воды ехать — полечиться...* (А. В. Сухово-Кобылин. Дело. 1861); *Как и в*

прежние года, он с открытием весны поехал на воды за границу поправлять свое расстраиваемое ежегодно усиленным зимним трудом здоровье и, как обыкновенно, вернулся в июле и тотчас же с увеличенною энергией взялся за свою обычную работу (Л. Н. Толстой. Анна Каренина. 1878); *Даже и здесь в сем году я считаю необходимым для поддержания здоровья, не позже как в июле или августе, поехать сперва на воды, а потом на отдохновение в Крым.* (М. С. Воронцов. Кавказские письма М. С. Воронцова к А. П. Ермолову. 1845-1855) и т.д.

Как отмечают историки, в Российской империи начало курортного дела было положено Петром I (первый отечественный курорт Марциальные воды был открыт в 1719г.), не раз выезжавшим на западные курорты. Первоначально развитие российских курортов следовало западным традициям (Баден-Баден, Карлсбад, Пирмонт, Спа). В XIX в. развитие курортного дела ускорилось: в различных районах страны изучались свойства минеральных источников и грязевых озер, открывались курорты Крыма, Одесские грязевые курорты, Сергиевские Минеральные Воды, курорты Гагра, Боржоми, известные курорты Кавказских минеральных вод, описанные в произведениях А.С. Пушкина, не раз посещавшего Северокавказские Горячие воды (Пятигорск): *...Ужасный край чудес!.. там жаркие ручьи / Кипят в утесах раскаленных, / Благословенные струи! / Надежда верная болезнью изнуренных. / Мой взор встречал близ дивных берегов / Увявших юношей, отступников пиров, / На муки тайные Кипридой осужденных, / И юных ратников на ранних костылях, / И хилых стариков в печальных сединах...* (А.С. Пушкин. Я видел Азии бесплодные пределы. 1820); *Здесь нашел я большую перемену, в мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Ныне выстроены великолепные ванны и дома.*

Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем. На стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость. Признаюсь: Кавказские Воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года). Всем известны литературные произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, герои которых ездили «на воды».

Однако «состояние курортного дела в царской России характеризовалось недоступностью курортного лечения для широких слоев населения и низким уровнем его организации «вследствие нехватки лечебных учреждений, медицинских кадров и доминирования частной практики» [Ветитнев, Журавлева 2006]. По данным журнала «Химия и жизнь», в России к 1915 г. из зарегистрированных 386 минеральных источников для лечения использовались всего лишь четырнадцать. На российских курортах существовало всего 56 санаториев на 3000 мест, что позволяло обслуживать только 1,5% потенциальных курортников (Химия и жизнь. 1967). В связи с этим, а также следуя моде, представители высшего общества предпочитали поездки на заграничные курорты, предоставлявшие качественное лечение и более комфортное проживание. Важным фактором были и разного рода развлечения, доставлявшие удовольствие отдыхающим на заграничных курортах, ср.: *Она порадовала его рождением сына, но бедный мальчик жил недолго; он умер весной, а летом, по совету врачей, Лаврецкий повез жену за границу, на воды. Рассеяние было ей необходимо после такого несчастья, да и здоровье ее требовало теплого климата (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо. 1859); Иное дело ехать за границу на воды — это уже путешествие, с которым сопряжено столько приятных надежд и ожиданий (Ф.В. Булгарин. Петербург летом. 1842); Зимой кутили в пользу несносных голодающих, летом поедем на воды за*

границу мотать последние деньги (А.К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы.1868). Следует отметить, что в конце XIX - начале XX в. (период открытия большинства современных европейских курортов) наметилась новая тенденция в развитии курортного отдыха: курорты начали «приобретать облик не столько лечебных комплексов, сколько мест отдыха и туризма» [Ветитнев, Журавлева 2006].

В советское время был сделан «стремительный бросок от индивидуального организованного личного потребления к общественно организованным формам отдыха и проведения досуга» [Зверев 2004: 3]. В СССР стали уделять огромное внимание организации лечения и отдыха трудящихся, в том числе развитию санаторно-курортного дела. По мнению специалистов в области курортологии, «меры по обеспечению наилучших условий для лечения больных и отдыха здоровых носили комплексный характер» [Ветитнев, Журавлева 2006]: осваивались новые курортные местности, создавалась, реконструировалась и благоустраивалась курортная инфраструктура, развивалась сеть здравниц, повышалась медицинская культура, профилактическая и оздоровительная роль курортов, создавались профсоюзы и пр. В основу программы развития санаторно-курортного дела в СССР был положен принцип «Курорты - для трудящихся», однако были организованы и ведомственные санатории. Была развернута широкая программа научно-исследовательских работ, созданы учреждения, занимающиеся проблемами курортологии, включая специализированные научно-исследовательские институты. Курорт, в первую очередь, понимался как «лечебная местность, обладающая хорошо изученными природными целебными факторами» [Климовицкий 1961], по характеру которых условно выделялись три основные группы курортов: бальнеологические, грязевые и климатические. Активно благоустраивались морские курортные зоны на побережьях Черного и Азовского морей, на Рижском взморье, в Азербайджане и т.д., ввиду чего

санаторно-курортный отдых стал важнейшим звеном советского здравоохранения.

В постсоветское время рыночные реформы «разрушили основы прежнего функционирования курортного комплекса страны» [Ветитнев, Журавлева 2006], что привело к формированию рынка санаторно-курортных услуг, а также новых подходов к управлению санаторно-курортными учреждениями. Изменились основные тенденции организации курортного отдыха, курортной среды, что обусловлено «общемировыми закономерностями становления новых форм и моделей «качественной» социальной жизни» [Зверев 2004: 7]. Произошла «переориентация основных целей поездок на курорты от лечения к отдыху» [Ветитнев, Журавлева 2006], а сама поездка на курорт превратилась в разновидность проведения ежегодного отпуска. Стал превалировать отдых на морских курортах, популярной стала «культура проведения каникул у моря»: морские курорты начали предлагать «отдыхающим постоянно расширяющийся спектр возможностей досуга, развлечений и оздоровления, становясь местами потребления зрелищ» [Грей 2006: 60].

В настоящее время исследователи говорят о том, что «курортный отдых превратился в динамично развивающуюся отрасль мировой и национальной экономики» [Зверев 2004: 3]. Если в советский период публиковалось значительное количество медицинской литературы по лечению и профилактике заболеваний, особенностям санаторно-курортного лечения (С.Р. Татевосов, А. Шинкаренко, А. Вишневский, В.А. Климовицкий, В.А. Александров и др.), то интерес современных специалистов в области курортологии обращен больше к экономическим, маркетинговым, социологическим факторам развития курортного отдыха как особого вида рекреации - туризма (Л.Б. Журавлева, В.К. Зверев, А.С.Кусков, О.В. Лысикова, А.С. Орлов, А.Б. Соколов и т.д.). Ряд исследований посвящен историческим фактам возникновения и эволюции курортного дела, курортного отдыха, особенностям архитектурного стиля и

культурного моделирования самих курортов как в России, так и Европе и США (А.М. Ветитнев, Ф. Грей и т.д.).

Таким образом, ситуация отдыха на курортах прошла определенный путь исторических изменений. В самом начале привычка отдыхать и восстанавливать здоровье на курортах была заимствована у европейцев несколько веков назад как аристократическое времяпрепровождение, доступное немногим. В советское время отдых на курорте обрел форму массового «оздоровления трудящихся». В настоящее время курорты стали популярным местом проведения отпуска, а курортное дело сделалось прибыльной отраслью экономики. Словом «курорт», характеризующимся очень широким и неоднозначным употреблением, теперь называют как местность с целебными свойствами, так и центры горнолыжного спорта, города и отели у моря и просто комфортную для отдыха местность.

2.2.2. Ситуация курортного отдыха в ассоциативно-вербальной сети

Лексема *курортник*, входящая в ЛСГ наименований субъекта отдыха, по данным различных толковых словарей является однозначной и толкуется следующим образом: *тот, кто лечится, отдыхает на курорте* [БАС, МАС, словарь Кузнецова]; *человек, который лечится на курорте* [словарь С.И. Ожегова]; *больной, лечащийся на курорте* [словарь под ред. Д.Н. Ушакова]; *человек, страдающий какой-либо болезнью и лечащийся или отдыхающий на курорте* [толковый словарь существительных под ред. Л.Г. Бабенко], при этом лексема *курорт*, толкуемая как *местность с целебными природными свойствами, используемая для лечебных целей и для отдыха* [МАС], в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой имеет переносное значение с пометой *разговорное*: *благоустроенное место, где человеку приятно жить, работать*. На основании приведенных выше

толкований можно говорить о двух основных денотативных признаках лексемы *курорт*: *местность, предназначенная для лечения и отдыха*, и о двух соответствующих признаках лексемы *курортник*: 1. *нездоровый человек,*

который лечится на курорте; 2. *человек, который отдыхает на курорте.*

Лексема *курорт* на основе выделенных содержательных компонентов тематически связана с лексемой *санаторий*, имеющей следующие толкования: *лечебное заведение, специально оборудованное для проживания в нем лиц, нуждающихся в постоянном наблюдении врачей, соблюдении строгого режима* [Словарь Д.Н. Ушакова]; *лечебно-профилактическое учреждение для лечения и отдыха* [МАС, словарь Т.Ф. Ефремовой]. Кроме того, частотно объединение данных лексем в составе сложносоставного прилагательного *санаторно-курортный*, ср.: *санаторно-курортное лечение, санаторно-курортные учреждения, санаторно-курортный отдых*. Однако в толковании лексемы *санаторник*, зафиксированной в словаре Ушакова, отмечается только семантический компонент, связанный с лечением, ср.: *лицо, проходящее курс лечения в санатории*. Все это не позволяет безоговорочно отнести данную лексему к лексико-семантической группе наименований субъектов отдыха.

Однако «лексикографические значения отражают преимущественно ядерные семы, выделенные лексикографами», кроме того «крайне непоследовательно отражены коннотативные и функциональные семы», в то время как когнитивный подход к исследованию семантики позволяет «пополнить семантическое описание значений дополнительными периферийными и оценочными семами» [Стернин 2013: 7, 10]. С целью проникновения в лексикографически не кодифицированные сферы содержания лексем *курорт* и *курортник* были проанализированы соответствующие ассоциативно-вербальные поля по данным РАС, а также результаты свободного ассоциативного эксперимента.

В РАС в прямом словаре (том I) «От стимула к реакции» лексемы *курорт* и *курортник* не представлены, однако в обратном словаре (том II) «От реакции к стимулу» зафиксирована лексема *курорт*, т.е. она является реакцией на предъявленные испытуемым стимулы, спровоцировавшие появление данной реакции у респондентов.

Курорт: Греция, купальник, море 2; болгарский, в море, горный, Италия, минеральный, о листьях, отдохнуть, отдыхать, приехать, путешествие, родители, сад, союзный, уехать, чистый, юг 1.

Данные ассоциативного словаря под ред. Ю.Н. Караулова позволили отметить следующее: в представлении носителей русского языка *курорт*, прежде всего, ассоциируется с ситуацией отдыха (а не лечения), большей частью связанной с югом, южными странами, морем, ср.: (отдохнуть, отдыхать, Греция, море, болгарский, в море, горный, Италия, путешествие, юг). Однако лечение, являющееся основным семантическим признаком курорта в толковых словарях, практически не попало в ассоциативно-вербальное поле *курорт* (исключение составляет единичный стимул *минеральный*).

В связи с тем, что ассоциативный потенциал лексемы *курорт*, отраженный в РАС, относится к последней четверти XX века, а лексема *курортник* отсутствует в данном словаре, был проведен свободный ассоциативный эксперимент для выявления ассоциативного потенциала данных лексем в сознании носителей языка начала XXI века. В данном эксперименте приняли участие 150 человек (студенты Санкт-Петербургских университетов), давшие свободные ассоциации на слова-стимулы *курорт* и *курортник* (всего – 450 реакций). Наиболее частотные реакции представлены ниже в порядке убывания:

Курорт: море, отдых, солнце, лето 21, пляж, пальмы 18, песок, лыжный 13, роман 12, тепло, жара, отличный 11, зонтик, отпуск, горы 9, путешествие 8, Египет, пять звезд, отдохнуть, отель 7, коктейль, санаторий, ресторан 5, Сочи,

танцы, загар 4, банан (развлечение), кататься на банане, вечернее платье, вкусные напитки, все включено, волна, впечатления, время, гостиница, девчонки, деньги, закат, зеленый, знакомство, девушки, южный 3, Коктебель, комары, красивые люди, купальник, лежать, шале 2, местный, незабываемый, поехать, отдыхающие, грязи, массаж, милый, прогулка, ресторан, самолет, свобода, средиземноморский, приятные знакомства, счастье, Турция, хорошо, шезлонг, экскурсии, Ялта, яхта 1.

Курортник: загар, отдых, бездельник, отдыхающий, сланцы, шорты, пляж, панама, солнце 18, санаторий, больной, море 17, отпуск, лечиться, очки 16, поезд, прогулки 14, толстый, путешествия, деньги 13, пьяный, сытый, экскурсии, алкоголик, бледный, «Бриллиантовая рука», вдвоем, веселый, вилла, воды, впечатления, гостиница 9, дельфин, жара, заболел 8, кефир, клизма, коктейль, купальник 7, медсестра, лечение, луна, «Любовь и голуби», любопытный 4, нарзан, наслаждение, неспешащий, отпускник, мужчина в плавках, пароход, довольный 3, режим, роман, русский, сон, СССР, страсть, сувенир, счастливый, танцы, усталый, чемодан, яхта, 60-е годы, грустно1.

Данные реакции существенно расширяют ассоциативно-вербальное поле, зафиксированное в РАС. Содержание указанных полей свидетельствует о том, что лексема *курорт* в сознании носителей языка начала XXI века вызывает яркую палитру ассоциаций, большей частью имеющую положительную эмоциональную окраску.

В представлении респондентов лексема *курорт* и ее дериват *курортник* связаны с отдыхом-отпуском (*отдых, отпуск, отдыхающий, отпускник*), проводимым, прежде всего, на юге (Египет, Сочи, средиземноморский, Турция, Ялта), на море, в летний период времени, о чем свидетельствует большое количество соответствующих реакций (*море, солнце, пляж, пальмы, жара, тепло, загар, лето, песок, зонтик, купальник, шезлонг, волна, лежать и др.*), отражающих ситуацию именно пляжного отдыха. В ассоциативных реакциях

на слово-стимул *курорт* прослеживается определенная географическая отнесенность отдыха на курорте: Египет, Сочи, Коктебель, средиземноморский, Турция, Ялта. Однако отмечена и частотная реакция *лыжный*, восходящая к словосочетанию *лыжный курорт* и свидетельствующая о том, что в настоящее время в сознании носителей русского языка временные рамки, связанные с отдыхом на курорте, представляются достаточно размытыми.

Курортный отдых в языковом сознании респондентов ассоциируется с развлечениями, хорошим настроением (*коктейль, танцы, банан (аттракцион), вкусные напитки, впечатления, ресторан, счастье, хорошо и др.*) и, конечно, с романтическими знакомствами, ср. (частотная реакция *роман*, входящая в состав словосочетания *курортный роман*). В то же время денотативный компонент, зафиксированный в толковых словарях (местность с целебными природными свойствами, используемая для лечебных целей), практически не нашел отражения в материалах эксперимента; отмечена лишь единичная реакция *санаторий*. Однако в содержании ассоциативно-вербального поля *курортник* компонент *лечение/здоровье* выражен достаточно отчетливо: *санаторий, лечиться, больной, алкоголик, бледный, заболевание, клизма, кефир, лечение, нарзан, медсестра, воды, режим, усталый и др.* Некоторые реакции свидетельствуют о том, что данный стимул большей частью ассоциируется у респондентов с советским временем, ср.: *СССР, 60-е годы, фильмы «Бриллиантовая рука», «Любовь и голуби» и др.* Кроме того, некоторые респонденты затруднились дать какие-либо ассоциативные реакции на стимул *курортник*.

В результате можно сказать, что в представлении носителей русского языка сформировался неоднозначный образ курортника: это *толстый, больной, бледный и усталый* человек, проходящий курс лечения, или же наоборот *счастливый, веселый, пьяный и сытый* человек, совершающий прогулки,

путешествия, экскурсии, который обычно носит *шорты, сланцы, панаму и очки*, а также *плавки или купальник*.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в содержании ассоциативно-вербальных полей *курорт* и *курортник* произошли значительные изменения. В связи с тем, что лечение в санаториях, в здравницах, восстановление здоровья в домах отдыха стало менее популярным видом отдыха, чем в советское время, в содержании лексемы *курорт* денотативный компонент, связанный с лечением, значительно редуцировался, однако актуализировались дополнительные семантические признаки, выходящие за пределы лексикографически зафиксированного значения (путешествия, развлечения, романтические увлечения). В то же время лексема *курортник* стала несколько менее актуальной, поскольку в сознании носителей языка связывается большей частью с советским прошлым.

2.2.3. Контекстный потенциал типовой ситуации курортного отдыха (по данным «Национального корпуса русского языка»)

Данные РАС и свободного ассоциативного эксперимента позволили выявить «внетекстовый ассоциативный потенциал» представлений о курорте и курортнике и сформировать основные «направления ассоциирования» [Болотнова 2007: 76].

Однако поскольку анализ ассоциативной сферы, репрезентированной в художественных и публицистических текстах, позволяет «актуализировать в сознании носителя языка (читателя) остальные слои того или иного концепта: предметный, понятийный, образно-символический, эмоционально-оценочный» [Болотнова 2007: 75], были рассмотрены контекстные реализации лексем *курорт* и *курортник* по материалам НКРЯ. Данный корпус представляет собой собрание русских художественных, публицистических, поэтических, научных и

прочих электронных текстов объемом более 300 млн. слов и охватывает период с XVIII – XXI вв. НКРЯ дает уникальную возможность на основании контекстных употреблений слов выявить некоторые семы, не вошедшие в словарное толкование, но получившие актуализацию в зафиксированных контекстах. Хронологически отмеченные контексты позволяют проследить динамику содержания лексики, а также мобильность заключенной в ней оценки. Кроме того, использование контекстов, понимаемых как законченные фрагменты текста, несущие на себе «печать культуры определенного этапа в истории общества» [Болотнова 2010: 65], позволяет выявить лингвокультурологические основания динамики ситуации курортного отдыха.

На основе НКРЯ было отобрано и проанализировано первые 500 употреблений лексемы *курорт* и *курортник* в художественных и публицистических текстах различных временных периодов: досоветского, советского и постсоветского. На основании этих материалов можно говорить о следующих направлениях ассоциирования:

Курортный отдых предполагает временное освобождение от работы, т.е. отпуск, ср.: *Думал вот на курорт съездить, да отпуска не дают, срок не вышел, недавно служит...* (В. Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска. 1953); *Кстати, я тогда впервые за многие годы ушёл в отпуск и уехал на курорт.* (В. Губарев, А. Савин. «Всю жизнь на разных фронтах» // «Наука и жизнь», 2009).

В текстах различных временных периодов в содержании лексем *курорт* и *курортник* в той или иной степени актуализируется семантический компонент, связанный с лечением, оздоровлением на климатических, бальнеологических, грязевых курортах, ср.: *Я тоже жду. Меня отправляют на курорт лечиться. У меня чахотка.* (А. С. Грин. Дорога никуда. 1929); *... в августе он уехал туда с намерением заняться лечебными процедурами. Кисловодск в этом смысле чудный курорт. Там нарзан делает чудеса, обновляет кровь и восстанавливает*

слабые нервы. (М. М. Зощенко. Двадцать лет спустя. 1937); *Курорт состоит из следующих элементов: а) воды, б) доктора, в) больного и г) музыки. Все, взятое вместе в определенных дозах, образует гармоническое целое, называемое — курорт.* (Н. А. Тэффи. Письма издалека. 1911); *А товарищ ругал меня и все подсчитывал, что я мог бы на эти деньги купить и на курорт поехал бы, чтобы здоровье поправить...* (В. Железников. Чучело. 1981); *По всей Сибири известно озеро Карачи — прекрасный грязелечебный курорт.* (М. П. Помус. Бараба // «Наука и жизнь», 1951); *Вот загуляется в парке какой-нибудь курортник, забудется, а тут клизму на постаменте увидит и вспомнит про процедуры.* (Т. Гущина. В Железноводске поставили памятник... клизме // Комсомольская правда, 2008.06.18); *Мы отправились гулять вместе, и разговор наш был самый пустой, что называется, курортный, кто от чего лечится, да что говорят доктора...* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993-2003) и пр.

В ассоциативном текстовом поле компонент *лечение/оздоровление* представлен разнообразными ассоциатами, которые вербализуют как сам процесс лечения (*доктор, больной, лечить/ лечиться, поправить здоровье, санаторное лечение*), средства и способы восстановления здоровья (*воды, нарзан, грязелечебный курорт, целебные грязи, процедуры, клизма*), так и места и формы организации курортного лечения (*санаторий, здравница, лечебница и т.д.*). В текстах советского периода отмечается частотное контекстное объединение лексем *курорт - санаторий, курорт — здравница*, характерное для этого времени, ср.: «санаторно-курортная помощь в СССР является частью здравоохранения, а курортное лечение — составной частью общего плана лечения больного» [Климовицкий 1961]. Ср.: *Послал Наташку на курорт. В санаторий путевку достал.* (А. Гладили. Прогноз на завтра. 1972); *Они, конечно, опять будут предлагать мне уехать в Крым, на Кавказ, на курорт, в санаторий...* (А. Гайдар. Тимур и его команда. 1940); *Южный берег Крыма, вероятно, должен находиться в общесоюзном подчинении как уникальная здравница для всего*

населения СССР и курорт мирового значения. (А. Д. Сахаров. Неизбежность перестройки. 1988); Часто люди, страдающие тем или иным неврозом, например неврастенией, стремятся выехать в санатории, на курорт. (Л. А. Богданович. Профилактика неврозов // «Наука и жизнь», 1951); Ехал из санатория, в вагоне были сплошь курортники, возвращающиеся домой (В. Ф. Панова. Сентиментальный роман. 1958).

В ассоциативном потенциале лексем *курорт* и *курортник* наряду с типовой ситуацией *лечение/оздоровление на курорте* представлена ситуация отдыха, главными атрибутами которой выступают море, солнце, пляж ср.: *Едет человек на курорт, говорят: поехал отдыхать. (В. Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска. 1953); Накануне, ближе к вечеру, собралась родня: провожали Ивана Расторгуева в путь-дорогу. Ехал Иван на курорт. К морю... - Надо, знаете, отдохнуть малость. На курорт. — Иван теперь решил быть вежливым со всеми подряд. (В. Шукшин. Печки-лавочки. 1970-1972); Много чего хочется человеку, приехавшему раз в году на курорт. Впрочем, не так уж и много — отдохнуть, поправить здоровье, укрепить нервы. (И. Зорич. Поедем отдыхать? // «Работница», 1989); ... помню: были в Ялте. Впервые на юге: море, набережная с пальмами. Плохой курортник: вкуса к морю нет, плавать не умею. (Н. Амосов. Голоса времен. 1999); На минуту Инаишвили забывает о революции, Абашидзе, Саакашвили и почти как простой курортник радуется морю, солнцу и чашечке кофе с видом на батумский порт. (Н. Ратиани, Батуми. Признания в батумском кафе // Известия, 05.12.2004); и т.д.*

Безусловно, контекстные реализации этих типовых ситуаций содержат описание/характеристики субъекта отдыха, а именно - курортника: *отдыхающий, ленивый, праздный, скучающий* и т.д., а также описание его типичных занятий: *купаться, плавать, загорать, играть (в теннис, в боулинг и т.д.), гулять, развлекаться*, ср.: *А курортник, приземлившись в аэропорту*

«Симферополь», хочет через 20 минут увидеть море, снять туфли и купаться. (Новый регион 2, 07.13.2005); Там он, по слухам, предпочитает вести себя как обычной курортник: играет в боулинг, рыбачит, совершает долгие прогулки. (С. Попова. Чиновник поплыл // Труд-7, 08.2007); Как курортник президент все же выкроит время для моря. Обычно это километровые заплывы по утрам. Возможно, погрузится с аквалангом... (Л. Кафтан. Путин прилетел в Сочи поработать // Комсомольская правда, 08.15.2006); Впервые на юге: море, набережная с пальмами ... Лида лежала на солнце сутками. (Н. Амосов. Голоса времен. 1999).

Кроме того, в контекстах можно найти описание типичного внешнего вида курортника-отдыхающего (загорелый, в легкой светлых тонов одежде), ср.: *Он сошел с поезда—типичный курортник в легкой рубашке и летних брюках. (Л. Кафтан. «К черту, я снимаю свой костюм английский!» // Комсомольская правда, 08.20.2003); ... в вагоне были сплошь курортники, возвращающиеся домой: женщины с шоколадными руками, обнаженными до плеч, и с яркими губами на шоколадных лицах; мужчины в светлых рубашках. (В. Ф. Панова. Сентиментальный роман. 1958), или, наоборот, курортника-лечащегося, главным атрибутом которого является: спортивный костюм, ср.: Виктор переоделся в синий тренировочный костюм, и это делало его похожим на курортника. (Н. Леонов. Лекарство от жизни. 2001).*

Подавляющее большинство контекстов свидетельствует о том, что отдых на курорте в представлении носителей языка связан большей частью с летом, с теплым/жарким временем года, называемым «курортным сезоном» или «высоким сезоном», ср.: *Назвали они свое изобретение так: Календарь Истинного Курортника на 1-й год Нормальной Жизни. По этому календарю год делится на четыре сезона — Август, Бархатный Сезон, Теплую Весну и Лето. (Т. Савельева. Пишите письма // «Столица», 07.29.1997); Мне почему-то кажется, что если бы я поехал на какой-нибудь жаркий курорт, то там бы я*

нашел приятные минуты (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1940). *Еще в начале лета казалось, что курортный сезон в этом году будет провальным. Но с начала августа ситуация резко изменилась: россияне ринулись на родные курорты.* (С. Турьялай. Отдохните, мама с папой, - пусть дитя «гудит» в Анапе // Комсомольская правда, 08.28.2001); *Курорт опустел. С гор ветер злой подул.* (Л. Н. Сейфуллина. Правонарушители. 1922).

Однако в текстах начала XXI века временные рамки курортного отдыха значительно расширились: зимнее время года стало не менее популярным временем отдыха (как в далеких жарких странах, так и в странах, имеющих горнолыжные курорты), ср.: *Скажу: собрались в отпуск, на зимний курорт.* (А. Житков. Кафедра. 2000); *Всем известно, что горнолыжный курорт — прекрасное место для поправки здоровья.* (А. Киселевская. Спектральный анализ: диагностика состояния здоровья по волосам // «Семейный доктор», 05.15.2003).

В контекстных реализациях лексемы *курорт* постсоветского периода, особенно в текстах последнего десятилетия, в содержании лексемы *курорт* прослеживается редукция семантического компонента, связанного с ситуацией лечения, оздоровления, в то же время актуализируется содержательный признак, связанный с туризмом, с отдыхом туристов на курортах, ср.: *Пока местечко не вошло в моду и не превратилось в типичный курорт, где красоты природы продаются туристам понедельно в сувенирной упаковке.* (М. Каминарская. Из лавы и солнечного света // «Домовой». 08.04.2002); *Тысячи туристов ежегодно приезжают на курорт Большой Геленджик ради знаменитых песчано-галечных пляжей, протянувшихся у подножия гор на десятки километров.* (Ирина Авереннова. Геленджик // «Туризм и образование». 06.15.2000); *Курорт вошел в моду у русской знати — в 1914 году шведы даже напечатали первый информационный буклет на русском языке. Но после 1917 года поток наших туристов в Оре иссяк, и только в 2002 году*

первые российские чартеры приземлились в местном аэропорту. (Н. Филатова. Оре // «Русский репортер», № 6. 21-28.02.2008).

В контекстах актуализируется употребление лексемы *курорт* в значении *местность, предназначенная и приспособленная для отдыха и развлечения туристов, имеющая соответствующую инфраструктуру (отели, СПА, пляжи, горнолыжные спуски, парки развлечений, рестораны, дискотеки, аквапарки и т.д.)*, в то время как содержательная составляющая данной лексемы, связанная с лечением, *местность, обладающая природными лечебными средствами (минеральными источниками, грязями), в которой созданы лечебно-профилактические учреждения (санатории, лечебницы)* постепенно редуцируется, ср.: *Альгарва — это не только чудо-стадион, здесь находится замечательный курорт: роскошные пляжи, теплое море и солнце ждут тебя.* (С. Сурганов. Футбол: ЕВРО 2004 // «Хулиган», 06.15.2004); *Мальорку привычно упоминают как райский курорт и центр развлечений.* (Отель «Мардаваль» // «Мир & Дом. City», 09.15.2003); ... *ты идешь по Сочи, и все знают, что ты отдыхаешь, и всеми силами стараются помочь тебе отдыхать. Все к твоим ногам — двадцать тысяч такси, миллион ресторанов, где о тебе заботятся. Люди все улыбаются, все загорелые, красивые, все очень отдыхающие — настоящий курорт.* (Основной инстинкт // «Домовой», 09.04.2002); *Здесь, в городе Майами, находится самый популярный в стране и далеко за ее пределами курорт — Майами-Бич — это сотни отелей на берегу океана, среди которых не найти и двух одинаковых; это великолепные песчаные пляжи и вода как парное молоко круглый год* (Т. Буржинская. Америка -- ваш путь к успеху! // «Туризм и образование», 03.15.2001); *Что такое Куршевель? Один из множества горнолыжных курортов в Европе.* (П. Бурмистров, Д. Зимин. Гедонист на службе обществу // «Русский репортер», № 3, 27.01.2011); *Литвинова живет в Брайтоне. Это морской курорт на южном*

побережье. Множество развлечений на пирсе (А. Терехов. Каменный мост. 1997-2008).

В проанализированных контекстах упоминаются различные *способы организации* курортного отдыха. Так, начиная с советского времени, отдых или лечение на курорте предполагали приобретение путевки, ср.: словосочетания *достать путевку/билеты, получить путевку, выдавать путевки, выделять путевки*, подчеркивающие трудность их приобретения и в то же время регулируемость этого процесса, ср.: *В санаторий путевку достал.* (А. Гладили. Прогноз на завтра. 1972); *Зимой легче достать путевку на курорт, зимой на заводах всегда много путевок.* (В. Черных. Три рассказа // «Юность», 1972); *Что же касается санаторного лечения, то уже сейчас профкомы вправе выдавать путевки в санаторий супругам, а с 1990 года предполагается выделять ежегодно не менее 120 тысяч семейных путевок в санатории и лечебные пансионаты как для супружеских пар, так и для родителей с детьми.* (И. Зорич. Поедем отдыхать? // «Работница», 1989).

Отдых на курорте в сознании носителей языка всегда ассоциировался с факторами удобства и комфорта, некоторого барства, а в последние годы еще и со значительными денежными затратами и престижем, ср.: *Чудная растительность, живописные острова, благоустроенный австрийцами курорт с современными большими гостиницами и хорошими шоссе.* (П.Д. Долгоруков. Великая разруха. 1922-1924); *Говорю тебе, дурак, — это модный курорт, здесь хорошая лыжня, дорогое жилье и...* (Д. Рубина. Окна. 2011); *Еще в начале XX века острова хорошо были известны в России как престижный курорт, куда приезжали на отдых представители дворянства и богатые торговцы. Здесь неоднократно останавливалась на отдых и императорская семья на своей яхте «Штандарт».* (Ю. Жвиташвили. Аланды - русские острова // «Петербургский Час пик», 2003.09.10); *Такие вещи, как дорогой автомобиль или фешенебельный курорт, маркируют социальный уровень и являются символами социального*

успеха. (Г. Гутнер. Просвещение как социальный проект // «Неприкосновенный запас», 09.12.2002); *Байи — летняя резиденция императоров, престижный курорт, куда на отдых собирались сливки римского общества.* (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя. 1998); *Схевенинген — это фешенебельный морской курорт, особенно популярный среди немецких туристов* (С. Штерн. Ниже уровня моря // «Звезда». 2003). Однако, как альтернатива комфортному организованному отдыху на курорте, в советское время появился такой феномен, как отдых «дикарем», предполагающий отдых в местах для этого специально не организованных, ср.: *Когда-то эти необозримые песчаные пляжи занимали бесчисленные советские курортники - "дикари".* (И. Сергей 'Kazan' в целлофане // Труд-7. 08.29.2006); *Недавно вот у нас тут один тоже дикий курортник жил.* (Н. Грибачев. Одним рейсом // «Огонек». № 39. 1959); *По сравнению с прочими «дикарями» — так называли людей, рискнувших явиться на морской курорт без путевок, — мы устроились по-царски.* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание. 1999-2000).

В художественных и кинематографических текстах разных периодов часто звучит мотив курортного романа, романтического знакомства, флирта, рождающегося в атмосфере отдыха, беззаботности и развлечения, ср.: *Никакие подружки не зовут Пэт смотаться на курорт, чтоб там развлечься с красивыми юношами или просто отдохнуть от семьи.* (И. Свиначенко. Дети людям не игрушка // «Столица», 09.29.1997); *Словно сейчас человек не может приехать на курорт, завести там романчик.* (С. Денисова. Роща расписная // «Русский репортер», № 14. 16.04.2009); *Но семья все же главное, а курортный роман — так, мимолетная слабость, дома жена, дети, хобби.* (к/ф «Любовь и голуби»); — *Как я понимаю, Вакси, наш курортный роман теперь перерастет в большую и длительную любовь.* (В. Аксенов. Таинственная страсть. 2007); *На этом курорте главным занятием был флирт, а не лечение.* (Д. А. Засосов, В.И. Пызин. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. 1976).

В связи с тем, что курорт в сознании носителей языка большей частью ассоциируется с расслабленностью и беззаботностью, праздным бездельем и даже ленью, с курортными, нередко пошлыми романами, в контекстах возникает негативная оценка как формы отдыха, так и самого субъекта отдыха. Ср.: *Согласитесь, что написанная Дымовым картина выходит далеко за пределы узкой своей рамы. Нужно нашему художнику передать то нелепое впечатление чего-то ненужного, пошлого, бесплодного, которое производит на него всякий курорт.* (К.И. Чуковский. Осип Дымов. Солнцеворот. Содружество.. 1905); *Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть, краснощеких англичан и американцев.* (О.Л. Книппер-Чехова. О А. П. Чехове. 1921-1933); — *Н-да, — сказал Федька. — Курорт. — К этому слову он относился неприязненно.* (Г. Владимов. Большая руда. 1961). Показательно противопоставление комфортного, безмятежного, пассивного и оттого скучного отдыха на курорте образу активного свободного туриста, возникающего в рассказе А.П. Чехова «Ариадна»: *Таскаясь поневоле по этим курортам, я все более убеждался, как неудобно и скупо живет сытым и богатым, как вяло и слабо воображение у них, как не смелы их вкусы и желания. И во сколько раз счастливее их те старые и молодые туристы, которые, не имея денег, чтобы жить в отелях, живут, где придется, любуются видом моря с высоты гор, лежа на зеленой траве, ходят пешком, видят близко леса, деревни, наблюдают обычаи страны, слышат ее песни, влюбляются в ее женщин...»* (А. П. Чехов. Ариадна. 1895).

В связи с оценочной составляющей в содержании лексемы *курорт*, она получает метафорическое переосмысление и употребляется в контекстах с целью характеристики того или иного места, приспособленного для комфортного, беззаботного времяпрепровождения, нередко в качестве противопоставления менее благополучному, ср.: *на севере шла ожесточенная*

борьба за морские пути; на юге продолжал упорную борьбу блокированный Ленинград. А здесь был курорт. От тишины и безделья солдаты млели, как в парной. (Борис Васильев. *А зори здесь тихие.* 1969); — *Курорт, а не жизнь, — устало сказал Баклаков, скидывая рюкзак.* (О. Куваев. *Территория.* 1970-1975); *Лишь в Липецке, и то не сразу, он понял, что лагерь по сравнению с тюремной психиатрической больницей чистый курорт.* (В. Шаров. *Воскрешение Лазаря.* 1997-2002). Ср. также устойчивое сравнение, зафиксированное в «Словаре сравнений русского языка» В.М. Мокиенко: *Жить как на курорте* (Ирон. или Шутл. О чьей-либо легкой, беззаботной, безмятежной, сытой и комфортабельной жизни где-либо).

В результате сравнения и противопоставления появляется выражение «не курорт», часто употребляемое для характеристики какого-либо неблагоприятного места или чаще всего места изоляции, заключения (тюрьма, лагерь, больница), ср.: *Тюрьма так она и есть тюрьма. Не курорт...* (Е. С. Гинзбург. *Крутой маршрут: Часть 2.* 1975-1977); *Кто же так заявляется? — На то она и тюрьма! — воскликнул старик. — А не курорт.* (Василий Шукшин. *Калина красная.* 1973). Кроме того, лексема *курорт* употребляется в метафорическом значении «ссылка», ср.: *Что же представляет собой этот рай для погибших душ, загадочные сибирские места ссылки, превращенные причудливой волей судеб в курорт для нигилистов.* (М. Степняк-Кравчинский. *Россия под властью царей.* 1886); *По крайней мере, КГБ так не поступало, ведь КГБ не убил Сахарова и всего лишь выслал «на курорт» Солженицына.* (С. Митрофанов. *Либерализм, насилие и «новый класс».* 2003).

Таким образом, типовая ситуация курортного отдыха включает различные обязательные компоненты: субъект отдыха (курортник, турист): его типичный внешний вид (например, одежда светлых тонов) и типичные занятия (купаться, загорать, гулять, играть, лечиться и т.д.), локализация отдыха (юг, южные страны, море, пляж, горы и т.д.), места и формы организации отдыха (отели,

гостиницы, санатории, здравницы), время отдыха (чаще – лето, несколько реже – зима), обстоятельства отдыха (отдых по путевке, отдых «дикарем») и многое другое, что «все, взятое вместе в определенных дозах, образует гармоничное целое, называемое – курорт» (Н.А.Тэффи. Письма издалека. 1911), и составляет в сознании носителей русского языка концепт *курорт*. Как известно, при всем многообразии трактовок сверхъязыкового содержания понятия «концепт» неизменным остается положение о том, что он «реализуется в широкой совокупности средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его небольшую часть» [Васильева, Некора 2012: 44].

Ввиду сказанного выше можно заключить, что ассоциативный и контекстный потенциал лексем *курорт* и *курортник* дает представление о динамических процессах, происходящих в содержании соответствующих концептов и мотивирующей их типовой ситуации курортного отдыха. Динамика ситуации курортного отдыха, отражающая смену идеологических установок и экономических условий жизни, а также динамику соответствующих концептов, проявляется в процессах актуализации одних смысловых компонентов и редукции других, в пересечении и перераспределении содержательных составляющих. Так, в содержании лексемы *курорт* постепенно редуцируется содержательный компонент лечения, в то же время компонент отдыха актуализируется и расширяется. Привычные места и формы организации курортного отдыха (санатории и здравницы) замещаются отелями и гостиницами, а лечебные процедуры - массажами и спа-услугами. Понятие «курортный сезон», связывавшееся исключительно с теплым временем года, большей частью, с летом, теряет сезонную «привязку», поскольку понятие «отдых-отпуск» теряет временные границы в связи с возможностью поехать «зимой в лето», а также в связи с развитием и распространением «зимних курортов» или «лыжных курортов». Лексема *курортник*, все еще сохраняя в своем содержании компонент лечения, в сознании носителей языка связывается,

большей частью, с советским прошлым и постепенно выходит из их активного словарного запаса, (по данным Нового частотного словаря НКРЯ, ее показатель составляет лишь 2,0 на один миллион слов), а в контекстных употреблениях часто заменяется лексемой *турист*, что свидетельствует еще об одном динамическом процессе - «конкуренции» концептов. Таким образом, анализ ассоциативного и контекстного потенциала лексем *курорт* и *курортник* свидетельствует о мобильности всех компонентов типовой ситуации курортного отдыха в сознании носителей языка, а также соответствующего ей концептуального пространства.

2.3. Ситуация туристского отдыха в русской языковой картине мира

2.3.1. Возникновение и развитие туристского отдыха в России

В настоящее время исследованию феномена туризма посвящено значительное количество исследований (М.Б. Биржаков, И.В. Зорин, Г.П. Долженко, В.Г. Гуляев, А.А. Иванов, М.В. Соколова, С. Шевырин и др.), на основании которых можно выделить основные этапы развития туризма в России, а также представить важнейшие особенности современной ситуации туристского отдыха в России.

Предпосылки возникновения российского туризма исторически связаны с открытием и освоением различных территорий, континентов, с экспедициями мореплавателей, путешествиями дипломатических посланников, паломников, а также российской знати. Путешествия совершались с торговыми, политическими, религиозными и познавательными целями. Как отмечают исследователи, первое массовое туристское путешествие связано с именем Томаса Кука, организовавшего туристское общество и создавшего «специфический туристский продукт, заключая договора с железнодорожными

и пароходными компаниями, гостиницами и ресторанами на обслуживание туристов» [Гуляев 1996: 2].

В России первые упоминания о туристских путешествиях исследователи связывают с особым документом, распространенном в 1777 г. в Москве Вениамином Геншем, который назывался «План предприемлемого путешествия в чужие края» и приглашал россиян к участию в групповой поездке в страны Западной Европы [Долженко 1988: 9, 11]. Однако до конца XIX века путешествия в России осуществлялись индивидуальными путешественниками, большей частью представителями обеспеченной части общества: дворянами, помещиками, семьями купцов. В то время «в стране лишь формировались взгляды на путешествия как форму отдыха, прекрасную возможность познания своей земли и зарубежных государств» [Долженко 1988:17]. Описания таких путешествий как в пределах России, так и за ее границами, впечатления о другой культуре, быте и нравах, архитектуре, запечатлены во многих известных произведениях, например: в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина, «Письмах из Дагестана» А.А. Бестужева-Марлинского, «Письмах из Италии и Франции» А.И. Герцена, «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», «Письмах с дороги по Германии, Швейцарии и Италии», «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» Н.И. Греча, «Письмах об Испании» В.П. Боткина и др. В Санкт-Петербурге и Москве начали выпускаться первые путеводители, содержащие исторические, культурные, статистические, архитектурные и прочие сведения о соответствующих городах, ср.: «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год» (1779г.), «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного» (1794 г.), «Описание императорского, столичного города

Москвы, собранное в 1775 году и изданной в свет для удовольствия общества издателем Описания Санктпетербурга г.н.с. В.Г. Рубаном» и т.д.

К концу XIX – началу XX вв. туризм стал доступен большому числу населения. Это связано с развитием науки и техники, дорожной и транспортной инфраструктуры, появлением оплачиваемых отпусков, со снижением стоимости самих путешествий, а также с распространением и развитием туристской инфраструктуры: международных и национальных курортов, гостиниц, ресторанов, развлекательных заведений и т.д. Как отмечают историки туризма, в период с конца XIX до начала XX вв., обозначенный исследователями как просветительский период, туризм развивался в следующих направлениях: паломнические путешествия; поездки с целью лечения и оздоровления; индивидуальные путешествия познавательного характера; путешествия экскурсионного характера с просветительно-познавательной целью для учащихся школ [Зорин, Каверина 2005: 41].

Зарождение организованного туризма в России связывают с появлением первых туристских организаций, созданных в конце XIX века: «Альпийский клуб» в Тбилиси, «Предприятие для общественных путешествий во все страны света» в Петербурге, Русское и Кавказское горные общества, заложившие в России фундамент туристского движения вообще и спортивного в частности. В 1895 году в Петербурге появилось общество велосипедистов «Русский туринг-клуб», в дальнейшем преобразованное в Российское общество туристов (РОТ), ставшее к концу 20-х годов XX века - руководящим центром туристского движения в СССР.

Советская власть, считая туризм одной из возможностей влияния на массы, начинает уделять большое внимание его развитию. Историк российского туризма М.В. Соколова, исследуя концепцию одного из основоположников теории советского туризма В. П. Антонова-Саратовского, отмечает, что в своих работах он характеризовал советский туризм как «часть культурной работы»,

«новую форму классовую борьбу и социалистического строительства», а туризм в капиталистических странах называл «погоней за экзотикой и авантюрой», «увеселительными путешествиями по различным странам света», «забавой» и «попыткой ухода от нудной скуки паразитической жизни» [Соколова 2002: 281-282].

В СССР начал развиваться внутренний туризм, и в первую очередь, как «вид спорта, представляющий собой групповые походы, имеющие целью физическую закалку организма, соревнования на выносливость, скорость передвижения и т.д.» [БТСРС]. С конца 30-х годов XX века спортивный туризм (антипод буржуазного комфортного туризма) приобретает особую массовость: разрабатываются маршруты по территории СССР, создаются различные спортивные (например, альпинистские) организации туристской направленности, вводятся туристские звания, а особо отличившиеся награждаются значком «Турист СССР». Туристское движение начало проникать даже в армейские круги, а также в военные учебные заведения. А.И. Егоров, начальник штаба Рабоче-крестьянской красной армии, выступал со словами: «Туризм может и должен быть использован не только на фронте социалистического строительства, но и для укрепления боевой мощи Красной Армии» [Долженко 1988: 89]. Исследователи отмечают, что для популяризации спортивного туризма стали проводиться ежегодные соревнования на лучшее туристское путешествие, широкое распространение получили массовые праздники туризма, позднее превратившиеся в туристские слеты. Романтика походной жизни прославлялась в песнях, кинофильмах, художественных произведениях. Помимо спортивно-военного туризма получает распространение семейный, детский, самодеятельный, сельскохозяйственный туризм, морские и речные круизы. Развивается инфраструктура рекреационного и лечебно-оздоровительного туризма: создаются туристские базы, курортные зоны, дома отдыха и санатории.

Приоритеты развития выездного и въездного туризма в СССР также имели пропагандистскую направленность, а основной формой выезда за границу были заграничные командировки. В отличие от развивающегося огромными темпами внутреннего туризма, «выездной»/международный туризм, в связи с созданным «железным занавесом», а также политикой «холодной войны», становится доступным ограниченному кругу людей. Та часть людей, которая все-таки получала разрешение на выезд из страны, находилась под постоянным контролем руководителя группы и так называемых «людей в штатском». Отправляющиеся за границу должны были следовать своду основных правил поведения советских граждан, выезжающих за границу. Основной запрет касался выезда за границу семьями и одиночных прогулок в месте пребывания туриста. Кроме того, накладывались ограничения на количество вывозимого из страны и ввозимого обратно, на возможность обмена валюты, посещения увеселительных заведений и многое другое. Нарушение правил поведения за границей влекло за собой запрет на последующие поездки и угрозу получения статуса «невъездного». С. Шевырин, ведущий сотрудник отдела информации Государственного общественно-политического архива Пермской области (ГОПАПО), характеризует советских туристов за границей следующим образом: «ходящие всегда вместе, скрупулезно считающие выданную валютную мелочь и в то же время ошеломленные супермаркетами, барами, стриптизами, советские туристы, несомненно, обращали на себя внимание» [Шевырин 2009].

Кроме того, въездной туризм воспринимался как «способ засылки шпионов в другое государство и эффективный способ сбора и передачи экономической и иной информации, представляющей интерес для определенных ведомств» [Биржаков 2000: 40], вследствие чего устанавливался надзор за приезжавшими в СССР туристами, что не раз обыгрывалось в

популярных художественных фильмах «Невероятные приключения итальянцев в России», «Дежа вю» и др.

Вторая половина XX века в работах, прослеживающих пути развития российского туризма, характеризуется как административно-нормативный период. Несмотря на то, что развитие туризма в это время происходило в условиях жесткого нормирования и планирования со стороны государства, «идеологическая составляющая, ранее доминировавшая в туризме, начала уступать приоритетное положение рекреационной» [Соколова 2002: 303]. В целом этот период связан с интенсивным развитием мирового международного туризма, за что он получил громкий титул «феномен XX века» [Биржаков 2000: 22], а «государство «развитого социализма» сумело сформировать самую крупную и самую дешевую в мире базу социального и самодеятельного туризма» [Соколова 2002: 304].

Постсоветский период, как известно, характеризуется взрывом интереса к туризму, небывалым развитием туристической индустрии, туристического бизнеса, что обусловило исследовательский интерес к социологическим, экономическим, культурологическим, историческим, психологическим, геополитическим аспектам въездного и выездного туризма в России (работы М.Б. Биржакова, В.Г. Гуляева, И.В. Зорина, А.А. Иванова, Т.П. Кавериной, Е.П. Кулагина, А.Г. Макарова, Н.И. Панова, С.В. Пузийчук и мн. др.).

Туристическая отрасль стала глобальным фактором развития мировой экономики и культуры. В настоящее время наблюдается стремительный рост международных туристских обменов, которому способствуют многие обстоятельства: стабильность во внутренней и внешней политике, расширение географии туризма, развитие транспортной системы, повышение комфортабельности путешествий при доступных ценах, развитие средств коммуникации и информации и др. [Соколова 2002: 312]. Кроме того, в связи с нарастанием «психологической нагрузки, интенсификации жизни людей в

индустриальных странах», туризм из предмета роскоши превратился в эффективное средство рекреации для населения высокоразвитых стран [Зорин, Каверина 2005: 34].

В последние десятилетия появилось огромное количество разновидностей туризма, которым соответствуют различные ситуации отдыха, имеющие особые цели, условия, локализацию, места и формы организации отдыха, характеристики субъекта: познавательный (экскурсионный, культурный); спортивный (автотуризм, мототуризм, велотуризм, водный, лыжный, конный туризм и т.д.); экстремальный (дайвинг, рафтинг, сафари и пр.), пляжный, гастрономический, деревенский, экотуризм и др. Исследователи отмечают, что в настоящее время можно говорить о формировании «индустрии отдыха со своими институтами, продуктом (услугами), производственным циклом, методами организации и управления производством» [Зорин, Каверин 2005: 34]. Многие из видов туризма уже не связаны с ситуацией отдыха, а отражают определенные виды деятельности: религиозный, образовательный, деловой, научный, космический, благотворительный, лечебный, а также туризм с целью родов и путешествия с целью достижения рекордов. Все это является свидетельством своеобразной экспансии туризма, проникающего не только в другие сферы отдыха и замещающего их, но и во многие сферы деятельности человека.

2.3.2. Ассоциативно-вербальный потенциал лексемы *турист* в русской языковой картине мира

Семантический объем лексемы *турист* и *туризм*, по данным толковых словарей, а также словарей иностранных слов (см. параграф 2.1.1), ограничен одним значением (ср.: *турист* - человек, занимающийся туризмом, *туризм* - вид активного отдыха – путешествия (поездки, походы), совершаемые

организованно или самостоятельно для отдыха, со спортивными (горный, водный, лыжный) и познавательными (научными) целями). В содержании лексемы *туризм* можно выделить два основных денотативных признака: 1. *вид спорта*, 2. *путешествия, совершаемые для отдыха, развлечения с познавательными целями*. Ср. также иллюстративный материал из толковых словарей: 1. *В соревнованиях по туризму приняли участие старшеклассники нескольких школ*. 2. *На площади перед крепостью, где больше всего любят гулять туристы, можно сфотографироваться* (В. Аксенов).

Семантический объем данных лексических единиц, зафиксированный толковыми словарями, может быть значительно расширен за счет их ассоциативного потенциала, представленного в РАС, являющегося моделью «речевых знаний носителя русского языка», а также на основании свободного ассоциативного эксперимента.

В РАС содержание ассоциативно-вербальных полей *турист* и *туризм* представлено широким набором ассоциативных реакций (в «прямом» и «обратном» словарях):

Прямой словарь. От стимула к реакции:

Турист: рюкзак 15, поход 9, путешественник 5, путешествие 4, горы, иностранный, интурист, любитель, отдых, палатка, человек 3, бродяга, гостиница, дикий, завтрак, отдыхающий, с рюкзаком, старый 2, альпинист, артист, без компаса, варежка, в горах, в городе, в гору не пойдет, высота, дикарь, загорелый, заграница, зарубежная страна, здоровый человек, интерес, костер, лес, лодка, мудака, мыши, натуралист, обмороженный, отдыхает, ползет, приезжий, путем, пьяница, пьяный, свобода, скалолаз, судьба, сумка, устал, утонул, Франция, хороший человек, эксплуататор 1.

Обратный словарь. От реакции к стимулу:

Турист: иностранный 11, рюкзак 10, гостиница, палатка, спутник 2, бревно, будущий, велосипед, в путь, делегация, завтрак, запах, инопланетянин,

консервы, ленинский, напористый, немец, о товарище, перевал, поток, поход, путник, разборчивый, свободный, чайник, юрист 1.

Туризм: водный, гитара, интерес, палатка, пешеходный, поход, рюкзак 1.

Зафиксированные в словаре реакции свидетельствуют об актуализации в сознании носителей русского языка второй половины XX века представлений о туризме как о виде отдыха (*отдых, отдыхающий, отдыхает*), при этом большей частью именно активного отдыха, включающего элементы спорта (*поход, горы, в горах, высота, альпинист, ползет, скалолаз, пешеходный, водный (туризм), перевал, путник, устал* и др.). В словаре зафиксированы многочисленные реакции, связанные с атрибутами походного туризма (*рюкзак, с рюкзаком, палатка, без компаса, костер, лодка, сумка, велосипед, консервы, чайник, гитара, без компаса* и др.).

Показательным представляется незначительное количество реакций, связанных с выездом в другую страну (*заграница, зарубежная страна, Франция*), однако среди частотных зафиксированы реакции *иностранный* и *интурист*.

Отдельные реакции (*любитель, дикий, дикарь, загорелый, здоровый человек, отдыхающий, пьяница, пьяный, свободный, разборчивый, напористый* и др.), характеризуют субъекта, занимающегося туризмом, однако возможно говорить о существовании двух образов туриста в сознании респондентов конца XX века: туриста-любителя (*любитель, отдыхающий, дикий, дикарь, свободный*) и туриста-профессионала, занимающегося туризмом как видом спорта (*путешественник, альпинист, скалолаз*).

Таким образом, в представлении носителей русского языка лексемы *турист* и *туризм* ассоциируются с путешествиями, активным отдыхом с элементами спорта, с отдыхом на природе, с палаткой, у костра, с гитарой, который имеет романтический оттенок, свойственный данной эпохе. В реакциях респондентов проявились особенности политической и экономической

ситуации второй половины XX века, когда во времена «железного занавеса» «выездной» туризм не был доступен для большинства населения страны: *Средневековые костюмы, маски, узкие улочки исторических городов. Нам необычны такие объекты туризма, но жители Европы их очень любят* (М. Шагинян).

Поскольку РАС отражает сознание носителей русского языка последней трети XX в., для выявления динамики ассоциативно-вербальных полей *турист* в 2013 г. был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняло участие 150 носителей русского языка (студенты Санкт-Петербургских вузов). Всего было получено 550 реакций.

Турист: путешествие, отдых, отель, поездка, заграница, путешественник, достопримечательности 29, загранпаспорт, фотоаппарат, отдыхает 23, путеводитель, карта, самолет, 17, рюкзак, чемодан, багаж, пляж, экскурсия, виза, активный 11, солнце, море, турфирма, 9, новые места, русский, билет, иностранец, иностранный 6, турагентство, гулять 5, осматривать, горы, долгая дорога, пальма, водка, веселье, спорт 3, бронировать, остров, купание, приезжий, загар, природа, речка, бутылка, путешествует, турпоездка, туроператор 2, шляпа, очки, кепка, закат, кемпинг, дом на колесах, Таиланд, Египет, ездит, любознательный, покупать, Испания, индивидуальный, автобус, Помпеи, пешком, город, гуляющий, раскопки, лес, звезды, песни, друзья, прогулки, велосипед, отдыхающий, фотографирует, устал 1.

Данный ассоциативный ряд позволяет выделить некоторые новые направления ассоциирования:

- для респондентов XXI в. географическая локализация туризма представляется гораздо шире и большей частью связана с широким кругом зарубежных стран и курортов (*Таиланд, Египет, Испания*); зафиксированы частотные реакции, связанные с организацией таких поездок: *загранпаспорт*,

виза, турфирма, турагентство, туроператор, отель, кемпинг, круиз (подобные представления о туризме в РАС отсутствуют);

- показательно, что ассоциации, частотные в РАС (*поход, костер, велосипед, скалолаз и др.*), в ассоциативно-вербальном поле современных студентов отсутствуют;

- в связи с изменившимися формами и видами отдыха туристов изменились и атрибуты отдыха. Так, например, реакция *рюкзак* (наиболее частотная в РАС) в ответах участников эксперимента оказалась единичной, а такие реакции, как *консервы, палатка, компас, чайник, гитара* не были зафиксированы; их заменили *чемодан, багаж, билет, путеводитель, карта, шляпа, кепка, фотоаппарат, очки* и пр. Кроме того, для участников опроса туристический отдых связан, в первую очередь, с престижем и комфортом (*пять звезд, все включено* и др.).

Таким образом, в связи с изменением политических и экономических условий изменились и расширились представления о туризме и туристах. Туризм в настоящее время ассоциируется, большей частью, с поездками за границу (выездной туризм), с комфортным отдыхом на курортах и т.д. Современный туризм уже невозможен без отелей, туристических бюро, транспорта и т.п., обязательных атрибутов данного вида отдыха. Можно заключить, что ассоциативный потенциал лексем *турист* и *туризм* свидетельствует об изменениях в представлениях о туризме и, соответственно, об актуализации второго содержательного компонента лексемы *турист*: *человек, путешествующий с целью развлечения и с познавательными целями.*

2.3.3. Контекстный потенциал лексем *туризм* и *турист* (по данным «Национального корпуса русского языка»)

Выход за пределы лексикографически фиксируемого значения позволяет увидеть ценностно-оценочное отношение к туризму и туристам, о чем свидетельствуют текстовые реализации соответствующих лексем. Привлечение данных НКРЯ (500 первых контекстов употребления данных лексем) показало, что лексема *турист* в текстах досоветского периода характеризует человека, путешествующего большей частью за пределами своей страны, как правило, с познавательной, развлекательной целью, ср.: ... *турист, разлучаясь с родным краем, так сказать, преднамеренно отрывается от своего прошлого затем, чтобы ринуться в пучину ожидающей его новизны, когда жажда приключений и новых мест увлекает многих даровитых писателей* (А. В. Дружинин. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. 1855); *Рассказал турист...:/ «Я посетил отшельника Севильи, /На виллу Мирт хотелось мне взглянуть...»* (Н. А. Некрасов. Современники. 1875).

В советское время сфера туризма попала в область сильного идеологического влияния: *Пролетарский турист не только берет от путешествия все то, что оно может дать – знание, отдых, закалку, - он стремится извлечь из путешествия наивысшую пользу для своего государства: узнавая наглядно страну, турист учится строить ее, закаляя свою волю и мускулы, турист будет сознательным и сильным бойцом в предстоящих революционных боях* (В. Семеновский. Снаряжение туриста. 1929). Популярными стали «внутренние» виды преимущественно спортивного туризма (ср. лозунг *Турист свой край исследуй, изучай!*), в связи с чем актуализировался и популяризировался такой вид отдыха, как турпоход (с палаткой, иногда в далекие и даже непроходимые места), ср.: *По тропинкам по гористым, По болотам и кустам/ Пробираются туристы/ К неизведанным местам.* (Лебедев-Кумач, Песня туристов.). Можно сказать, что во многих поэтических и песенных текстах произошла определенная романтизация образа бесстрашного, выносливого, неприхотливого туриста, туриста-спортсмена:

Этот подвижный, сухощавый, спортивного вида человек, выразительно жестикулирующий во время беседы и на лекции, неутомимый турист, автомобилист и лыжник (М. Рохлин. В лабораториях зарубежных ученых // «Химия и жизнь». 1967).

Однако такое «сужение» представлений о туризме подвергалось сомнению и в советское время: *Но разве туризм – это обязательная побудка на турбазах, построение по линейке, распорядок дня с некоторым казарменным оттенком?.. нет, турист – это не обязательно тот, кто взваливает на плечи рюкзак с консервами, надевает кеды и лезет в гору до изнеможения, а по вечерам поет песни под гитару у костра или накручивает «Спидолу»? А разве не турист старый человек, решивший провести какое-то время в горах? Или мать с детишками? Или целая семья, приезжающая просто отдохнуть и подышать горным воздухом – разве они не туристы? Я видел старых и молодых женщин в Чехословакии, Высоких Татрах. Днем они гуляли по окрестностям, по вечерам сидели в огромном холле «Гранд отеля», разговаривали. Все они приехали в горы из Праги и были туристками. Всякий человек, которого любознательность позвала в дорогу, уже турист (Ю.Казаков. Закарпатская проблема. 1966).*

Туризм иного рода, предполагающий выезд за границу (доступный ограниченной группе «выездных»), был недоступен большинству граждан и получал дополнительные идеологические коннотации.

Турист как приезжий, незнакомый, «чужой» человек нередко воспринимался подозрительно: *Было время, когда туристов и видом не видывали и слыхом не слыхивали. Разве что приедет в кои веки раз какой-нибудь, чтоб потом книгу написать. А еще того раньше, если людям попадался турист, они или тут же забивали его, или требовали за него выкуп на том веском основании, что он вражеский шпион (В. Астафьев. Царь-рыба. 1974).*

В период «холодной войны» отрицательная оценка устойчиво сопровождала любого человека, выезжающего за пределы Родины, в том числе и туриста. Здесь знаковой можно считать ситуацию, когда в 60-е годы XX-го века писатель Виктор Некрасов, совершивший ряд путешествий в Италию, Америку и Францию, впечатления от которых описал в очерках "Первое знакомство", "По обе стороны океана", "Месяц во Франции", был подвергнут жесткому осуждению в опубликованном журналистом Мэлором Стуруа фельетоне (в газете «Известия») под заголовком "Турист с тросточкой" и обвинен в том, что создает лживую картину жизни в капиталистических странах, служит интересам империализма и клеветает на советский строй. Идеологические коннотации здесь усилили мотив негативной оценки праздности и безделья, характерных для туриста: *На Некрасова навесили ярлык: «турист с тросточкой» — образ праздношатающегося бездельника, антитеза обобщенному лицу советского трудящегося...* (В. Потресов. Возвращения Некрасова. 2004).

В текстах советского периода реализуется и особый концепт — *иностраный турист* или *интурист*, нередко имеющий выраженную негативную окраску, поскольку человек, приехавший в Советский союз из-за границы, большей частью воспринимался как шпион, ср.: *Еще один иностранец приехал как турист — Джок. И мама к нему привязалась, и на квартиру к нему ходила. Папа несколько раз делал ей втык, чтоб в нашем доме Джок не появлялся, поэтому, если иностранец засиживался допоздна и приходил папа, я прятала Джока в шкаф. А папа кричал маме много раз: «Я не могу их убедить, что ты ничего не знаешь!»* (А. Терехов. Каменный мост. 1997-2008); *Несколько лет назад в Москву приезжал иностранный «турист» Альберт Кох, состоявший, как и сейчас господин Эрхард, на службе у американской разведки* (Тайник // «Огонек». № 5-6, 8-13, 1970).

В тестах различного содержания, относящихся к любому из рассматриваемых периодов, устойчиво реализуется оценочный мотив, указывающий на праздность и поверхностность интересов туристов: *На Сахалин он (Чехов) ездил не как турист, ради развлечения* (С.Я. Елпатьевский. Антон Павлович Чехов. 1904-1929); *Я не турист. К чему мне после Айя-Софии гудящий базар с его шелковыми и бисерными искушениями* (Н. С. Гумилев. Африканский дневник. 1913); *Беляев – не праздный турист, а любознательный испытатель* (Н. Кравклис, М. Левитин. Три жизни писателя // «Наука и жизнь» 2009).

Этот мотив обуславливает метафорический потенциал концепта: *Когда Григорий принес портрет с почты, Бельтов разрезал поскорее клеенку и с большим нетерпением вынул его. Он переменялся в лице, взглянув на черты, бывшие некогда его чертами. (...). Как много выйдет из этого юноши, - сказал бы каждый теоретик, - а из него вышел праздный турист* (А.И. Герцен. Кто виноват? 1841-1846); *Будешь, что ли, работать или как турист?* (Алешковский. Жизнеописание Хорька. 2011); *Классический обыватель – это, как правило, Вечный Турист* (А. Логинов. Растрепанные заметки о мотыльковой сущности туриста // «Лебедь», 2004).

В последнее десятилетие туризм как форма отдыха, интенсивно развиваясь, отчасти теряет семантический компонент «активный отдых с элементами спорта», отмеченный ранее. В текстах зафиксированы словосочетания *VIP-турист, изнеженный, ленивый турист* и т.д., свидетельствующие о «неспортивности» туристов, о важности комфортных условий отдыха, что противоречит сложившемуся в советский период образу выносливого, физически подготовленного и закаленного человека: *Для туристов, привыкших к комфорту заграничных отелей, ночевки в палатках и ужин у костра—это экзотика, которая не всем нравится. Туристические компании предлагают изнеженным клиентам программы, исключющие*

тяготы и лишения походной жизни. VIP-турист любит пейзаж из окна вездехода, а на своих двоих преодолевает всего несколько километров в день, и то налегке (Н. Барановская. VIP-туристов в походе носят на руках // Известия, 07.20.2004); *Вот и господин N как праздный турист купил «ретроспективную» фотографию с Вендулкой и прибыл по адресу* (И. Грошек. Реставрация обеда. 2000).

В текстовых реализациях последнего десятилетия актуализировалось понятие *российский/русский турист*, у которого появился устойчивый оценочный компонент: *Русский турист, путешествующий по Финляндии, должен сразу на границе забыть свои ухарские привычки, создающие хаос и сумятицу на российских дорогах* (И. Муравьева. Поспешай не торопясь // «Туризм и образование», 03.15.2001); *Когда русский турист решает поехать на отдых, его не останавливают ни наводнение, ни теракт, ни война* (О.Горелик. Новогоднее сумасшествие началось // Известия. 11.23.2007) и др.

В настоящее время наблюдается расширение сферы употребления лексемы *турист*, в том числе за счет вытеснения таких понятий, как *курортник*, *отпускник*, *пляжник*, *санаторник*, о чем свидетельствует значительно более высокая частотность употребления лексемы *турист* относительно остальных наименований субъектов отдыха, а также включенность ее в другие ситуации отдыха. Так, по данным «Нового частотного словаря русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, созданного на материалах Национального корпуса русского языка, показатель частотности употребления лексемы *турист* составляет 27,0 на миллион слов корпуса, в то время как лексемы *курортник*, *отпускник* и *отдыхающий* характеризуются гораздо меньшим числом употреблений: 2,0; 0,8 и 5,4 соответственно.

Об актуализации понятия *туризм* свидетельствует также обширный ряд лексем, входящий в список актуальной лексики в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под ред. Г.Н. Складневской (*тур, турагентский,*

турагентство, тургруппа, туринадустрия, туроператор, туроператорский, турофис), расширяющий данные «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова. В данном словаре словообразовательный ряд с доминантой *тур(изм)*, выглядит следующим образом: *турист, туристский, турбаза, турпоход, туристический, автотурист, интурист, мототурист*.

Таким образом, современные представления о туризме и туристе значительно шире, чем это зафиксировано в толковых словарях русского языка. Ассоциативно-вербальные поля *туризм* и *турист* свидетельствуют об изменениях представлений о туризме как виде отдыха, а также о динамике оценки человека, занимающегося туризмом, что во многом отражает изменения в социально-экономической и политической жизни российского общества.

2.4. Основные характеристики типовой ситуации дачного отдыха в русской языковой картине мира

2.4.1. Исторические и культурологические особенности дачного отдыха в России

Феномен дачи и дачного отдыха в настоящее время является предметом пристального исследовательского интереса представителей различных наук. Исследование феномена дачи восходит к работам Ф. В. Булгарина, А.Н. Греча, Н. А. Лейкина, В. С. Межевича, Ф. Ф. Вильгеля, П. Н. Дурилина, написанным еще в XIX – начале XX вв.

В настоящее время дача изучается в самых разных аспектах. Так, истории появления и развития дач в России посвящен ряд отечественных и зарубежных исследований (А. Конечного, Т. Г. Павловой, Д. В. Тараканова, И. Чеховских, П. Деотто, Р. Roosevelt, S. Lovell и др.), социокультурные особенности дачного отдыха описываются в работах А. Конечного, П. Пискарева, Л. Урлаба, Я.М. Белицкого и др.; архитектура дачного строительства находит отражение в

работах К. И. Аксельрод, Г. Забельшанского, Н. Крашенинниковой, С.Б. Поморова, М. В. Нащокиной, О. И. Черных, В. Шилкова; топография дачного отдыха исследуется в различных аспектах (петербургское дачное пространство, включающее известные дачные поселки под Петербургом исследуются в работах П. Деотто, О. Ю. Малиновой, О. И. Черных, Е.Б. Яковлевой, Н.В. Михайлова и др., а дачные поселения вокруг Москвы – в работах А. В. Белова, А. А. Трифонова, Е. А. Борисовой, Т. П. Каждан, Е. Н. Савинова, Г.Ю. Стернина и др.). Обилие исследований, их разноплановость и многоаспектность свидетельствует о значимости дачного феномена для культуры России: «в России создана своеобразная дачная культура. Исследовать ее необходимо!» (Д. С. Лихачев). Интерес к исследованию дачного пространства обусловлен и тем, что многие исследователи считают дачу специфичным феноменом русской культуры (S. Lovell, P. Roosevelt, И. Чеховских, К. И. Аксельрод и пр.), при этом его наименование не имеет точного перевода на другие языки: в названиях большинства исследований слово *дача* не переводится, а лишь транслитерируется, ср.: S. Lovell «Summerfolk. A history of the Dacha, 1710 – 2000»; R. Struyk, K. Angelici «The Russian Dacha Phenomenon».

Самый общий обзор исследований, посвященных дачному феномену, позволяет выделить несколько этапов развития дачной культуры, характеризующихся своими экономическими, политическими, культурными, архитектурными, бытовыми особенностями и отражающих значительную динамику типовой ситуации дачного отдыха в России.

Исследователи отмечают, что поскольку традиция выезжать в свое имение, поместье или усадьбу в аристократических кругах существовала давно, то первые дачи, представляя собой определенную разновидность усадьбы, появились под Петербургом в XVIII веке и были привилегией и признаком человека высокопоставленного и знатного: «Сказать о ком-нибудь: он живет на

даче, значило то же что: он богат, силен и знатен» (Ф. Булгарин. Дачи.1837). Этап зарождения, характеризующийся привилегированностью дачного отдыха, в различных исследовательских трудах освещается достаточно коротко и бегло. Например, в работе S. Lovell «Summerfolk: A history of a dacha (1710-2000)» данный этап описывается как предыстория развития дачи и основное внимание автором уделяется периоду, начиная с 1830-х годов, который, по мнению многих исследователей, является временем возникновения дачи как массового культурного явления.

В различных исследованиях (К.И. Аксельрод, О.Ю. Малинова, Д.В. Тараканов, S. Lovell и др.) говорится о том, что этап расширения дачного пространства связан как с развитием железнодорожного сообщения, так и с процессами индустриализации и урбанизации в целом. Индустриализация, изменив структуру населения и характер его деятельности, вызвала быстрый рост городов и соответственно рост разветвленной системы пригородов вокруг них [Тараканов 2007: 3]. Начиная со второй половины XIX века, когда состоятельные горожане стали перенимать аристократическую привычку на лето покидать город и выезжать на дачу, возникло «явление двойственности жилища», которое в дальнейшем стало «типичным состоянием для городских сообществ» [Поморов 2004: 62]. Дача являлась роскошью, «обязывающей почти каждого жителя столицы иметь два собственных дома или две квартиры» [Конечный 2004: 446], а дачные поселки стали «неотъемлемыми спутниками больших городов» [Поморов 2004: 62].

В работах, посвященных изучению дачи как культурного, исторического, социального феномена, исследователями выделяется период с 1870 г. до начала Первой мировой войны, характеризующийся интенсивным расширением дачного пространства и распространением культуры дачного отдыха среди разных слоев городского общества. На данном этапе дачами стали называть любые сооружения: крестьянские дома и домики, пристройки, флигели,

мансарды, нанимаемые на лето городскими жителями. Начался этап дачного строительства. Под сдачу в аренду строились новые дачи, деревенские избы перестраивались и превращались в дачи, разорившиеся усадьбы выкупались и на их территориях строились дачные поселки, а такие понятия, как *усадьба* и *дача*, стали наделяться общим смыслом [Аксельрод 2002: 15]. Бум дачного строительства, переход от усадебной жизни к дачной, нашел отражение в произведениях А.П. Чехова; наиболее известное высказывание, характеризующее сложившуюся на тот момент обстановку, прозвучало в пьесе «Вишневый сад»: «Я купил имение, прекрасней которого нет на свете. Приходите все посмотреть, как Ермолай Лопахин хватит по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки узнают тут новую жизнь».

Как отмечают культурологи и искусствоведы (К.И. Аксельрод, М.В. Нащокина и др.), архитектура загородного строительства как второй половины XIX века, так и послереволюционных дачных поселков, — неотъемлемая и значимая составляющая культурного пласта истории: это и высокостатусные произведения ведущих зодчих, и средняя, «мещанская» застройка пригородов, ярко отражающая материальные и художественные приоритеты «обыкновенного» человека [Нащокина 2000: 27]. Дачные постройки, обычно располагающиеся на небольшом участке, в отличие от городского жилья, были просторнее, свободны от регламентированности и иногда довольно экстравагантны и эклектичны. Показательным в этом смысле является отрывок из рассказа И.И. Панаева «Опыт о хлыщах», в котором описывается дачная архитектура и представления о дачном строительстве того времени: «Дача, которую нанимали Грибановы ... была построена без особенных затей. На ней не торчали миндальные башенки и не было видно ни одного зубчика: это был просто домик с мезонином, с обыкновенной крышей и с крылечком. Такая простота несколько смущала Лидию Ивановну, которая,

смотря на этот дом, обыкновенно говорила: «Что это за постройка! это совсем не похоже на дачу, ... никакой архитектуры! Зато ей чрезвычайно нравилась дача (...) в которой готизм доведен был до невероятного. К дому приклеены были семь небольших башенок и восьмая большая, с часами, у которых бой был с музыкой. Кроме того, вся она была изукрашена зубчиками и фестончиками, а кругом ее были вырыты рвы и через них устроены подъемные мостики. Сад (...) представлял множество разнообразнейших и затейливейших выдумок: фонтанчики, гроты, пруды с островками, паромы и прочее». Однако в начале XX века в архитектуре, по словам исследователей, начинают преобладать функциональные и в то же время выразительные в своей простоте декоративные детали сооружений в стиле западной средневековой архитектуры.

В тот период существовала определенная топография дачных мест в зависимости от социального статуса и уровня доходов дачника. Так, петербургские пригороды: Павловск, Царское Село, дачи на Каменном и Крестовском островах, а также по Приморской дороге считались аристократическими местами дачного отдыха, а Петербургская сторона, Новая и Старая деревни, наоборот, располагали дешевыми дачами для большинства простых горожан.

Для петербуржцев дача являлась необходимостью и неотъемлемой частью летнего отдыха, поскольку там можно было «подышать чистым воздухом, отвести взор свой и душу зеленым полям и рощ» [Межевич 1842]. Однако дача была не только местом отдыха и проведения лета вне душного города, «она давала ни с чем не сравнимое наслаждение созидания сада, прелесть домашнего дилетантского творчества, прикосновение к жизни пригородного крестьянства, ее укладу, традиционным ценностям» [Аксельрод 2002: 16]. Дача явилась средой «для новой культуры досуга и развлечения в пригороде» [Утехин 2004: 344]: прогулки (большой частью на железнодорожных станциях), общественные и семейные гуляния, катания на лодках и велосипедах, всевозможные игры,

походы за грибами и ягодами, театральные кружки, импровизированные концерты, кинематограф (в начале XX-ого века) и многое другое. Явление дачной жизни данного периода нашло отражение во многих произведениях А.П. Чехова, М. Горького, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака. Известны многочисленные произведения А.П. Чехова, описывающие явления дачной повседневности, «Вишневый сад», «Дачница», «На даче», «Расстройство компенсации», «Лишние люди», «Кулачье гнездо», «Трагик по неволе»; пьеса М. Горького «Дачники» и многие другие.

По мнению культурологов, революция 1917 года внесла значительные изменения в жизнь общества и фактически уничтожила устоявшуюся беспечную дачную жизнь с присущей ей атрибутикой [Аксельрод 2002: 17], однако «дача как социальный феномен сохранилась» [Утехин 2004: 344], став привилегией советской элиты. В некоторых исследованиях, посвященных архитектурным, градостроительным, социокультурным аспектам развития советской дачи, появляется термин «новая дача», употребляющийся по отношению к ведомственным и правительственным дачам, а также к дачным поселкам политической элиты, творческой, научно-технической интеллигенции, построенных в традициях дореволюционной дачи, адаптированных к новым общественно-политическим условиям [Аксельрод 2002: 18]. В советское время дачи стали популярным местом отдыха и работы в кругу творческой интеллигенции: артистов, писателей, музыкантов, ученых. Под Петербургом в поселках Комарово и Репино находились дачи И. Репина, Л. Андреева, К. Чуковского, сюда приезжали В. Маяковский, В. Мейерхольд, Ф. Шаляпин, А. Рубинштейн и многие другие представители творческой интеллигенции. В Подмосковье возник известный писательский поселок Переделкино, в котором отдыхали и работали известные «дачники»: Б. Пастернак, И. Бабель, К. Паустовский, Р. Рождественский, Е. Евтушенко. По мнению исследователей,

дачи советской интеллигенции были «своего рода оазисами культурной жизни общества» [Гаврилова 2007: 13].

В советское время на дачное строительство было наложено множество ограничений как на размер участка, так и на тип, месторасположение и размер дома, его отопление и долговечность. Дачная архитектура становится типовой и непритязательной. Стандартизированность, по мнению Г. Забельшанского, заставила хозяев и строителей дач отказаться «от ландшафтного взгляда на дачную архитектуру. Большинство дачных домов существуют не в ландшафте, а вопреки ему», а глухой забор стал «универсальным статусным признаком дачной постройки» [Забельшанский 1998: 40].

С 1950-х годов начинается бум советского садово-дачного строительства, возникают дачные кооперативы, земли, распределяемые организациями среди своих работников, а в дальнейшем садоводческие товарищества, позволившие горожанам выжить в послевоенное время, а также во времена продовольственных кризисов. Автор статьи «Российская дача – субурбанизация или рурализация?» И. Чеховских отмечает, что садоводческий участок размером 0,6 га, или просто шесть соток нес на себе две важные функции для советского общества – рекреационную и экономическую, причем в сознании ленинградцев «был довольно скоро приравнен к традиционной даче – по-прежнему престижному месту отдыха» [Чеховских 2001: 77]. В связи с этим *дача* стало универсальным словом, именуящим различные типы загородной недвижимости или земли (собственно дача, госдача, дом в деревне, садовый участок, подсобное хозяйство), при этом исследователи отмечают, что «с появлением садоводств начинается разрушение представлений о даче как о предмете роскоши» [там же], а сама дача становится «стратегией выживания» [Утехин 2004: 346].

В постсоветский период происходят дальнейшие изменения в дачной культуре, начинаются новые процессы в дачном строительстве, возникает

«стремление к экологичности и «единению» с природой, что связано с активной индустриализацией городской среды, со стремлением населения на время вырваться из нее» [Гаврилова 2007: 3]. По мнению культурологов, происходящие изменения в дачной культуре и дачном строительстве еще не набрали полную силу, однако уже сейчас можно говорить о том, что «дача начинает уступать место загородному дому» [Забельшанский 1998: 40].

Таким образом, в истории дачи как социокультурного феномена условно можно выделить несколько этапов, имеющих топонимические, архитектурные, культурологические различия, в основе которых лежат идеологические и экономические предпосылки: «Становление феномена дачи (дворянский период)» (начало XVIII века – 1830-х годов); «Массовое распространение дачного феномена (различные социальные слои общества)» (середина XIX века – Первая мировая война); «Новая дача» советского периода» (1920-е годы – 1990 годы); четвертый этап «Постсоветская дача» (конец XX-ого века – по настоящее время).

2.4.2. Ситуация дачного отдыха в толковых словарях и ассоциативно-вербальной сети

Лексема *дача* в толковых словарях русского языка имеет одно значение и толкуется следующим образом: *загородный летний дом* [словарь С.И. Ожегова], *загородный дом для летнего проживания и отдыха городских жителей* [словарь под ред. Д.Н. Ушакова], *загородный дом для летнего отдыха городских жителей* [МАС], *сооружение, представляющее собой дом, расположенный за городом и предназначенный обычно для летнего отдыха городских жителей* [словарь под ред. Л.Г. Бабенко]. Исключение составляет словарь В.И. Даля, ср.: *Небольшая поземельная собственность, некогда даровая, от царя, или данная по дележу, по отводу; угодья и земли округленные,*

обмежеванные, собь владельца или общества || загородный дом, заимка, хутор, мыза, отдельная усадьба, жилье вне города. Во всех представленных толкованиях лексема *дача* содержит денотативный компонент *загородный летний дом*, однако в словаре В.И. Даля содержится указание на то, что первоначально *дачей* назывался *участок земли, переданный в собственность*. Показательно, что в словаре под ред. Д.Н. Ушакова, в словаре под ред. Л.Г. Бабенко и в МАС отмечен денотативный компонент *отдых городских жителей*. Перечисленные толкования позволяют выделить в содержании лексемы *дача* три актуальных содержательных компонента: *загородный дом*; *отдых городских жителей*; *летнее время*.

Показательно, что в «Современном словаре русского языка. Синонимы» под ред. Л.Г. Бабенко лексема *дача* является доминантой синонимического ряда, включающего лексемы: *огород, сад, участок, фазенда* (разг.) и определяется как *загородный дом для летнего отдыха, обычно с землей, предназначенной для выращивания садовых и огородных культур*. В содержании рассматриваемой лексемы выделяется ранее нигде не отмеченный семантический компонент *огородничество/выращивание фруктов и овощей*.

Сопоставление различных толкований лексемы *дачник* (приведенных в параграфе 2.1.1.) позволил выделить в содержании данной лексемы также три денотативных компонента: *человек, приехавший из города на время (приезжий)*; *человек, находящийся на отдыхе*; *человек, отдыхающий на даче в летнее время*.

Однако для расширения содержания лексем *дача* и *дачник* необходимо выйти за пределы лексикографической фиксации в сознание носителей языка. Моделирование ассоциативно-вербальных полей позволяет проследить «активный режим работы языкового сознания носителя» [Караулов, Филиппович 2008: 70]. В связи с этим была проанализирована ассоциативная составляющая лексем *дача* и *дачник* по данным РАС и свободного

ассоциативного эксперимента. В РАС в качестве стимулов представлены лексемы *дачник*, *дача* и *дачный*, которым соответствуют следующие ассоциативно-вербальные поля: *дачник* (105 реакций), *дача* (117 реакций), *дачный* (105 реакций).

Прямой словарь. От стимула к реакции:

Дача: лето 7; отдых 6; дом, моя, президента 4; большая, в лесу, за городом, лес 3; вилла, далеко, квартира, кляча, машина, огород 2; благоустроенная, в горах, вечеринка, взятка, вот удача, в поселке, генерала, государственная, деревянная, для ..., домик, душевное спокойствие, жилище, загородная, за сдачу, земельный участок, земля, знакомого, и машина, кирпичная, класс, клубника, красивая, лесная, летнее, лопата, маленькая, малина, много, морковка, на воде, на колесах, на море, на Севере, наша, огурец, Переделкино, правительственная, правительство, природа, пустая, работа, рыбалка, Рыжков, сад, сгорела, сдача, село, снимать, современная, сосновые стружки, строится, строить, тепло, удача, удобная, хаза, хата, хоромы, хорошо, цветы, чача, Чехов, чужая, week-end 1.

Дачник: огород 7; огородник 5; с лопатой 4; лето, неудачник, отдыхающий 3; в огороде, дача, идет, колхозник, лопата, любитель, отдыхать, панама, работяга, сад, сосед, участок 2; автобус, бездельник, ведро, вернулся, в такси, горожанин, грабли, дом, доска, Егор, забыл, загорелый, заядлый, картошка, лентяй, летом, лысый, мерзавец, на грядке, наемник, на скамейке, на участке, новый, пахарь, пенсионер, праздный, приезжий, приехал, работа, работает, работник, рваная одежда, рюкзак, садовод, садовод-любитель, с коробом, с сачком, старый, таракан, толстый, труд, трудится, трудяга, труженик, угрюмый, удачливый, удачник, усталость, человек; человек, который работает на даче; человек на даче; шашлык, шляпа, шорты, электричка, электрички 1.

Дачный: участок 46; поселок 18; домик 8; дом 6; сезон 4; роман 3; автобус, период 2; арбуз, городской, дед, домик в зарослях, загородный, картошка, конь, летний, летний домик, лопух, огород, поезд, рюкзак 1.

Обратный словарь. От реакции к стимулу.

Дачник: неудачник 3, загорелый 1.

Дача: участок 8; владелец, домик 5; шланг 4; грядка, отдыхать, сарай 3; государственная, дачник, имущество, навоз, огород, ограда, поехать, поселок, приезжать, природа, удача, укроп, цветок, электричка 2; бугор, варенье, велосипед, внезапно, вырастать, датский, двор, деревня, двор, ездить, забор, калитка, картошка, качалка, километр, кирпич, лестница, лук, малина, машина, местный, министр, мопед, морковь, моя, мышь, начну, обычный, овощ, о деревнях, осторожно, передачу, переулок, переходить, печка, плетень, посадить, пригородный, приехать, приходить, провести, пруд, район, родственница, рюкзак, рябина, сад, семена, смородина, снимали, собраться, столовая, строить, строиться, суббота, сумерки, сумка, труд, тяпка, уезжать, чернозем, что делать 1.

Дачный: участок 7; домик 3; огород, поселок, пригородный, пруд, чердак 1.

Опираясь на эти данные, представляется возможным выделить следующие содержательные характеристики лексем *дачник* и *дача*:

- связаны с процессом переезда и различными видами транспорта: *приезжий, приехал, приехать, ездить, уезжать, горожанин за городом, электричка, электрички, автобус, на машине*;

- «негородские» условия, связь с природой, нередко со сменой привычного региона: *загородная, пригородный, деревня, в лесу, далеко, в горах, в поселке, на воде, на море, на Севере*;

- определенное время года (лето): *лето, летнее, летний, летний домик, тепло, загорелый*;

- безделье, праздность: *праздный, бездельник, лентяй*;
- особые «дачные» занятия: *шашлык, рыбалка, вечеринка*;
- работа на дачном участке (как правило, это труд огородника и дачного строителя): *огородник, огород, в огороде, колхозник, работага, работник, садовод, садовод-любитель, трудяга, труженик, труд, трудится, пахарь; человек, который работает на даче; посадить, вырастить, строить, строиться; с лопатой, лопата, грабли, тяпка, ведро, грядка, навоз, кирпич, доска, с коробом, с сачком, лестница; картошка, малина, морковка, клубника, лук, огурец, укроп, цветы, семена, смородина*;
- особенности внешнего вида дачника: *загорелый, рваная одежда, шляпа, панاما, шорты, рюкзак*;
- оценочное отношение к субъекту дачного отдыха: *мерзавец, угрюмый, лентяй, заядлый, толстый*;
- отдых политической элиты: *президента, генерала, государственная, правительственная, правительство, Рыжков, министр*;
- отдых деятелей культуры: *Чехов, Переделкино*.

Содержание ассоциативных реакций на перечисленные стимулы подтвердило семантически выраженные характеристики субъекта дачного отдыха, зафиксированные в толковых словарях, однако данные РАС значительно расширяют представления о дачном отдыхе и его субъекте, что в конечном счете позволяет говорить о том, что в русской языковой картине мира сосуществуют два различных концепта, соответствующих противоположным «типам» дачника, а именно – *праздному дачнику* и *дачнику-труженику* (садоводу, огороднику, строителю). Опираясь на данные РАС, можно отметить, что именно дачник-труженик в последней четверти XX в. (время проведения ассоциативного эксперимента создателями словаря) являлся наиболее актуальным концептом для сознания носителей языка, о чем свидетельствует подавляющее число реакций (50), так или иначе характеризующих именно

дачника-труженика, в то время как число реакций, характеризующих праздного дачника, значительно меньше (12). Различным типам субъектов дачного отдыха в ассоциативных полях соответствуют различия во внешнем виде, типичных атрибутах отдыха, характерных видах деятельности. Однако, несмотря на актуализацию концепта дачника-труженика, т.е. его ассоциирование с трудом на садовом участке, в сознании носителей языка конца XX века дача продолжает ассоциироваться с некоторой роскошью и принадлежностью к элите (*дача президента, правительственная дача, Переделкино* и др.).

С целью выявления динамики в представлениях носителей языка о типовой ситуации дачного отдыха был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 150 человек (студенты Санкт-Петербургских университетов), давшие свободные ассоциации на слова-стимулы *дача* и *дачник* (всего – 500 реакций). Наиболее частотные реакции представлены ниже в порядке убывания:

Дача: дом, коттедж, шашлыки, огород, отдых, лето, грядки, выходные, баня, бабушка 33, лес, озеро, речка, сауна, зимой 21, печка, работа, солнце, участок, дрова, природа, качели, на качелях, гамак 13, купаться, костер, на Новый год, комары, за городом 11, снимать, картошка, теплицы, трава, цветы, рассада, расслабиться, клубника, весна, детство, мангал, у камина, алкоголь, отпуск, жара, в пятницу 9, скучно полоть, овощи и фрукты, сад яблони, помидоры, бабушкины грядки, собирать грибы 6, сажаем – копаем, велосипед, весёлая компания, курортный пригород, Комарово, Зеленогорск, лыжи, песчаная дорога через лес, тропинка, чай на улице, колодец 3, лодка, дача Сталина, правительственная дача, академик, поехать на дачу с родителями, после бани – в снег, тишина, скукота, никаких грядок! 1.

Дачник: рюкзак, электричка, лето, отдых 18, кверху попой, бабушка, с лопатой 11, в панаме, шляпа, в кепке, полет грядки 8, тележка, дорога, грибы 7, ждет автобус, в майке, в шортах, белая панамы и белые парусиновые брюки,

галоши, человек в трениках 6, предки, загар, купаться, балдеть, отпуск 5, растянутых одеждах, труженик (иногда), землекоп 4, садовод, лесник-грибник, лес, сосед 3, родители на даче, утром на пляж, мороженое, городские, 6 соток, костер, бадминтон, удочка, отдыхает 2, неудачник, худой, злой, опытный, веранда, в бассейне, природа, собачка, дети, вся семья в сборе, грязные руки 1.

Результаты свободного эксперимента позволяют дополнить выделенные направления ассоциирования в РАС за счет новых представлений о даче и дачнике, возникших в сознании носителей начала XXI века: зимний отдых (зимой, на Новый год, лыжи, снег, у камина, после бани – в снег); отдых в комфортных условиях (коттедж, расслабиться, балдеть, у камина, баня, сауна, в бассейне); негативное отношение к огородничеству (надоели грядки, скучно полоть, сажаем-копаем, кверху попой, никаких грядок!, скукота); связь со старшим поколением (бабушкины грядки, бабушка, предки, поехать на дачу с родителями), а также с детством, проведенным летом на даче (детство, дети, качели, на качелях). Несмотря на то, что дача для современных респондентов большей частью ассоциируется с отдыхом и дачными развлечениями в компании (шашлыки, баня, озеро, купаться, расслабиться, алкоголь, веселая компания, чай на улице, собирать грибы, загар, балдеть, утром на пляж, бадминтон, костер и пр.), образ дачника, сформировавшийся в конце XX века, остался практически неизменным (это человек - землекоп, труженик, садовод, лесник-грибник, в панаме, в рваных одеждах, галошах, шортах, в майке, в трениках, с лопатой, с грязными руками), работающий на своем участке и выращивающий сельскохозяйственные культуры. Таким образом, в сознании студентов начала XX в. образ дачника-садовода часто получает негативную оценку и связан со старшим поколением, а дача воспринимается ими как место комфортного отдыха, т.е. положительную оценку получает отдых в загородном доме, коттедже.

Таким образом, на основании анализа толкований и ассоциативного потенциала лексемы *дачник* и *дача* можно говорить о сосуществовании в сознании носителей русского языка представлений о различных типовых ситуациях дачного отдыха и соответственно двух различных концептов, особенности которых обусловлены частыми политическими, социальными, экономическими «словами» российской истории.

2.4.3. Контекстный потенциал типовой ситуации дачного отдыха (по данным «Национального корпуса русского языка»)

Ассоциативный потенциал лексики, зафиксированный в РАС, отражая стереотипные представления носителей языка в конкретный временной период (последняя четверть XX в.), не позволяет проследить динамику представлений о дачном отдыхе в более широкой ретроспективе. По мнению исследователей, именно «контекстный потенциал» лексики дает возможность говорить о ее включенности в «культурное пространство эпохи», поскольку художественный текст обладает «культурной памятью» [Лотман 1997: 204]; несет на себе «печать культуры определенного этапа в истории общества» [Болотнова 2010: 65], «является подлинными хранителями культуры» [Маслова 2001: 35]. С целью проследить диахронические изменения в содержании основных номинантов типовой ситуации дачного отдыха были взяты первые 500 употреблений лексемы *дачник* в художественных и публицистических контекстах из НКРЯ различных временных периодов (середина XIX – начало XXI вв.). Анализ этих материалов позволяет отметить как устойчивые представления о дачном отдыхе, так и основные направления в их динамике. Прежде всего, в контекстах употребления лексемы *дачник* всех рассмотренных периодов реализуется один из его базовых содержательных компонентов: *приезжий; городской житель, приехавший на время (ср.: столичные дачники), о*

чем свидетельствует частотность употребления лексемы *дачник* в словосочетаниях с глаголами движения (*дачник приезжает, уезжает, перебирается, переезжает; дачники наезжали, понаехали, разъезжаются, отъезжали, продолжали ездить, уедут на дачу, бегут с дач*), ср., *Райское место! Летом наезжали дачники из Чернигова, Киева, даже из Москвы и Петербурга.* (А. Рыбаков. Тяжелый песок. 1975-1977); ... *всё, что только ни было в Петербурге, или переехало, или переезжало на дачу...* (Ф.М. Достоевский *Белые ночи* (1848); *Дачемания ... гонит всех из города; люди, по словам одного поэта: и скачут, и ползут, и едут, и плывут* (Е. Гребенка. *Петербургская сторона // Физиология Петербурга*. 19.09.1844); *Летом вселенная ездит на отдых — в автомобилях, на пароходах. Люди сравнительно меньшей удачи — те на возах выезжают на дачи* (В. В. Маяковский. *Мы отдыхаем*. 1928).

Показательно, что люди, отдыхающие на даче, именуются не только дачниками, но и гостями, приезжими, жильцами, временно живущими на даче, сравниваются с перелетными птицами и противопоставляются местным жителям. Мотив «временности» дачника звучит во многих текстах: *Да это наш жилец приезжий, / Наш летний дачник-отпускник. / На весь его недолгий роздых/ Мы целый дом ему сдаем.* (Б. Л. Пастернак. *Июль: По дому бродит привиденье...* 1956); *Местный — он там живет, и это его место. Дачник приезжает-уезжает* (Ю. Зубцов. *Людмила Улицкая: про генетиков и бомжей // «Домовой», 2002.03.04*);... *(мы) не собирались пускать корней и жили как настоящие дачники. Это была временная стоянка — она нам понадобилась, чтобы передохнуть...* (Надежда Мандельштам. *Воспоминания*. 1960-1970).

Признак «временности» положен в основу известной социальной метафоры, созданной М. Горьким: *Мы — дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди. Мы суедемся, ищем в жизни удобных мест — мы ничего не делаем и отвратительно много говорим.* Известны слова А.В. Луначарского, посвятившего статью пьесе М. Горького, где он называет ее героев «дачниками,

временными жителями», «сословием российских дачников», поясняя свою мысль следующим образом: *Эти новые слуги в старом доме производят впечатление явления временного, мимолетного, до бессмысленности лишенного всякой связи со своею страной и ее истинными интересами.* Мотив «временности» в словах А.В. Луначарского тесно связан с мотивом отстраненности от реальной жизни, ее социальных проблем, хода исторических событий. Именно этот мотив стал подтекстом известного литературного «прозвища» Б.Пастернака - «гениальный дачник», данного ему советской критикой: *Пастернак прячется в стихах, уподобляясь бесчисленным образам природы. Вот это отсутствие человека в стихах Пастернака сразу заметили все. Кто в порядке нейтральной констатации, а кто и с неодобрением, как знак чуждости поэта нашему социалистическому строительству. В советской критике был найден довольно эффектный его образ: гениальный дачник. Но это как бы и индальгенция была: что взять с дачника? В двадцатые годы, во всяком случае, это было охранной грамотой (Б.М.Парамонов); Пастернак был дозволен свыше, хоть порой и критикуем за «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе». Его ласково называли «гениальный дачник». Что ж, все-таки — гениальный! (Д. Самойлов. Общий дневник. 1977-1989).*

Другая содержательная характеристика лексемы *дачник*, зафиксированная толковыми словарями (*человек, находящийся на отдыхе*), также устойчиво реализуется в контекстах: праздный дачник, расслабленный дачник, отдыхающий дачник, болтливые дачники, гуляющие дачники, дачник нежится, название советской публикации «Не дачники – на земле работники» и т.д. Этот компонент реализуется и в устойчивом сравнении, зафиксированном в «Словаре сравнений русского языка» В.М. Мокиенко: (*жить, жизнь*) *как на даче.* (Ирон. или Шутл. О легкой, беззаботной, вольготной и праздной жизни где-либо).

Художественные тексты дают представление о внешнем виде «праздного» дачника, ср: *Солнечными вечерами дачники в соломенных шляпах вежливо гуляли по шоссе* (Ю. Коваль. Картофельная собака. 1972); ... *дачники и дачницы понаехали. Чесучовые пиджаки, соломенные шляпки.* (Вселенная деревни Растяпино // «Профессионал». 07.01.1998); ... *изображен белоштантый дачник с тростью и моноклем...* (М. И. Цветаева. История одного посвящения. 1931).

Тексты различных периодов содержат многочисленные поэтичные описания культуры дачного досуга (гулянья, прогулки, купанье, общение, беседы, чаепития, домашние концерты и т.д.), в которых часто отмечается праздный характер такой жизни: ср., ...*дачник ... теперь он только чай пьет на балконе...* (А. П. Чехов. Вишневый сад. 1904); *Живут мирные дачники — живут тихо. Спускаются по балкам к морю — купаться. Любуются на горы ...* (И. С. Шмелев. Солнце мертвых. 1923); ... *здесь жили дачники, шла тихая жизнь, ходили собирать грибы и ягоды, устраивали любительские спектакли, по вечерам играли в «тетку», читали газеты...* (П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени. 1922); *Подходили после обеденного отдыха дачники, ... говорили о пользе йодистого лечения, о морском купанье и женищинах* (А.Н. Толстой. Хожение по мукам/ Книга первая. Сестры. 1922).

Праздность дачной жизни иногда превращает ее в художественный символ безмятежно-мещанского бездействия, пошлости, пустоты и скуки существования: ... *непременно там надо обмануть читателя, чтобы он «отдохнул» от действительности, как дачник. Наша горячая литература идет против этой пошлости, она хочет создать действительность* (М.М. Пришвин. Дневники. 1928); *Дачи и дачники - это так пошло, простите* (А.П. Чехов. Вишневый сад. 1904).

Образ *праздного дачника* нередко имеет строго негативную окраску и выражает отрицательное отношение к человеку, не занятому трудовой

деятельностью: *А наплевать, вот тебе и дачники! Выйдет какая-нибудь немецкая кикимора, оденет на себя банты да фанты и сидит идолом... тьфу!* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко. 1894); *...рыбу ловить, на берегу прохлаждаться, тоже мне — дачник фиговый!* (С. Соколов. Школа для дураков. 1976). В текстах нередко появляется противопоставление праздного дачника рабочему человеку: *На мягкий матрас и удобную кровать Никич ни за что не соглашается. - Я не дачник, а рабочий человек: нежиться не люблю* (В. Осеева. Динка. 1959).

Контексты употребления, относящиеся к советскому периоду «новой дачи», высвечивают различные компоненты и другой типовой ситуации дачного отдыха, свидетельствующие о существовании в сознании носителей русского языка не только образа «праздного дачника», но и другого, антонимического образа дачника, занятого нелегким трудом на садовом участке (дачник-огородник, дачник-садовод, дачник-строитель): (...) *она работала много и всегда приговаривала, что участки даны людям не для отдыха, а для труда, и они тут не дачники, но садоводы* (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир». 2000). Таким образом, контексты употребления свидетельствуют о том, что в содержании лексемы *дачник* (начиная с последней трети XX века) актуализировался денотативный компонент *человек, работающий на своем земельном участке*, а именно дачник-садовод, огородник, строитель. В текстах конца XX-го века лексема *дачник* часто употребляется в следующих контекстах: *дачники пололи грядки, приросли к земле, посадили огурцы, помидоры; дачники, похваляющиеся своим урожаем и т.д. Ср., Поодадь, как бы наглядно демонстрируя, во что превратится праздный, расслабленный дачник через каких-то сорок лет, — ... ковырялся в земле русский барин Соломин: он одним из первых смекнул, что в голодные времена огородничество выручит горожан.* (Д. Быков. Орфография. 2002); *Дачники приросли к земле. Писатели не составляли исключения. В Переделкино лопаты и грабли заменили авторучки.*

(Г. Фукс. Двое в барабане // «Звезда». 2003); *В этом году мы, как самые настоящие дачники, решили посадить огурцы, помидоры, капусту, морковку, лук.* (Э. Савкина. Я был последним комсомольским секретарем в КуАИ. 2002); *... дачники листают журналы о садоводстве и загородном строительстве.* (Т. Колодий, Игорь Сирин. Волей случая: Как стать страховым брокером. 2004). Показательно, что именно этот образ дачника большей частью нашел отражение в материалах РАС, где подавляющее большинство ассоциативных реакций было связано с *дачником-тружеником* (50).

В текстах любой временной отнесенности частотен мотив, передающий страстную любовь к даче, природе, земле вырвавшегося из города человека: *Я был типичный дачник, городской мальчик, жадно впитывающий деревенские впечатления и любивший деревню, как может любить ее горожанин, то есть любовью одержимой, возвышенной и поэтической* (Д. Самойлов. Общий дневник. 1977-1989). Однако эти контексты содержат и замечания о том, что это любовь особого рода - любовь городского жителя (дачника), далекого от природы, земли, сельской жизни: *Хотя он и прославлял в «Георгиках» сельский труд, но человеком «от земли» он не был и деревню любил не как крестьянин, а как дачник* (М. Л. Гаспаров. Вергилий - поэт будущего. 1979); *... я думаю: они так же далеки от жизни самого человека, как дачник от жизни деревьев в общем прекрасного леса* (М. М. Пришвин. Дневники. 1927).

Ассоциативное текстовое поле *дачник* содержит различные, нередко противоположные штрихи, создающие внешний вид дачника: *В майке, с полотенцем через плечо, словно дачник, в бабусах на босу ногу новосел пробирался по влажной тропинке среди путаницы побегов* (Б. Хазанов. Далекое зрелище лесов. 1998); *Бунин имел вид дачника, но не банального дачника-провинциала в соломенной шляпе, рубашке «апах» и парусиновых туфлях, Бунин был дачник столичный, изысканно-интеллигентный, в дорогих летних сандалиях, заграничных носках, в просторной, хорошо выглаженной холщовой*

рубаше с отложным воротником [...] подпоясанный не пошлым шелковым шнуром с потрепанными кистями, а простым, но тоже , видать, очень недешевым кожаным поясом, за который он иногда, несколько по-толстовски, засовывал руки; шляпу не носил, а уж если особенно сильно припекало, то вдруг надевал превосходнейшую настоящую панаму, привезенную из дальних стран (В. П. Катаев. Трава забвенья. 1964-1967).

Текстовые поля дают представление об изменении архитектурного облика дачи, например: конец XIX - начало XX в. (дачная архитектура, мансардный этаж, с большой верандой, с башенками, стиль «модерн», чаепития на террасе и др.); период развития садово-дачных кооперативов (будка, садовый домик, вагончик, времянка). Показательно, что в текстах начала XXI в. часто возникает образ загородного дома, коттеджа (бассейн, хозяйственный этаж, подземный гараж, зимний сад и др.), что, по мнению культурологов, знаменует актуализацию явления загородной жизни, постепенно вытесняющего дачу как место преимущественно летнего отдыха.

Таким образом, на основании анализа толкований, ассоциативного потенциала и контекстного употребления лексемы *дачник* можно говорить о динамике данного понятия, о существенных изменениях в его содержании, произошедших во второй половине XX в., и, в конечном счете, о сосуществовании в русской языковой картине мира двух концептов, соответствующих противоположным «типам» дачника, а именно – *праздному дачнику* и *дачнику-труженику* (садоводу, огороднику, строителю), актуальных для сознания носителей русского языка. Представляется, что определенная оппозиция данных концептов свидетельствует не только о существовании некоторого ядра культуры, которое состоит из общих для носителей языка фрагментов картины мира, позволяющих членам одного лингвокультурного сообщества однозначно воспринимать и оценивать некоторые ключевые ситуации и однозначно понимать друг друга [Васильева 2012: 22-25], но и о

существовании некоторых ярких субкультурных различий, находящих отражение в динамике языковой картины мира.

2.5. Наименования субъектов отдыха, не закрепленные за частной ситуацией отпуска

Лексемы *отдыхающий* и *отпускник*, имея родовое значение по отношению к другим наименованиям субъектов отдыха (дачник, курортник, турист), не содержат в своем толковании точного указания на конкретные места и формы организации отдыха и номинируют ситуации достаточно обобщенно (см. параграф 2.1.1.).

Однако исследование контекстного окружения лексем *отдыхающий* и *отпускник* позволило выявить некоторые дополнительные компоненты их содержания и таким образом уточнить их лексикографически зафиксированную семантику, поскольку наблюдение за употреблением слова в определенном контексте позволяет «выявить значения и семантические компоненты, актуализированные в том или ином контексте, [...] выявить оценочные, эмоциональные и дифференциальные семы значения» [Стернин 2013: 9-10].

В соответствии с этой целью был рассмотрен контекстный потенциал лексем *отдыхающий* и *отпускник* по материалам текстов XX-XXI вв., размещенных в НКРЯ. Всего было проанализировано 350 контекстных употреблений лексемы *отдыхающий* и 100 контекстов, содержащих лексему *отпускник*. Следует отметить, что лексема *отдыхающий* в качестве субстантивированного причастия, обозначающего человека, находящегося на отдыхе, в отпуске, (также как и лексема *отпускник*) была зафиксирована в текстах с середины XX века (время развития массового отдыха трудящихся).

В контекстных реализациях лексем *отдыхающий* и *отпускник* возникает обобщенная ситуация отдыха, связанная с проведением отпуска большей

частью в южных регионах и странах, на море, ср.: *У отдыхающих на юге обычно два заветных желания: «Чтобы хорошо кормили и море было в двух шагах!»*. Свой первый день в Сочи решил провести как типичный отдыхающий... *Поспешил на море*. (Е. Черных, Кремлевская диета: Чебуреки в Сочи едят с утра до ночи // Комсомольская правда, 08.29.2007); *Знаете, уж такова психология отдыхающего—приехал на отдых и расслабился, сумки бросил и на пляж*. (К. Чебышева. В Сочи на три ночи // Труд-7, 04.06.2001); ... *отпускники упорно предпочитают позагорать на пляже, вдоволь покупаться в море, пройтись по пальмовым аллеям. И число «югопоклонников» растет с каждым годом*. (С. Зельманов, В. Холоша. Из зимы в лето // «Техника - молодежи», 1977).

Контексты употребления лексем *отдыхающий* и *отпускник* XX - начала XXI веков рисуют образ человека расслабленного, беспечного и веселого, пребывающего в неге и довольстве, а ситуация отдыха характеризуется покоем и безмятежностью, ср.: *в этот час отдыхающие еще дремлют на раскаленных камнях или вяло перекидываются в картишки (...) Хмельное веселье грядет попозже*. (Ю. Медведев. Чертова дюжина «оскаров» // «Техника - молодежи», 1977); ... *это веселые беспечные отдыхающие, купающиеся в море и лежащие на пляжах Новороссийска...* (Теленеделя с И. Петровской // «Известия», 08.16.2002); *вокруг разноцветные шезлонги, в которых наслаждаются солнцем праздные отдыхающие. Легкие облачка на небе... покой и полная безмятежность* (А. Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой. 2002); *Я здесь в отпуску. Однако наивные мечты пожить спокойной и беспечной жизнью отпускника разбились о железную волю нашего непреклонного капитана*. (Т. Ванасийчук. По Северному Каспию // «Спортсмен-подводник», 1964); *Бездельный отпускник Роцапкин тоже отправился поглазеть*. (О. М. Куваев. Эй, Бако! 1975).

Беззаботность, томление от безделья и лень вызывает у отдыхающих скуку и заставляет искать развлечений, «убивать время», ср.: *Однажды наш оркестр пригласили в подмосковный санаторий. В санаториях вообще выступать трудно: отдыхающие хоть и жаждут развлечений, но размагничены, ко всему относятся с ленцой.* (Леонид Утесов. Спасибо, сердце! 1982); *Вставая из-за стола, отдыхающие стали обсуждать программу вечерних развлечений.* (Э. Герштейн. Вблизи поэта. 1985-1999); *В поисках развлечений отдыхающие «Нюры» решили отпраздновать оригинальный «юбилей» — десятилетнее «пребывание» Козловского в Мисхоре.* (Б. Филиппов. Актеры без грима // «Юность», 1965). Типовая ситуация «ленивого/скучного» отдыха, тем не менее обладающая определенным шармом, стала одним из мотивов советского кинематографа (например, художественный фильм «Из жизни отдыхающих» 1980 г.), герои которого от скуки вынуждены придумывать себе развлечения, а неотъемлемым атрибутом такого времяпрепровождения становится курортный флирт.

Однако обобщенная ситуация южного отдыха, безусловно, предполагает разнообразные виды деятельности: *Отдыхающие разбежались кто куда: одни направились на пляж, другие — в лес, за брусничкой и опятами, третьи, схватив удочки и спиннинги, попрыгали в лодки и отгребали в зарыбленные уголки, а любители спокойного, так называемого неактивного отдохновения, расположились на открытой террасе. Здесь нежились в шезлонгах, играли в пинг-понг и в шахматы огромной величины, пили прохладительные напитки, а некоторые даже читали книги.* (Э. Рязанов, Эмиль Брагинский. Тихие омуты. 1998).

Контекстные реализации рассматриваемых лексем наряду с ситуацией отдыха на море также фиксируют и другие формы и виды проведения отпуска: это всевозможные круизы, активный, зимний, горнолыжный, экологический отдых, оздоровление и лечение на курортах, ср.: *Все эти сонмы отдыхающих,*

устремляющихся на время отпуска кто к теплым морям, а кто — в заснеженные горы. (Г. Садулаев. Бич Божий // «Знамя», 2008); К услугам отдыхающих — конные экипажи, а также лес, полный грибов и ягод. Зимой досуг будет еще разнообразнее: открытый каток, гонки на снегоходах, лыжные прогулки по «берендееву» лесу... (А. Смирнова. Путешествие на родину Деда Мороза. Проект парка развлечений под Великим Устюгом // «Ландшафтный дизайн», 01.15. 2002); В советских заведениях подобного типа «отдыхающих» принимали за больных, взвешивали, анализировали, рентгено스코пировали и лечили. Как минимум давали рыбий жир. (Э. Лимонов. Молодой негодяй. 1985); Столь популярные сейчас Турция, Египет и другие жаркие страны, предлагающие отпускникам рай на земле, не заменят желающим поправить здоровье и набраться сил отечественные Кавказские Минеральные Воды. (Е. Ромашова. Кавказская Жемчужина // Труд-7, 05.05.2005).

Кроме того, контекстные реализации начала ХХI века фиксируют новый образ отдыхающего, превращающего свой отпуск в эффективно используемое для работы время, ср.: *образ свободы состоятельного человека выглядел так: отдыхающий на престижном курорте с ноутбуком и мобильным телефоном... образ закабаленности человека технологиями, его механизации, включенности в систему производства (О. Аронсон. Телевизионный образ, или Подражание Адаму // «Неприкосновенный запас», 11.11.2003).*

Таким образом, обобщенная ситуация «отдых – отпуск», вербализируемая лексемами *отдыхающий* и *отпускник*, предполагает разнообразные виды отдыха, проведения досуга и развлечений, широкий выбор мест и форм организации отдыха (пансионаты, санатории, дома отдыха, турбазы, кемпинги, гостиницы, отели, спа, дома в частном секторе, палатки, дачи). В связи с этим можно говорить о проницаемости и пересечении частных ситуаций отпуска, о некоторой диффузности общей ситуации, ср.: *Мало-помалу пляж стал*

наполняться, отдыхающие и дачники отзавтракали, собрались, приразделись и в халатах, пижамах, в жокейских шапочках, в чалмах и трусах потянулись к морю. (Ф. Кнорре. Весенняя путевка. 1971); Да это наш жилец приезжий, / Наш летний дачник-отпускник. / На весь его недолгий роздых / Мы целый дом ему сдаем. (Б. Л. Пастернак. Июль: По дому бродит привиденье... 1956); Здесь же много домов отдыха и пригородных дач. Повсюду встречаются дачники и отдыхающие и слышатся песни и музыка. (В. Ф. Попов, Б. Д. Удинцев. Река Уфа. 1936).

Лексемы *отдыхающий* и *отпускник* употребляются и при вербализации типовой ситуации туристского отдыха: *Кимское озеро (Кимзее) снискало особое внимание туристов. Любимыми занятиями отдыхающих являются пешие прогулки в горы и велосипедный спорт. Поклонникам всех водных видов спорта тоже есть где развернуться. (Немецкие озера // «Туризм и образование», 2001.03.15); Начиная с 1990-х годов, когда туризм стал приобретать массовые направления (Турция, Египет, Кипр, Греция), волна наших отдыхающих буквально захлестнула курортные уголки, забрав пальму первенства в способах проведения законного отпуска «на всю катушку» даже у всегда умевших это делать немцев. (Н. Федорова. Отпустите себя в Гималаи // «Вокруг света», 06.15.2004).*

В ряде контекстов возможно употребление лексем *отпускник* и *отдыхающий* в ряду других номинантов субъектов отдыха в качестве контекстуальных синонимов: *Уставшие греть животы на турецких и египетских пляжах российские туристы все чаще отправляются в пешие походы по родному краю. Единственное, что может отвлечь неспортивного отпускника от похода,—тяжелый рюкзак, стертые ноги и отсутствие комфорта на маршруте. Прелесть организованного турфирмами трекинга в том, что турист получает от похода сплошное удовольствие: еду готовит повар или гид, вещи несет портер, палатки разбивает гид—знай себе*

шагай и щелкай фотоаппаратом. Привлекает отдыхающих и русская природа, заповедные уголки, которые, кроме как по телевизору, они не видели. Такой трекинг не требует ни хорошей физической подготовки, ни железного здоровья, ни походного стажа. Единственное, что надо сделать туристу,—прививку от энцефалита, если маршрут проходит в районах, где злобствует клещ (Н. Барановская. VIP-туристов в походе носят на руках // Известия, 07.20.2004).

Показательно, что, по данным «Нового частотного словаря русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, частотность употребления лексем *отдыхающий* и *отпускник* в НКРЯ составляет 5,4 и 0,8 на один миллион слов корпуса соответственно, что является довольно низким показателем.

Выводы

На основании интегрального подхода к исследованию семантики лексем *отдых* и *отпуск*, включающего семантический, концептуальный и контекстный анализ, был сделан вывод о том, что отпуск в сознании носителей русского языка составляет основной сегмент ассоциативно-семантического поля *отдых*, отражающий общую типовую ситуацию «отдых-отпуск». Типовая ситуация отдыха включает в себя следующие компоненты: субъект отдыха, время отдыха, продолжительность отдыха, место и форму организации отдыха, локализацию отдыха, характер отдыха, важнейшим из которых является субъект отдыха. Анализ семантики возможных номинаций субъектов отдыха позволил выделить для исследования базовый ряд слов, состоящий из таких лексем, как *дачник*, *курортник*, *отдыхающий*, *отпускник*, *турист* и др. По данным идеографических словарей, лексемы, номинирующие субъектов отдыха, нередко попадают в различные идеографические группы на основании той или иной дифференцирующей семы, в то время как, по данным толковых словарей, они содержат тот или иной интегральный семантический признак: человек, находящийся на отдыхе/ в отпуске; проводящий свое время где-либо отдыхая; занимающийся чем-либо для отдыха. Таким образом, в содержании всех вышеперечисленных лексем была выделена интегральная сема *человек, находящийся на отдыхе*, а в ассоциативно-семантическом микрополе «отдых-отпуск» - отдельная лексико-семантическая группа наименований субъектов отдыха, не зафиксированная идеографическими словарями.

Частные ситуации, составляющие общую ситуацию «отдых-отпуск», были рассмотрены на основе ассоциативно-семантических полей *курортник* (*курорт*), *турист* (*туризм*) и *дачник* (*дача*). Перечисленные типовые ситуации были исследованы на основе данных лексикографических источников, свободных ассоциативных экспериментов и текстового материала (фрагментов

текстов), относящегося к концу XIX – началу XXI вв., дающему представление о конкретных типовых ситуациях отдыха, что в целом позволяет проследить динамику общей ситуации «отдых-отпуск» в русской языковой картине мира.

Типовая ситуация курортного отдыха, включающая различные компоненты: субъекты отдыха (курортник, турист, отдыхающий), их типичные занятия (купаться, плавать, загорать, играть и т.д.), места и формы организации отдыха (санаторий, здравница, дом отдыха, отель, спа, бальнеологический курорт, горнолыжный курорт и т.д.), способы его организации (по путевке, дикарем и т.д.), представляет содержание концепта *курорт* в сознании носителей русского языка. Ассоциативный и контекстный потенциал лексем *курорт* и *курортник* свидетельствует о мобильности всех компонентов типовой ситуации курортного отдыха, а также соответствующего ей концептуального пространства. Эта динамика обнаруживается в процессах актуализации одних смысловых компонентов и редукции других, их пересечении и перераспределении. Так, в содержании лексем *курорт* и *курортник* постепенно редуцировался компонент лечения, в то же время компонент отдыха значительно актуализировался. Привычные места и формы организации курортного отдыха (санатории и здравницы) замещаются отелями и гостиницами, а лечебные процедуры – массажами со спа-услугами. Понятие *курортный сезон* теряет сезонную «привязку», поскольку понятие «отдыха во время отпуска» теряет временные границы в связи с возможностью поехать «зимой в лето», а также в связи с распространением зимних курортов. Лексема *курортник*, употребляющаяся большей частью в текстах советского периода (по данным частотного словаря НКРЯ, ее показатель составляет лишь 2,0 на один миллион слов), в текстах постсоветского периода часто вытесняется лексемой *турист*, что свидетельствует еще об одном динамическом процессе – проницаемости и конкуренции концептов.

Лексемы *турист* и *туризм*, по данным РАС, в представлении носителей русского языка конца XX века ассоциируются с путешествиями, активным отдыхом с элементами спорта, с отдыхом на природе, с палаткой, у костра, с гитарой, с отдыхом, имеющим романтический оттенок, свойственный данной эпохе. В реакциях респондентов отразились особенности политической и экономической ситуации второй половины XX века, когда во времена «железного занавеса» «выездной» туризм не был доступен для большинства населения страны. Однако в сознании носителей языка начала XXI века туризм ассоциируется большей частью с поездками за границу (Тайланд, Египет, Испания и др.), с комфортным отдыхом на различного рода курортах, престижем (пять звезд, люкс, все включено), с атрибутами туризма (чемодан, багаж, путеводитель, фотоаппарат, камера); со способами и формами организации поездки (виза, турфирма, туроператор, турагентство, отель, кемпинг, круиз) и т.д., что свидетельствует об изменении в представлениях о туризме. На основании анализа контекстного употребления лексемы *турист* можно сделать вывод о том, что сфера ее употребления значительно расширилась, в том числе за счет вытеснения таких понятий, как *курортник*, *отпускник*, *пляжник*, *санаторник*, о чем свидетельствует значительно более высокая частотность употребления лексемы относительно остальных наименований субъектов отдыха, а также включенность ее в другие ситуации отдыха. Кроме того, отмечено появление огромного количества разновидностей туризма: познавательный (экскурсионный, культурный); спортивный (автотуризм, мототуризм, велотуризм, водный, лыжный, конный туризм и т.д.); экстремальный (дайвинг, рафтинг и пр.), пляжный, гастрономический, экотуризм и др. Некоторые виды туризма уже не связаны с ситуацией отдыха, а отражают определенные виды деятельности: религиозный, образовательный, научный, космический, благотворительный, а также туризм с целью родов. Все это является свидетельством своеобразной экспансии понятия

туризма, проникающего не только в другие сферы отдыха и замещающего их, но и во многие сферы деятельности человека.

На основании ассоциативного и контекстного потенциала лексемы *дачник* и *дача* была зафиксирована динамика типовой ситуации дачного отдыха. За три столетия произошли существенные изменения, обусловленные политическими, социальными, экономическими «словами» российской истории, как в дачной культуре, архитектуре, статусе, престижности дачи, так и в образе самого дачника. Таким образом, дача из престижного места отдыха превратилась в «стратегию выживания», что разрушило представления о даче как о предмете роскоши. Безусловно, изменения, произошедшие в типовой ситуации дачного отдыха, повлияли и на представления о дачнике. В настоящее время можно говорить о сосуществовании в сознании носителей языка двух различных концептов, соответствующих противоположным «типам» дачника: «праздник дачник» и «дачник-труженик», свидетельствующих о существовании некоторых ярких субкультурных различий, находящих отражение в динамике языковой картины мира.

Заключение

В исследовании была поставлена цель выделить основные сегменты ассоциативно-семантического поля отдыха и выявить динамические процессы в его содержании, а также определить наиболее значимые направления семантических и концептуальных преобразований в содержании его основного сегмента – «отдых – отпуск».

В соответствии с поставленной целью была предпринята попытка структурирования семантики отдыха на основе соответствующего ассоциативно-семантического поля, представляющего собой чрезвычайно объемный и мобильный корпус лексических средств. Содержание поля было исследовано интегративным методом, включающим компонентный, когнитивный и лингвокультурологический анализ лексической семантики. Именно понятие ассоциативно-семантического поля, объединяющего характеристики лексико-семантического и ассоциативно-вербального полей, позволяет последовательно рассмотреть системно-структурный, концептуальный и культурологический потенциал слова с целью проникновения в глубинную семантику языковых единиц.

На первой стадии исследования проводился структурно-системный анализ основных репрезентантов семантики отдыха в русском языке на базе различных лексикографических источников. На основании данных толковых словарей, словарей синонимов, идеографических словарей, а также словарей сочетаемости было построено лексико-семантическое поле *отдых*, ядром которого являются лексемы *отдых*, *отдыхать/отдохнуть*, а околоядерную зону, в первую очередь, репрезентируют синонимические ряды ядерных лексем. Наряду с синонимами в околоядерной зоне было условно выделено два основных блока языковых единиц, отобранных по тематическому принципу: это лексика, называющая внутреннее состояние человека (психологический аспект) и слова,

называющие периоды, свободные от деятельности (социальный аспект семантики отдыха). В последнюю группу на основании временного параметра были включены лексемы, называющие различные виды отдыха в зависимости от его продолжительности: краткий перерыв в какой-либо деятельности, перерыв для принятия пищи, остановка во время похода/путешествия, перерыв во время представления, а также перерыв в работе для длительного/продолжительного отдыха. Дифференциация семантики продолжительного отдыха позволила выделить две лексические группы в околоядерной зоне поля: это место и формы организации отдыха, а также субъекты отдыха.

В периферийной зоне представлены лексемы, выделенные на основе анализа синтагматических связей ядерных лексем поля и объединенные в следующие группы: время отдыха; его локализация; отдых как избавление от усталости. Анализ различных лексикографических источников позволил сделать вывод о многокомпонентности семантического представления понятия *отдых*, сложности синонимических связей в ядре рассматриваемого поля, неоднородности содержания центральной и периферийной части поля.

С целью выхода за пределы лексикографически фиксируемого значения был проведен анализ ассоциативно-вербальной сети ядерных лексем поля по данным РАС и свободного ассоциативного эксперимента, за счет чего содержание лексико-семантического поля было расширено до ассоциативно-семантического поля. На основании анализа данных РАС были определены основные направления ассоциирования, связанные с понятием *отдых*. Наиболее частотные реакции были объединены в группы на основании общего признака: место отдыха, закономерные, запланированные перерывы в работе или учебе, определенная продолжительность отдыха, определенное время года, действия субъекта отдыха, позитивная оценка отдыха, прекращение какой-либо деятельности в связи с определенной усталостью, отдых в том или ином

окружении. Все вышеперечисленные группы составили центральную часть ассоциативного поля. К периферии поля были отнесены единичные ассоциации, свидетельствующие об индивидуальных представлениях и жизненном опыте тех или иных респондентов: *халява*, *шампанское*, *сачковать* и *мн. др.*

Следует отметить, что при устойчивой позиции в ассоциативно-вербальной сети основных компонентов лексико-семантического поля (различные по длительности перерывы в работе, формы организации отдыха и др.), значительная часть ассоциативного поля актуализировала периферийные зоны лексико-семантического поля (географическая локализация, время года, настроение и др.). Кроме того, было зафиксировано перераспределение некоторых компонентов поля. Так, реакции *море*, *на море* занимают центральное положение в ассоциативно-вербальной сети, в то время как в структуре ЛСП они находятся на периферии.

Все вышесказанное обусловило диффузность основного содержания поля, проницаемость семантики его компонентов, что сделало актуальным поиск путей его сегментирования в исследовательских целях, поскольку осмысление динамических процессов в семантике отдыха может быть осуществлено только при наблюдении за конкретизированными, очерченными семантическими явлениями.

В связи с вышесказанным, на втором этапе исследования был предложен новый подход к сегментированию соответствующего ассоциативно-семантического поля, который основан на учете типовой ситуации отдыха, а именно - ее временных и пространственных координат. Критерии продолжительности и смены локализации позволили выделить основной сегмент поля – продолжительный отдых, предполагающий изменение привычной локализации субъекта, а именно – «отдых-отпуск», репрезентирующий соответствующую типовую ситуацию отдыха. Анализ и сопоставление семантического и ассоциативного потенциала лексем *отдых* и

отпуск позволил сделать вывод о том, что типовая ситуация «отдых-отпуск» в настоящее время является основным сегментом ассоциативно-семантического поля *отдых* в сознании носителей русского языка. Это свидетельствует о динамике структуры семантики отдыха, обусловленной актуальностью типовой ситуации «отдых-отпуск» в современной языковой картине мира. Актуальность опоры на типовую ситуацию при описании семантики основана на том, что в свете когнитивности лексическое значение рассматривается как отражение определенных пластов знаний об объективном мире, основной частью которого являются события и их участники. Описание типовой ситуации отпуска (субъект, время, продолжительность, место, формы организации, характер отдыха) было осуществлено прежде всего с опорой на ее субъекта, поскольку именно человек является центром любого события. Наличие общего компонента «человек, находящийся на отдыхе» дает основание выделить особую лексико-семантическую группу наименований субъектов отдыха: *отдыхающий, отпускник, дачник, курортник, санаторник, турист, пляжник, пансионер, отдыхающий, дикарь*, не выделенную ни в одном идеографическом словаре.

Типовая ситуация «отдых-отпуск» является неоднородной, о чем свидетельствует семантика членов лексико-семантической группы наименований субъектов отдыха (курортник, отдыхающий, санаторник, турист, дачник и др.) и форм организации отдыха (дом отдыха, курорт, санаторий, дача и др.). Учет регулярности соотношения субъектов и мест/ форм организации отдыха позволил условно выделить ряд частных ситуаций продолжительного отдыха: ситуации курортного, туристского и дачного отдыха.

Типовые ситуации курортного, туристского и дачного отдыха были проанализированы по данным лексикографических источников, свободных ассоциативных экспериментов и текстов (фрагментов текстов), относящихся к концу XIX – началу XXI вв. и дающих представление о конкретных типовых

ситуациях отдыха, что в целом позволяет проследить динамику общей ситуации «отдых-отпуск» в русской языковой картине мира.

Ассоциативный потенциал наименований субъектов отдыха, а также интерпретация соответствующих ситуаций в текстах различных временных периодов свидетельствуют о динамике и мобильности всех компонентов рассматриваемых типовых ситуаций и соответствующего концептуального пространства, что обнаруживается в процессах актуализации одних смысловых компонентов и деактуализации других, их редукции, пересечении и перераспределении в пределах той или иной ситуации. Мобильность смысловых компонентов обуславливается политическими, экономическими, социальными процессами в российском обществе, влияющими на динамичность представлений об отдыхе в русской языковой картине мира. В связи с этим меняется характер всех составляющих типовых ситуаций отдыха (субъектов, мест и форм организации отдыха, целей, характера, времени, географической локализации отдыха). Совокупность этих преобразований отражает динамику социальных процессов, к которым относятся: изменение социальной стратификации общества, актуализация критериев качества жизни, социальной престижности и др.

Социальные и экономические факторы лежат в основе поступательной динамики ассоциативно-семантического поля и концептосферы отдыха, однако существенными являются и идеологические воздействия, формирующие ценностно-оценочное отношение к характеру отдыха и его субъекту, что особенно отчетливо проявилось в советский период российской истории.

Мобильное концептуальное пространство отдыха включает и константную составляющую, которая проявляется в устойчивой направленности метафорических переосмыслений всех наименований субъектов отдыха. Общее направление метафоризации обусловлено невысокой оценкой праздного, незанятого трудом человека, которая получает сложные

идеологические и художественные интерпретации в текстах различных временных периодов.

Список литературы

1. *Абрамов, В. П.* Семантические поля русского языка: монография / В. П. Абрамов. – М.; Краснодар: Акад. пед. и соц. наук РФ, Кубан. гос. ун-т, 2003. – 338 с.
2. *Акованцева, Н. В.* Семантическое варьирование лексики «отдых» в публицистическом тексте / Н. В. Акованцева // XII Кирилло-Мефодиевские чтения. – Севастополь, 2011. – С. 266 - 273.
3. *Акованцева, Н. В.* Интегральное ассоциативное поле «отдых» в русском языке / Н. В. Акованцева // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 8 - 11.
4. *Аксельрод, К. И.* Подмосковная дача в советской архитектуре (на примере поселков творческой и научно-технической интеллигенции): автореф. дис. ... канд. архит. наук: 18.00.01 / Аксельрод Ксения Игоревна. – М., 2002. – 28 с.
5. *Александрова, А. Е.* Лингвокультурологический аспект концептуальной области возраста и его учет в обучении русскому языку американских студентов: автореф. дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.02 / Александрова Анастасия Евгеньевна. – СПб., 2007. – 23 с.
6. *Алефиренко, Н. Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
7. *Алефиренко, Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
8. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка: избранные труды в 2-х т.; отв. ред. В. Ю. Розенцвейг. – М.: Наука, 1974. – Т. 1. – 367 с.

9. *Апресян, Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография: избранные труды в 2-х т. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.
10. *Апресян, Ю. Д.* О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола / Ю. Д. Апресян // Словарь. Грамматика: сборник статей. – М.: Наука, 1996. – С. 13 - 43.
11. *Аристотель.* Никомахова этика. Политика: собрание сочинений в 4-х т. – М., 1981. – Т.4.– 644 с.
12. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1998. – 895 с.
13. *Бабенко, И. И.* Об ассоциативности как универсальном коммуникативном свойстве слова / И. И. Бабенко // Вестник ТГПУ. – Серия: Гуманитарные науки (Филология). – Томск, 2004. – № 1 (38).– С. 25 - 28.
14. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961. – 394 с.
15. *Бартминьский, Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский / Перевод с польского; отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
16. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 281 - 307.
17. *Белов, А. В.* Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XVIII – начале XX века (город и процессы урбанизации сельских окраин) / А. В. Белов. – М., 2005. – 182 с.
18. *Беляевская, Е. Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке: сборник научно-аналитических обзоров. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – С. 87 - 110.
19. *Берестнева, К. С., Кулагин, Е. П.* Принцип “одного окна” в деловом туризме / К. С. Берестнева, Е. П. Кулагин // Туризм: вчера, сегодня, завтра:

- Материалы XI Межвузовской научно-практической конференции. – Н. Новгород: ООО Издательство Пламя, 2012. – С. 28 - 30.
20. *Биржаков, М. Б.* Введение в туризм / М. Б. Биржаков. – СПб.: Издательский Торговый Дом Герда, 2000. – 192 с.
21. *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – 2-е изд., стер. / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
22. *Болдырев, Н. Н.* Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2001. – С. 25 - 36.
23. *Болотнова, Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
24. *Болотнова, Н. С.* О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – Серия: Гуманитарные науки (Филология). – Томск, 2007. – № 2 (65). – С. 74 - 79.
25. *Болотнова, Н. С.* Текст как явление культуры и его лингвокультурологические коды / Н. С. Болотнова // Русская речевая культура и текст: Материалы VI Международной научной конференции; под ред. Н. С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 65 - 72.
26. *Болотнова, Н. С.* О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации / Н. С. Болотнова // Вестник ТГПУ. – Серия: Гуманитарные науки (Филология) – Томск, 2011. – № 3 (105). – С. 34 - 40.
27. *Бондарко, А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 624 с.
28. *Борисова, Е. А., Каждан, Т. П.* Русская архитектура второй половины XIX – начала XX вв. / Е. А. Борисова, Т. П. Каждан. – М.: Наука, 1970. – 239 с.
29. *Васильев, Л. М.* Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 106 - 111.

30. *Васильев, Л. М.* Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
31. *Васильева, Г. М.* Ассоциативно-вербальное поле концепта «отдых» в русской языковой картине мира как предмет обучения РКИ / Г. М. Васильева // *Glottodydaktyka 3: сборник научных статей.* – Rzeszow, 2011. – № 68. – С. 119 - 122.
32. *Васильева, Г. М.* «Духовные скрепы» российского общества в зеркале языковой оценки / Г. М. Васильева // *Общество – Среда – Развитие: Научно-теоретический журнал.* – СПб., 2013. – № 1 (26). – С. 198 - 202.
33. *Васильева, Г. М.* Лингвокультурологические аспекты русской неологии: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.01 / Васильева Галина Михайловна. – СПб., 2001. – 39 с.
34. *Васильева, Г. М.* К вопросу об особенностях ценностного сознания в зеркале языковой оценки / Г. М. Васильева // *Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика.* – СПб.: Сударыня, 2004. – Вып. VII. – С. 24 - 27.
35. *Васильева, Г. М.* Лингвокультурологические основания изменения языковой оценки / Г. М. Васильева // *Мир русского слова.* – СПб.: 2012. – №1. – С. 22 - 25.
36. *Васильева, Г. М.* Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания / Г. М. Васильева. – СПб.: Сударыня, 2001. – 210 с.
37. *Васильева, Г. М., Некора, Н. Е.* Особенности национальных культур в зеркале языка / Г. М. Васильева, Н. Е. Некора. – СПб.: Изд-во СПбГУВК, 2012. – 221 с.
38. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

39. *Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
40. *Ветитнев, А. М., Журавлева, Л. Б.* Курортное дело: Учебное пособие [Электронный ресурс] / А. М. Ветитнев, Л. Б. Журавлева. – М.: Изд-во: Кнорус, 2006. – Режим доступа: <http://www.turbooks.ru/knigi/gostinichnoerestorannoe-khozjajstvo/page,7,472-kurortnoe-delo.html>.
41. *Виноградова, О. Е.* Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова / О. Е. Виноградова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.– СПб., 2013. – № 161. – С. 66 - 71.
42. *Выготский, Л. С.* Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М., 1956. – 472 с.
43. *Гаврилова, Е. В.* Основные направления развития предметно-пространственной среды загородного дома в России 1980-х – начала 2000-х гг. (исторические традиции и новаторские приемы): автореф. дис. ... канд искусствовед. наук: 17.00.04 / Гаврилова Евгения Владимировна. – М., 2007. – 32 с.
44. *Гак, В. Г.* Вопросы описания лексико-семантической системы языка / В. Г. Гак. – М., 1971. – 220 с.
45. *Гак, В. Г.* К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 73 - 92.
46. *Гафарова, Г.В., Кильдибекова, Т.А.* Когнитивные аспекты лексической системы языка (На материале функцион.-семант. сферы "жить") / Г. В. Гафарова, Т. А. Кильдибекова. – Уфа: БГУ, 1998 – 182 с.
47. *Гнездилова, А. Ф.* Лингвистические и когнитивные аспекты основного лексикона: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд.

- филолог. наук: 10.02.01 / Гнездилова Анна Федоровна. – Ставрополь, 2009. – 23 с.
48. *Грей, Ф.* История курортов: архитектура, общество, природа: перевод / Е. Лямина, М. Неклюдова; под ред. А. Красикова. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 424 с.
49. *Гуляев, В. Г.* Организация туристской деятельности: учебное пособие / В. Г. Гуляев. – М.: Изд-во Нолидж, 1996. – 174 с.
50. *Денисенко, В. Н.* Семантическое поле как функция / В. Н. Денисенко // Филологические науки. – 2002. – №4. – С. 44 - 52.
51. *Денисов, П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
52. *Деотто, П.* Петербургский дачный быт XIX в. как факт массовой культуры / П. Деотто // Europa Orientalis. – 1997. – №16. – С. 357 - 372.
53. *Долженко, Г.П.* История туризма в дореволюционной России и СССР / Г. П. Долженко. – Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. – 192 с.
54. *Ефремов, В. А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина–женщина»: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / Ефремов Валерий Анатольевич. – СПб., 2010. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/15022010_efremovva/6.
55. *Журавлева, Л. Б.* Курортное дело с основами курортологии / Л. Б. Журавлева. – Сочи: изд-во СГУТ и КД, 2008. – 628 с.
56. *Забельшанский, Г.* Дача / Г. Забельшанский // Проект Россия. Частный дом. – М., 1998. – №9. – С. 36 - 48.
57. *Зализняк, А. А.* Константы и переменные семантики глагола отдыхать / А. А. Зализняк // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 337 - 353.
58. *Зализняк, А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Эволюция ключевых концептов русского языка в XX-XXI веке: аспекты изучения / А.А. Зализняк,

И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 299 - 306.

59. *Залогина, Е. М.* Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты (на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Залогина Елена Матвеевна. – СПб., 2004. – 24с.

60. *Заметалина, М. Н.* К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии / М. Н. Заметалина // Филологические науки. – 2002. – №5. – С. 89 - 93.

61. *Зверев, В. К.* Социальные представления и социокультурные практики курортного отдыха: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.06 / Зверев Владимир Константинович. – Ростов-н/Д, 2004. – 22 с.

62. *Зиновьева, Е. И.* Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного / Е. И. Зиновьева; отв. ред. К. А. Рогова. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. – 80 с.

63. *Зорин, И. В., Каверина, Т. П.* Менеджмент туризма. Туризм как вид деятельности: учебник / И. В. Зорин, Т. П. Каверина. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 288 с.

64. *Зубарева, В. С.* Типовая ситуация побуждения и ее интерпретация в поэтическом тексте: на материале детской литературы сер. XIX - сер. XX века: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Зубарева Виктория Сергеевна. – СПб., 2011. – 24 с.

65. *Зусман, В. Г.* Концепт в культурологическом аспекте / В. Г. Зусман // Межкультурная коммуникация: учебное пособие. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С.38 - 53.

66. *Иванов, А. А.* История российского туризма (IX-XX вв.): учебное пособие / А. А. Иванов. – М.: Форум, 2011. – 320 с.

67. *Игнатьева, И.Ф.* Пространство потоков: экономический и геополитический анализ туризма / И.Ф. Игнатьева // Общество. Среда. Развитие: Научно-теоретический журнал. – 2013. – №1(26) – С. 111 - 115.
68. *Ильина, О. С.* Ассоциативно-семантические поля «студент» и «профессор»: языковые константы и текстовая динамика: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Ильина Оксана Сергеевна. – СПб., 2013. – 22с.
69. *Ильина, О .С., Черняк, В. Д.* Принцип поля в исследовании фрагмента действительности / О. С. Ильина, В. Д. Черняк // Проблемы интерпретационной лингвистики. Поле как объект и инструмент исследования: Межвузовский сборник научных трудов; под ред. Н.П. Перфильевой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. – С. 16 - 27.
70. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
71. *Караулов, Ю. Н.* Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – №1. – С. 57 - 68.
72. *Караулов, Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
73. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261с.
74. *Караулов, Ю. Н., Филиппович, Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович. – М ., 2009. – 336 с.
75. *Касевич, В. Б.* Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса / В. Б. Касевич // XVI Congries International des Linguistes. – Paris, 1997. – С. 1 - 7.
76. *Кезина, С. В.* Семантическое поле как система / С. В. Кезина // Филологические науки. – 2004. – №4. – С. 79 - 86.

77. *Киферова, З. Г.* Лексико-семантическое поле как основная системообразующая единица языка / З. Г. Киферова // Теория поля в современном языкознании: тезисы докладов научн.-теор. семинара. – Уфа, 1994. – С. 90-94.
78. *Климовицкий, В. А., Гринберг, Я. М.* Краткое пособие по курортологии и курортотерапии [Электронный ресурс]. – Куйбышев, 1961. – Режим доступа: <http://mednapravlenie.ru/biblioteka/posobie.html>.
79. *Кобозева, И. М.* Лингвистическая семантика: учебное пособие / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
80. *Ковалева, Е. А.* Элементы "железнодорожного дискурса" в поэзии Серебряного века: лексический аспект: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Ковалева Елена Александровна. – СПб., 2009. – 21с.
81. *Конечный, А.* Петербургские дачи / А. Конечный // Антропологический форум. – 2004. – № 3. – С. 444 – 452.
82. *Корнилов, О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
83. *Кручинкина, Н. Д.* Когнитивная значимость текста / Н. Д. Кручинкина // Русская речевая культура и текст: материалы VI Международной научной конференции; под ред. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 208 - 211.
84. *Крючкова, Н. В.* Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с.
85. *Кубрякова, Е. С., Шахнарович, А. М., Сахарный, Л. В.* Человеческий фактор в языке : язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный; отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
86. *Кубрякова, Е. С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №3. – С. 22 - 31.

87. *Кубрякова, Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 6 - 17.
88. *Кузьмина, М. И.* Имя собственное Валаам в индивидуальной языковой картине мира (на материале путевых очерков русских писателей конца XIX – начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Кузьмина Маргарита Игоревна. – Н. Новгород, 2009. – 28 с.
89. *Кусков, А. С., Лысикова, О. В.* Курортология и оздоровительный туризм : учебное пособие / А. С. Кусков, О. В. Лысикова. – Ростов н/Д: "Феникс", 2004 – 320 с.
90. *Лазарева, О. А.* Лингвокогнитивные основы обучения иностранцев русской лексике / О. А. Лазарева. – СПб.: Изд-во Осипова, 2012. – 250 с.
91. *Лапшина, М. Н.* Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте) / М. Н. Лапшина. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – 160 с.
92. *Леонтьев, А. А.* Деятельностный ум (Деятельность. Знак. Личность) / А. А. Леонтьев. – М., 2001. – 392 с.
93. *Леонтьев, А. А.* Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. – С.16 - 21.
94. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста: учебное пособие / Ю.М. Лотман // Русская словесность. Антология; под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 202 - 205.
95. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. / Ю. М. Лотман. – СПб., 2004. – 704 с.
96. *Луначарский А. В.* Собрание сочинений в 8-и томах. – М.: Художественная литература, 1964. – Т.2. – 1689 с.

97. *Макаров, А. Г., Англинов, К. А.* Новые ресурсы культурного туризма и экскурсоведения Санкт-Петербурга / А. Г. Макаров, К. А. Англинов // Актуальные проблемы развития туризма и подготовки кадров для предприятий туристской индустрии: сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во Д.А.Р.К., 2004. – С. 47 - 54.
98. *Маклакова, Е. А., Стернин, И. А.* Теоретические проблемы семной семасиологии / Е. А. Маклакова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – 277 с.
99. *Малинова, О. Ю.* Социокультурные факторы формирования дачного пространства вокруг Санкт-Петербурга (1870 – 1914): автореф. дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02 / Малинова Ольга Юрьевна. – СПб., 2006. – 21 с.
100. *Маслова, В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.
101. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
102. *Матющенко, Н. С.* «Отдых и развлечения как показатель качества жизни современного человека» / Н. С. Матющенко // Вестник СГУТиКД. – 2010. – № 3 (13). – С. 11 - 19.
103. *Межевич, В.* Петербургские и московские дачи» / В. Межевич // «Северная пчела». – 1842. – 17 - 18 августа.
104. *Милославская, С. К.* Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России: монография / С. К. Милославская. – 2-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 400 с.
105. *Мурзин, Л. Н.* О степенях свободы языка / Л. Н. Мурзин // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э. В. Кузнецовой. – Екатеринбург, 1997. – С. 127 - 133.

106. *Нащокина, М. В.* Архитектура дачных поселков конца XIX - начала XX вв. / М. В. Нащокина // Ф. О. Шехтель и проблемы истории русской архитектуры конца XIX - начала XX вв. – М., 1993. – С. 89 - 95.
107. *Нащокина, М. В.* Судьба мимолетного стиля. Еще раз о русском модерне / М. В. Нащокина // 100 лет петербургскому модерну. – СПб., 2000. – С.25 - 43.
108. *Некора, Н. Е.* Лингвокультурологический аспект концепта «болезнь» и его учет в обучении русскому языку американских студентов: автореф. дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.02 / Некора Наталья Евгеньевна. – СПб., 2007. – 22 с.
109. *Новиков, Л. А.* Семантическое поле как текстовая структура / Л. А. Новиков // Теория поля в современном языкознании. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1997. – С. 3 - 6.
110. *Нуртазина, М. Б.* Лингвокультурологическая парадигма описания концептов / М. Б. Нуртазина // Россия и Запад: диалог культур: X юбилейная международная конференция. – М., 2003. – №12. – С. 52 - 61.
111. *Орлов, А. С.* Курортная зона: социологический анализ / А. С. Орлов. – М.: Наука, 1990. — 141 с.
112. *Панов, Н. И.* Сельский туризм в Ленинградской области / И. А. Панов // Актуальные проблемы развития туризма и подготовки кадров для предприятий туристской индустрии: сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во Д.А.Р.К., 2004. – С.34 - 37.
113. *Пассов, Е. И.* Коммуникативное иноязычное образование: Концепция развития индивидуальности в диалоге культур / Е. И. Пассов. – Липецк: ЛГПИ-РЦИО, 2000. – 204 с.
114. *Пахомова, М. А.* Структурно-семантический анализ причинно-следственных отношений в тексте (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Пахомова Марина Александровна. – Самара, 2009. – 25 с.

115. *Пеньковский, А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики / А. Б. Пеньковский. – М: Языки славянской культуры, 2005. – 315 с.
116. *Петров, А. С.* Денотативная ситуация как концепт художественного текста (на материале романа Ю. К. Олеши «Зависть») / А.С. Петров // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2008. – №76 – 1. – С. 278 - 281.
117. *Пузийчук, С. В., Слиозберг, И. С.* О выборе целей в турбизнесе / С. В. Пузийчук, И. С. Слиозберг // Актуальные проблемы развития туризма и подготовки кадров для предприятий туристской индустрии: сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во Д.А.Р.К., 2004. – С. 84 - 87.
118. *Пименова, М. В.* Языковая картина мира: учебное пособие / М. В. Пименова. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – 106 с.
119. *Поморов, С. Б.* Второе жилище горожан, или дом на природе: Урбозоологические аспекты эволюции городского жилища / С. Б. Поморов. – Новосибирск: Изд-во НГАХА, 2004. – 471 с.
120. *Попова, З. Д., Стернин, И. А.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
121. *Попова, З. Д., Стернин, И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: изд-во Истоки, 2006. – 226 с.
122. *Попова, М.И.* Ассоциативно-семантическое поле «немец» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Попова Наталья Полиефтовна. – СПб., 2013. – 24 с.
123. *Постовалова, В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира; под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – С. 8 - 69.
124. *Потебня, А. А.* Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 1958. – 536 с.

125. *Потебня, А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: Синто, 1993. – 191 с.
126. Русская спонтанная речь. Методическая разработка по современному русскому языку. Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Тексты; под ред. Н. В. Богдановой. – СПб., 2008. – Вып. I. – 94 с.
127. *Савинова, Е.Н.* Дачная жизнь в имении «Горки» / Е.Н. Савинова // Русская усадьба.– М., 2003. – № 8 (24). – С. 113 - 122.
128. *Семкин, А. Д.* Чехов. Зощенко. Довлатов. В поисках героя / А. Д. Семкин. – СПб.: ООО Островитянин, 2014. – 424 с.
129. *Скляревская, Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб.: Нева, 1993. – 153 с.
130. *Соколов, А. В.* Феномен социально-культурной деятельности / А. В. Соколов. – СПб., 2003. – 204 с.
131. *Соколова, М. В.* История туризма: учебное пособие / М. В. Соколова. — М.: Мастерство, 2002. — 352 с.
132. *Стернин, Г. Ю.* Абрамцево: от «усадьбы» к «даче» / Г. Ю. Стернин // Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX вв.; под ред. Г. Ю. Стернина. – М., 1984. – С. 184 - 208.
133. *Стернин, И. А.* Методы исследования семантики слова / И.А. Стернин. – Ярославль: Истоки, 2013. – 34 с.
134. *Стернин, И. А, Рудакова, А. В.* Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: Ламберт, 2011. – 192 с.
135. *Степанов, Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд-е, испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2001. – 989 с.
136. *Степанов, Ю. С.* Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии / Ю. С. Степанов. – СПб., 2006. – 272 с.

137. Сулименко, Н. Е. Слово в контексте гуманитарного знания: учебное пособие / Н. Е. Сулименко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 84 с.
138. Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа: учебное пособие / Н. Е. Сулименко. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 396 с.
139. Сулименко, Н. Е. Аспекты изучения лексической семантики / Н. Е. Сулименко. – СПб.: Свое издательство, 2012. – 278 с.
140. Тараканов, Д. В. Дачная жизнь в России / Д. В. Тараканов // История и обществознание для школьников. – 2006. – № 4. – С. 53 - 60.
141. Тараканов, Д. В. Дачные поселки Подмоскovie в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Тараканов Денис Викторович. – М., 2007. – 29 с.
142. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24 - 32.
143. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
144. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – СПб., 1999. – С. 14 - 24.
145. Толстошеева, Л. Ю. Семантика количества в поэзии В.В. Хлебникова: лексический аспект: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Толстошеева Людмила Юрьевна. – СПб., 2012. – 19 с.
146. Томашевская, К. В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника / К. В. Томашевская. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов, 2000. – 153 с.
147. Утехин, И. Рецензия на книгу Стивена Ловелла «Summerfolk. A History of the Dacha 1710-2000» / И. Утехин // Антропологический форум. – 2004. – № 3. – С. 342 - 346.

148. *Уфимцева, Н. В.* Слово, значение и языковое сознание / Н.В. Уфимцева // Когнитивные исследования языка. Концептуальный анализ языка: сборник научных трудов. – М. – Тамбов, 2009. – Вып I. – С. 103 - 110.
149. *Уфимцева, Н. В.* Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии / Н. В. Уфимцева // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2 (28). – С. 129 - 132.
150. *Уфимцева, Н. В.* Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
151. *Федотова, Н. В.* Концепт отдых в языковом сознании русских детей / Н. В. Федотова // Коммуникативное поведение. Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж: Истоки, 2010. – № 33. – С. 101 - 112.
152. *Филиппович, А. Ю., Филиппович, Ю. Н.* Динамическая инфокогнитивная технология вербального сознания / А. Ю. Филиппович, Ю. Н. Филиппович // Актуальные и перспективные направления создания систем, обеспечивающих семантический анализ данных в режиме реального времени: сборник тезисов и статей Российско-Германской молодежной дистанционной научной школы. – М., 2012. – С. 60 - 75.
153. *Франциян, В. Ф.* Проблемы законодательства об отпусках рабочих и служащих в СССР: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Франциян Василий Федорович. – М., 1973. – 199 с.
154. *Фрумкина, Р. М.* Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М., 1992. – С. 28 - 43.
155. *Фрумкина, Р. М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. – М., ИЯЗ РАН РГГУ, 1995. – С. 74 - 117.
156. *Фрумкина, Р. М.* Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии / Р. М. Фрумкина // Известия РАН: СЛЯ. – 1999. – Т. 58. – №1. – С. 3 - 10.

157. Храковский, В. С. Пассивные конструкции / В. С. Храковский // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогии. – Л.: Наука, 1974. – С. 5 - 45.
158. Чернейко, Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л. О. Чернейко // Филологические науки. – 1995. – №4. – С. 78 - 83.
159. Черных, О. И. Периодизация дачного строительства петербургской губернии XVIII - начало XX вв. / О. И. Черных // Вестник гражданских инженеров. – СПб., 2012. – № 5 (34). – С. 46 - 50.
160. Чеховских, И. «Российская дача – субурбанизация или рурализация?» / И. Чеховских // Труды ЦНСИ: сборник статей по материалам полевых исследований; под ред. В. Воронкова, О. Паченкова. – СПб., 2001. – № 9 – С. 73 - 83.
161. Чоудхури, О. Л. Номинативное поле концепта «зима» как предмет обучения русскому языку финских студентов: автореф. дис. ... канд. педагог. наук: 13.00.02 / Чоудхури Ольга Леонидовна. – СПб., 2011. – 24 с.
162. Чубур, Т. А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации: на материале языковых наименований «незанятости трудовой деятельностью» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02. 19 / Чубур Татьяна Алексеевна. – Воронеж, 2005. – 23 с.
163. Чурилина, Л. Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования / Л. Н. Чурилина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 283с.
164. Шведова, Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова / Н. Ю. Шведова // Русский язык: текст как целое и компоненты текста: XI Виноградовские чтения. – М.: Наука, 1982. – С. 142 - 154.
165. Шевырин, С. За границу! (Из истории зарубежного туризма в СССР) [Электронный ресурс] / С. Шевырин. – 2009. – Режим доступа:

<http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/za-granitsu-iz-istorii-zarubezhnogo-turizma-v-sssr.html>.

166. *Шмелев, Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
167. *Щукина, Д. А.* Пространство как лингвокогнитивная категория (на материале произведений М. А. Булгакова разных жанров): автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.01 / Щукина Дарья Алексеевна. – СПб., 2004. – 35 с.
168. *Яковлева, Е. Б.* Дачная архитектура северных окрестностей Санкт-Петербурга во второй половине XIX - начала XX вв. / Е. Б. Яковлева // Петербургские чтения: Санкт-Петербург и Россия. – СПб., 1997. – С. 234 - 242.

Список литературы на иностранных языках

169. *Lovell S.* Summerfolk: A history of a dacha (1710-2000) / S. Lovell. – London, Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003. – 260 с.
170. *Roosevelt P.* Life on the Russian Country estate: A social and cultural history / P. Roosevelt. – New Haven and London, Yale University, 1995. – 361 с.
171. *Struyk R., Angelici K.* The Russian Dacha Phenomenon / R. Struyk, K. Angelici // Journals Oxford Ltd, Housing Studies. – 1996. – Vol. 11. – N. 2. – С. 233 - 250.

Список словарей и справочников

172. *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20000 синонимов. – 8-е изд. стер. / Н. Абрамов. – М.: Русские словари. – 667 с.
173. *Баранов, О. С.* Идеографический словарь русского языка. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.

174. *Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка: свыше 8000 русских фразеологизмов, 950 синонимических рядов. – М.: АСТ Пресс Книга, 2009. – 448 с.
175. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты; под редакцией Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.
176. Большой толковый словарь русских существительных; под редакцией Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2005. – 864 с.
177. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание 2000 синоним. рядов 10 500 синонимов; под общей редакцией Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс кн., 2008. – 753 с.
178. Большой толковый словарь русского языка; под редакцией С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
179. *Горбачевич, К. С.* Словарь синонимов русского языка. – М.: Эксмо, 2009. – 608 с.
180. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4-х т. – М.:Астрель : Транзиткнига, 2006. – Т.1 – 1158 с.
181. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4-х т. – М.:Астрель : Транзиткнига, 2006. – Т.2 – 1280 с.
182. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз. 2000. – 1233 с.
183. *Ефремова, Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка в 3-х томах. – М.: Астрель - АСТ, 2006. – 1168 с.
184. Комплексный словарь русского языка; под общей редакцией А. Н. Тихонова. – М.: Рус. яз., Медиа, 2005. – 1228 с.
185. Краткий словарь когнитивных терминов; сост. *Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина.* – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

186. Лингвистический энциклопедический словарь; под редакцией В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
187. *Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс]. – М.: Азбуковник, 2009. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
188. *Мокиенко, В.М.* Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Норинт, 2003. – 604 с.
189. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка: 70000 слов; под редакцией Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.
190. Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: Поморский и партнеры, 1994. – 224 с.
191. Русский ассоциативный словарь. Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Часть I / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1995. – 358 с.
192. Русский ассоциативный словарь. Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – 121 с.
193. Русский ассоциативный словарь. Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – 324 с.
194. Книга 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – 204 с.

195. Русский ассоциативный словарь. Книга 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – 324 с.
196. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь; под общей редакцией Л. Г. Бабенко. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 462 с.
197. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений; под редакцией Н. Ю. Шведовой. РАН, Ин-т рус. яз. – М.: Азбуковник, 1998- I, III тт. – 924 с.
198. *Саяхова, Л. Г., Хасанова, Д. М., Морковкин В. В.* Тематический словарь русского языка: Ок. 25 000 слов. М.: Русский язык, 2000. – 560 с.
199. Система лексических минимумов современного русского языка. 10 лексических списков. От 500 до 5000 самых важных русских слов; под редакцией В. В. Морковкина. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 768 с.
200. Словарь русского языка: в 4 т.; под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.: Русский язык, 1981—1984.
201. Словарь синонимов: около 9 000 синонимических рядов; под редакцией Т. Н. Гурьевой. – М.: Мир книги, 2004. – 399 с.
202. Словарь синонимов русского языка; под редакцией А. П. Евгеньевой. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 656 с.
203. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991 - 1996.
204. Словарь сочетаемости слов русского языка; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.
205. Словарь-тезаурус синонимов русской речи: 600 ключевых понятий, 8000 синонимических рядов, 47000 слов-синонимов; под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 512 с.

206. Советский энциклопедический словарь; под редакцией А. М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 1599с.
207. Современный словарь иностранных слов. М., 1993. – 740 с.
208. Современный словарь русского языка. Синонимы; под редакцией Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС: Астрель, 2011. – 688 с.
209. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1990. – Т.1. – 856 с.
210. *Тихонов, А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1990. – Т.2. – 886 с.
211. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика: Около 8500 слов и устойчивых словосочетаний; под редакцией Г. Н. Скляревской. – М.: ЭКСМО, 2006. – 1131 с.
212. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. – М.: Альта-Принт, 2009. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>
213. *Химик, В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
214. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т.; сост. А.К. Шапошников. – М.: Флинта Наука, 2010.

Интернет-ресурсы

215. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Ядерные лексемы АСП *отдых* по данным толковых словарей русского языка

Таблица № 1

ОТДЫХ	
Словари	Толкования
«Словарь современного русского литературного языка» 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«проведение некоторого времени без обычных занятий, работы для восстановления сил»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«перерыв в занятиях, в работе и т.п. для восстановления физических и умственных сил»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«перерыв в работе, свободное от работы время для восстановления сил»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«восстановление сил после утомления»
«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова – СПб., 1998.	«перерыв в обычных занятиях, в работе и т.п. для восстановления сил»
ОТДЫХАТЬ/ ОТДОХНУТЬ	

Словари	Толкования
Даль В. И. «Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание» в 4-х т. – М., 2006.	«покоиться после трудов, дать себе роздых, ничего не делать, уставши сидеть, лежать или стоять, собираясь с силами»
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«восстанавливать свои силы отдыхом; проводить некоторое время в отдыхе»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«провести свое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«отдыхом восстановить силы, проводить свой отдых где-нибудь»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«восстановить силы после утомления пробыть где-нибудь, ничем не занимаясь, для восстановления сил»
«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова – СПб., 1998.	«сделать перерыв в занятиях, в работе и т.п. для восстановления физических и умственных сил; провести где-либо время этого перерыва»

2. Наименования субъектов отдыха и форм организации отдыха в толковых словарях русского языка

ДАЧНИК	
Словари	Толкования
Даль В. И. «Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание» в 4-х т. – М., 2006.	«участник в общей даче, совладелец житель загородной дачи, охотник до дачной жизни»
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«тот, кто живет на даче в летнее время»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«городской житель, живущий в летнее время на даче»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«тот, кто живет на даче (не дачевладелец)»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«Приезжий, живущий на даче»
ДАЧА	
Словари	Толкования

Даль В. И. «Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание» в 4-х т. – М., 2006.	«Небольшая поземельная собственность, некогда даровая, от царя, или данная по дележу, по отводу; угодья и земли округленные, обмежеванные, собь владельца или общества загородный дом, заимка, хутор, мыза, отдельная усадьба, жилие вне города»
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«загородный дом (обычно с земельным участком), предназначенный для летнего отдыха»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«загородный дом для летнего отдыха городских жителей загородная местность с таким домом (домами)»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«загородный летний дом»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«загородный дом для летнего проживания и отдыха городских жителей»
КУРОРТНИК	
Словари	Толкования
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«тот, кто лечится, отдыхает на курорте»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«тот, кто лечится, отдыхает на курорте» (Разг.)

Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«человек, который лечится на курорте»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«больной, лечащийся на курорте» (нов. разг.)
«Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко. – М., 2005.	«человек, страдающий какой-либо болезнью и лечащийся или отдыхающий на курорте»
КУРОРТ	
Словари	Толкования
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	1. «местность с целебными природными свойствами, используемая для устройства санаториев, домов отдыха и т.п.» 2. «о благоустроенном, привлекательном месте, где человеку приятно жить, работать» (разг.)
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«местность с целебными природными свойствами, используемая для лечебных целей и для отдыха»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«местность с природными лечебными средствами (минеральными источниками, грязями и т.п.) и с санаториями для лечения»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«местность с природными свойствами, пригодными для лечебных целей Поселок с лечебными заведениями в такой местности»

«Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко. – М., 2005.	«медицинское учреждение санаторного типа, предназначенное для лечения и отдыха больных; расположено в местности с целебными (лечебными, укрепляющими здоровьем) свойствами; здравница, санаторий»
Ефремова Т. Ф. «Современный толковый словарь русского языка в 3-х томах» – М., 2006.	1. «местность, обладающая целебными природными свойствами, используемая для устройства санаториев, домов отдыха и т.п. 2. «Благоустроенное место, где человеку приятно жить, работать» (перен. разг.)
ОТДЫХАЮЩИЙ	
Словари	Толкования
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«тот, кто находится на отдыхе, проводит свой отпуск где-либо»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«тот, кто находится на отдыхе, проводит свой отпуск где-либо»
«Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под редакцией Н. Ю. Шведовой. – М., 1998.	«человек, проводящий где-нибудь свой отдых, восстанавливающий отдыхом свои силы»

Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«лицо, проводящее свой отдых в доме отдыха» (нов.)
«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова – СПб., 1998.	«тот, кто отдыхает, проводит свой отпуск где-либо Бездельник» (Разг.)
ОТПУСКНИК	
Словари	Толкования
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«человек, который находится в отпуске, уходит в отпуск»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«тот, кто находится в отпуске, уходит в отпуск»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«человек, который находится в отпуске»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«лицо, отправляющееся в отпуск или находящееся в отпуску» (нов.)
«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова – СПб., 1998.	«человек, который находится в отпуске»

«Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко. – М., 2005.	«человек, пользующийся правом временного освобождения от работы для отдыха, находящийся в отпуске»
«Комплексный словарь русского языка» под общей редакцией А. Н. Тихонова. – М., 2005.	«человек, который уходит в отпуск или находится в отпуске»
ТУРИСТ	
Словари	Толкования
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1991 - 1996.	«тот, кто занимается туризмом»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«тот, кто занимается туризмом»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	«человек, который занимается туризмом»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«человек, занимающийся туризмом, путешествующий для отдыха, развлечения и удовлетворения своей любознательности»
«Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко. – М., 2005.	«человек, любящий совершать путешествия, посвящающий свободное время специально продуманному, организованному, активному отдыху»
ТУРИЗМ	

Словари	Толкования
«Словарь современного русского литературного языка» в 20 т.; гл. ред. К. С. Горбачевич. – М., 1963.	«один из видов активного отдыха, представляющий собой путешествия, совершаемые с познавательной целью, с целью закали организма»
«Словарь русского языка» в 4 т. под редакцией А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1981—1984.	«путешествия, специально организованные, совершаемые для отдыха и с познавательными целями, иногда с элементами спорта»
Ожегов С. И. «Словарь русского языка: 70000 слов». – 23-е изд., испр. – М., 1991.	1. «вид спорта – групповые походы, имеющие целью физическую закали организма» 2. «вид путешествий, совершаемых для отдыха и с образовательными целями»
Ушаков Д. Н. «Толковый словарь современного русского языка» – М., 2009. (Электронный ресурс)	«вид спорта - путешествия, в которых развлечение и отдых соединяются с образовательными целями»
«Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко. – М., 2005.	«вид спорта, представляющий собой групповые походы, имеющие целью физическую закали организма, соревнования на выносливость, скорость передвижения и др., а также путешествия, специально организованные, совершаемые для отдыха и с познавательной целью (без элементов спорта)»
«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова – СПб., 1998.	«активный отдых со специально организованными путешествиями, включающими в себя познавательный, культурный, спортивный и т.п. элементы»